

ИЛ

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Эдогава Рампо

Психологический тест

Эдогава Рампо • Психологический тест

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Edogawa Rampo

Эдогава Рампо

Психологический тест

Рассказы

*Перевод с японского,
предисловие и составление
Г. Дуткиной*

**Москва
«Известия»
1989**

И (Яп)
Р 21

Ответственный редактор Библиотеки «ИЛ» В. Перехватов

Редактор И. Тогоева

Рецензент А. Долин

*Для обложки использована роспись
ширмы японского художника
Корина (конец XVII в.)*

Р $\frac{4703000000-008}{074(02)-89}$ 70-89

ISBN 5-206-00031-0

© Оформление, составление, предисловие, перевод на русский язык издательство «Известия», журнал «Иностранная литература», 1989

Мистификация длиною в жизнь

... Не надо забывать, что картина должна быть всегда отражением глубокого ощущения и что глубокое означает странное, а странное означает неизвестное и неведомое. Для того чтобы произведение искусства было бессмертным, необходимо, чтобы оно вышло за пределы человеческого, туда, где отсутствуют здравый смысл и логика. Таким образом оно приближается ко сну и детской мечтательности...

Джорджо Де Кирико

Эдогава Рампо... Повторите это несколько раз — и слух ваш уловит нечто знакомое. Японский писатель Таро Хираи выбрал для литературного псевдонима иероглифы, созвучные с именем родоначальника мировой детективной литературы — Эдгара Аллана По. Шаг не только дерзкий, но и рискованный: имя гения — непосильное бремя для начинающего литератора; оно способно раздавить, уничтожить его. Но судьба распорядилась иначе: Эдогаве Рампо предстояло сыграть ту же роль в Японии, что Эдгару Аллану По — на Западе. Искра из чужого костра разожгла новый, не менее яркий огонь.

Однажды некий иностранец поинтересовался у знаменитого японского психолога Кандзи Хатано, не путают ли японцы Эдогаву Рампо с подлинным Эдгаром По. «Ну что вы! — возмущенно воскликнул ученый. — Рампо куда популярнее!..» Да, трудно переоценить значение Эдогавы Рампо, основоположника детективного жанра в Японии, для национальной литературы.

Чтобы лучше понять роль и место Рампо в контексте национальной культуры, позволим себе краткий исторический экскурс.

Первые произведения в духе детективной литературы появились в Японии еще в XVII веке. Наиболее значи-

тельное из них — сборник «Сопоставление дел под сенью сакуры в нашей стране» (1689), принадлежащий классику японской литературы Ихаре Сайкаку. Однако написанный в жанре китайской судебной повести сборник при всей своей увлекательности носил подражательный характер и копировал сюжеты из книги китайского автора Гуй Ваньчжуна «Сопоставление дел под сенью дикой груши». Помимо Сайкаку немало еще писателей пробовали себя на этом поприще, но без особого успеха, и интерес к жанру судебной повести постепенно угас.

С окончанием периода самоизоляции страны* в Японию бурным потоком хлынула западная культура, в том числе литература — и с конца XIX века начинается увлечение американскими, английскими и французскими детективными авторами. Переводные издания выходят десятками, огромными тиражами и с восторгом принимаются читательской публикой; но несмотря на то, что уже близится к завершению первая четверть нового века, национальной детективной литературы — в современном ее понимании — по-прежнему нет.

Надо заметить, что развитие современной литературы в Японии отставало от Запада по меньшей мере на пятьдесят лет. Не избежал подобной участи и детектив. Ученые были склонны объяснять это прискорбное обстоятельство отсутствием должной научно-технической базы (что, кстати, в полной мере относится и к научно-фантастической литературе), общей социальной неразвитостью Японии начала XX века, различиями в менталитете японцев и европейцев, бюрократичностью государственного аппарата, а также традиционной регламентированностью и ориентацией среднего японца на социальную группу — последнее почти исключало возможность инициативы частного рас-

* В 1854 году США под угрозой «черной эскадры» коммодора Перри вынудили японские власти подписать торговый договор. (Здесь и далее — прим. перев.)

следования, составляющего стержень детективной литературы... Можно добавить еще ряд причин, но вряд ли стоит углубляться в детали. Во всяком случае, факт остается фактом: до 1923 года, когда появился первый рассказ Эдогавы Рампо «Медная монета», заложивший основы нового жанра, национальной детективной литературы в Японии не существовало. Попытки даже таких выдающихся писателей, как Акутагава Рюноскэ и Дзюнъитиро Танидзакэ, остались (и для жанра, и для самих авторов) случайными эпизодами.

Но вот явился японский Эдгар По — и колесо истории повернулось.

Эдогава Рампо родился в 1894 году в небольшом городке Набари (префектура Миэ) в семье мелкого чиновника. Детство его прошло в городе Нагоя, но в возрасте 17 лет Эдогава отправляется в Токио продолжить образование. Он поступает в университет Васэда и заканчивает его по отделению экономики. Прежде чем стать писателем, Рампо успевает сменить несколько профессий: он подвизается в качестве торгового агента, клерка, редактора журнала, корреспондента газеты...

Эдогава Рампо работал в жанре детектива до конца своих дней. Он писал не только художественные произведения — ему принадлежит целый ряд теоретических работ: эссе, статей, исследований. Рампо ратовал за «чистоту» жанра, призывая не расширять рамки традиционного детектива до приключенческих и научно-фантастических произведений. В 1947 году по его инициативе был создан японский Клуб писателей детективного жанра, преобразованный в 1963 году в Ассоциацию, первым председателем которой был избран сам Эдогава Рампо.

В 1954-м писатель учредил на свои средства литературную премию за лучший детективный роман, которая и сейчас вручается молодым авторам.

Скончался Рампо в 1965 году — от инсульта, в возрасте

семидесяти одного года.

Казалось бы, биография самая заурядная. Родился, учился, женился — и трудился не покладая рук. Ни трагедий, ни драм, ни приключений. Лишь время от времени короткое путешествие то на горячие источники, то на север Японии. Для стороннего наблюдателя — монотонно-бесцветное, однообразное существование. Но это не так: Рампо прожил ярчайшую жизнь — жизнь своих литературных героев. А их у него великое множество, ведь творческое наследие писателя насчитывает 25 томов!

В этом сборнике представлены произведения начального периода творчества Рампо (за исключением повести «Простая арифметика», написанной уже после войны), который исследователи полагают самым интересным в художественном отношении.

В творчестве Рампо отчетливо прослеживаются два непересекающихся направления, две струи — ирреальное и реальное, романтическое и рациональное. Мы постарались отразить в должной мере и в должных пропорциях эту его особенность, и, таким образом, произведения, вошедшие в сборник «Психологический тест», распадаются на две группы.

Известно, что детективы делятся на научные и интуитивные. Первые раскрывают совершенное преступление позитивными средствами исследования материальных улик (в Европе это направление представлено романами О. Фримена, Ф. У. Крофтса), вторые основываются на догадке и интуитивном проникновении в психологию преступника (Агата Кристи, Г. К. Честертон, Э. К. Бентли и др.). Рампо — одержимый приверженец интуитивного метода, и рассказ «Психологический тест» (1925), бесспорно, его программное произведение.

Сюжетный ход несколько неожидан: имя убийцы и мотив преступления раскрываются в первом же абзаце. Да и сама ситуация в общем-то не нова: кое-кому даже покажется,

что сцену убийства старухи Рампо скопировал у Достоевского (о механизме культурного заимствования в Японии мы поговорим несколько позже). Но уже через пару страниц снисходительно позевывающий читатель, ожидавший утомительного перечисления подробностей преступления, поймает себя на том, что с неослабевающим интересом глотает сухие, бесстрастные, как протокол судебного заседания, строки. Ни один, даже искушенный в тонкостях жанра знаток не догадается до самой развязки, каким образом хитроумный сыщик изобличит убийцу, не оставившего решительно никаких следов преступления.

Вдохновенный гимн интуитивному методу завершается эпизодом, напоминающим объяснение Раскольникова с Порфирием Петровичем, но и здесь Рампо верен себе: многочисленные аллюзии, реминисценции и прямые параллели с западной литературой для него только повод сказать нечто свое, глубоко индивидуальное и национальное. Кстати, сам психологический тест, предложенный немецким ученым Гуго Мюнстербергом, Рампо «препарирует» с такой изощренностью, столь изобретательно выявляет «слепые пятна» человеческой психики, что у читателя, по существу, не остается сомнений в превосходстве традиционного японского психологизма.

Ожесточенный спор Рампо с адептами научного детектива продолжается в повести «Плод граната» (1934). Начальная сцена потрясает человека жуткой, патологической красотой.

...Полицейский, обходя участок, замечает в заброшенном доме красноватый отсвет. Движимый естественным любопытством, он подкрадывается к двери, и перед ним открывается чудовищная картина: при неверном свете свечи длинноволосый юнец вдохновенно срисовывает с натуры совершенно невообразимый предмет, отдаленно напоминающий перезревший, растрескавшийся плод граната. При ближайшем рассмотрении «гранат» оказывается го-

ловой трупа, чудовищно обезображенного кислотой. Неизвестно не только имя убийцы — неизвестна и личность изуродованного до неузнаваемости потерпевшего...

Далее пафос повествования несколько снижается и следует длинный обстоятельный рассказ усердного служаки полицейского, мнящего себя гениальным сыщиком. Он простоват и несколько напоминает бесхитростного доктора Ватсона. Тем не менее с помощью логических построений и материальных улик (!) ему удастся изобличить настоящего преступника, затаившегося под маской добродетели. Однако... Однако не будем торопиться с выводами и предвосхищать события. Скажем лишь, что в повести — двойное, даже тройное дно. И завершается она полным крахом научного метода расследования. Эдогава Рампо — великий мастер интриги, в этом он превзошел самого По. Если последний удовлетворялся максимум двойной «перестановкой» героев, то Эдогаве Рампо этого недостаточно: он столько раз меняет местами гипотетических преступника и жертву, что финал оказывается полной неожиданностью для обескураженного читателя. Особенно любит Рампо ссылаться на своих же героев и события, с ними происходящие, как на нечто реальное, тем самым усиливая эффект погруженности в вымышленную среду и достигая удивительной достоверности («Простая арифметика», «Психологический тест»).

Не менее любимый прием — ролевая множественность, несколько ипостасей одного героя; это прослеживается во многих произведениях Рампо.

Повесть «Простая арифметика» (в оригинале «Кто?»), замыкающая первую группу — рационального и «традиционного», стоит несколько особняком: и потому, что создана она позже, уже после войны, и потому, что в отличие от других повестей и новелл сборника написана прозрачным, простым языком, свободным от затейливости

и нарочитой старомодности слога под XIX век, характерного для начального периода творчества Рампо. В ней не нагнетается атмосфера ужаса и зловещей тайны. Что это — качественно новый этап? Отход от прежних традиций? Нет. При внимательном изучении обнаруживается, что новшества носят чисто поверхностный, стилистический характер. Глубинный слой остается нетронутым — все тот же нескончаемый спор о «научном» и «интуитивном», заканчивающийся полным крахом научного метода, все те же излюбленные приемы — перевертыши, мистификации, ролевая множественность героев... Мало того, «Простая арифметика» связана с более ранним «Психологическим тестом» еще и общим героем — любителем-детективом Когоро Акэти. На этом персонаже следует остановиться особо, ибо фигура Акэти — явление глубоко национальное и весьма любопытное.

Когоро Акэти — «проходной» персонаж целого ряда произведений Рампо, как, например, Шерлок Холмс у Конан Дойла. Между Акэти и главным героем, как правило, складываются такие же отношения, как между Холмсом и доктором Ватсоном. Однако на этом сходство кончается. В Акэти нет изысканности и светского лоска Дюпена, как нет и блистательной, виртуозной игры ума Шерлока Холмса. Рампо чрезвычайно скуп описывает своего героя: самая яркая, деталь, кочующая из произведения в произведение, это «вечно растрепанные волосы» и неизменная ироническая усмешка. Акэти молод и — что можно определить лишь по косвенным признакам — отнюдь не богат. Всем своим обликом он походит на студента, штудирующего труды по криминалистике и психологии в убогой, протекающей во время дождей мансарде. Да и в его «расследованиях» (пожалуй, за исключением «Психологического теста») нет блеска, отличающего его европейских собратьев-детективов. Но это отнюдь не свидетельство творческой несостоятельности писателя. Не будет пре-

увеличением сказать, что образ Акэти порожден японским обществом. Чтобы понять и принять подобный тезис, необходимо вернуться назад, к началу — к причинам столь позднего возникновения в Японии детективного жанра. Ибо истоки обоих явлений — одни и те же.

Итак, отсутствие должной научно-технической базы; как следствие этого — общая социальная неразвитость Японии начала XX века, бюрократичность государственного аппарата, традиционная регламентированность и ориентация среднего японца на социальную группу... Достаточно. Вполне достаточно, чтобы понять, откуда возник любитель-детектив Когоро Акэти. Какое же отношение имеет общественный прогресс к детективному персонажу? — спросите вы. Самое непосредственное. В контексте японского общества индивидуальность — сомнительное достоинство. Быть «среди всех» подразумевает «быть как все». Некая приземленность, неотличимость от прочих, доступность и близость делают Акэти особенно привлекательным для среднего японца. Иными словами, для рядового, массового читателя. Ведь глупо было бы отрицать, что в конечном итоге детективная литература — литература, конечно же, массовая.

Впрочем, что касается последнего пункта, то здесь творчество Рампо далеко не однозначно. Не будем забывать о второй — не менее мощной и самоценной — струе: о волшебном и ирреальном. Забавно, но факт: непревзойденный мистификатор, Рампо стал жертвой само-мистификации длиной в жизнь.

Границы детективного жанра размыты, четких дефиниций здесь не существует. Наличие тайны — уже отличительный признак детективной литературы. И Рампо, ратуя за «чистоту» детективного жанра, до самых последних дней работал в совершенно ином направлении — в традиционном японском жанре «кайдан» (рассказов об ужасном), даже не подозревая об этом.

Обнаружив это под конец жизни, Рампо самолично разделил собственные произведения на «чистые» детективы и «рассказы об ужасном». Следуя его примеру, отнесем ко второй группе — романтического и ирреального — вошедшие в данный сборник новеллы «Путешественник с картиной» (1929), «Волшебные чары луны» (в оригинале «Доктор Мэра», 1931) и «Человек-кресло» (1925).

Романтически-ирреальное у Эдогавы Рампо родилось не из западного готического романа, а из национального опыта средневековой литературы. В Японии традиция жанра «кайдан» уходит корнями в глубокую древность. На протяжении многих веков огромной популярностью пользовались (что было обусловлено характером народных верований) рассказы об оборотнях, привидениях, духах и прочих сверхъестественных явлениях. Жанр новеллы о чудесах полностью сложился в начале XVII века.

Однако у Эдогавы Рампо волшебство носит прикладной характер. Оно не более чем средство художественного выражения, тонкий флер, приукрашивающий реальность. Главное для Рампо — запечатлеть «ужас души», свою собственную тоску и смятение. Недаром все чудовищные, жутковатые истории в его произведениях рассказаны от лица специально введенных персонажей, то ли существовавших в действительности, то ли пригрезившихся писателю.

Новелла «Путешественник с картиной» исполнена особого очарования, в ней ощущается изысканность, присущая японской куртуазной литературе.

В иной тональности выдержан рассказ «Волшебные чары луны» — невероятная, загадочная история о «зеркальных» самоубийствах. Эта новелла в отличие от рассказа «Путешественник с картиной» лишена романтизма; вместо изысканности — жутковатая реалистичность традиционного «кайдана». Даже сам антураж — ночная тьма, лу-

на, «зеркальный» пейзаж — напоминает средневековые волшебные повести.

Итак, заглянем в творческую мастерскую «волшебника» Рампо.

Ночь, тьма, луна, зловещие тени, картины с ожившими персонажами — это традиционное, то, что оттачивалось и совершенствовалось веками. Но по соседству с привычными атрибутами старины мы обнаружим совершенно неожиданные предметы — уже из нашего, XX века.

«Бинокли, отдаляющие и уменьшающие предмет до размера песчинки или, напротив, чудовищно увеличивающие его; микроскопы, способные превратить крохотного червячка в ужасающего дракона, — во всем этом есть что-то от черной магии», — читаем мы в рассказе «Путешественник с картиной». Да, бинокли, «эти орудия дьявола», приоткрывают Рампо — а заодно и его читателям — кусочек иного, потустороннего мира.

Кстати, страх перед линзами и всякого рода оптическими приборами писатель вынес из детства: маленького Рампо напугало и потрясло чудовищное, inferнальное видение, возникшее под увеличительным стеклом, с которым ему вздумалось поиграть во время болезни. С детских же лет, вероятно, запал ему в душу и сладкий ужас игры в прятки (рассказ «Человек-кресло»).

Не менее почитаемы Рампо куклы, особенно манекены («Путешественник с картиной», «Волшебные чары луны»), искусственные глаза («Плод граната», «Волшебные чары луны»), еще больше — зеркала, внушающие его героям просто «мистический ужас» («Волшебные чары луны»). Тема зеркал — магистральная тема у Рампо. Рассказ «Ад зеркал» (1926), к сожалению в сборник не вошедший, целиком посвящен кошмару отражений.

Примечательно, что тему зеркал Рампо трактует иначе, нежели средневековые волшебные новеллы. Магия зеркал и биноклей у Рампо физически ощутима, это —

окошко, приоткрывающее красоту inferнального. Даже в самых рациональных произведениях нет-нет, да и проскользнет — пусть косвенно, мимоходом — намек на существование иного мира. Как, скажем, в повести «Простая арифметика» всплывает вдруг, хотя и в юмористическом ключе, призрак «неотмщенной О-Кику» — утонувшей в колодце героини средневековой легенды. Или возникает (не совсем кстати) стеклянный глаз погибшего персонажа, который «хотел вымолвить что-то» (повесть «Плод граната»).

«Глубокое означает странное, а странное означает... неведомое». Джорджо Де Кирико полагают предтечей сюрреализма в живописи. В Эдгаре По иные критики склонны видеть пророка, предвосхитившего сюрреалистическую литературу XX века с ее смешением действительного и ирреального. С не меньшим основанием можно искать аналогичные черты в творчестве Эдогавы Рампо, тем более что восприятие сюрреализма в Японии было подготовлено всей практикой дзэн-буддизма. Но это предмет отдельного исследования, и стоит ли разрушать магию Слова писателя подобными изысканиями? Предоставим ему самому сказать за себя.

Прежде чем перевернуть страницу и ввести читателя в волшебный, полный грез и загадок мир сновидений Рампо, скажем (как и было обещано в самом начале) об одном удивительном свойстве японской культуры. О преемственности и самобытности.

Феномен Рампо — явление для Японии не уникальное. Уникально оно для нас, европейцев, — своей множественностью и повторяемостью. Вспоминая историю японской культуры — начиная с проникновения в страну в V веке н. э. китайской иероглифической письменности, — осознаешь, что для Японии характерна особая форма культурных заимствований. В этой стране чрезвычайно сильны защитные механизмы адаптации и выживаемо-

сти традиционного, национального, что в очередной раз блистательно подтвердил своим творчеством Эдогава Рампо, воплотив на практике излюбленную японцами формулу: «Заимствовав у других, наполнить собственным содержанием».

Г. Дуткина

Путешественник с картиной

Ежели то, о чем я намереваюсь поведать, не было грезой, плодом воспаленного воображения или временным помрачением рассудка, значит, безумен не я, а тот незнакомец с картиной. А может быть, просто мне удалось увидеть сквозь волшебный кристалл сгустившейся атмосферы кусочек иного, потустороннего мира — как порой душевнобольному дано прозреть то, что нам, людям в здравом уме, невозможно увидеть; как в сновиденьях уносимся мы на призрачных крыльях в иные пределы...

Это произошло теплым пасмурным днем. Я возвращался тогда из Уодзу *, куда ездил с одной-единственной целью — полюбоваться на миражи. Правда, стоит мне помянуть мое приключение, как друзья начинают подтрунивать надо мной — мол, все это сказки и в Уодзу-то я никогда не бывал, — что неизменно повергает меня в смущение: в самом деле, как я могу доказать, что действительно оказался однажды в Уодзу? А может быть, они правы — и мне все это только приснилось... Но разве снятся *такие* сны? Сновиденья почти всегда лишены живых красок, как кадры в черно-белом кино; однако та сцена в вагоне, а в особенности сама картина, ослепительно яркая, горящая пурпуром и кармином, точно рубиновый глаз змеи, до сих пор не стерлись из моей памяти.

* Городок на северо-востоке Японии, на побережье Японского моря. Знаменит миражами, наблюдаемыми в апреле—мае.

В тот день я впервые увидел мираж. Я думал, что это нечто вроде старинной гравюры — скажем, дворец морского дракона, выплывающий из тумана, — но то, что предстало моим глазам, настолько ошеломило меня, что я весь покрылся липкой испариной.

Под сенью сосен, окаймляющих побережье в Уодзу, собрались толпы людей; все с нетерпением всматривались в бескрайнюю даль. Мне еще не доводилось видеть такого странно-безмолвного моря. Угрюмого серого цвета, без признаков даже легчайшей ряби на совершенно невозмутимой поверхности, море это скорей походило на гигантскую, без конца и края, трясицу. В его безбрежном просторе не видно было линии горизонта: воды и небеса сливались друг с другом в густой пепельно-сизой дымке. Но вдруг в этой пасмурной мгле — там, где, казалось, должно начинаться небо, — заскользил белый парус. Что касается самого миража, то впечатление было такое, словно на молочно-белую пленку брызнули капельку туши и спроецировали изображение на неохватный экран. Далекий, поросший соснами полуостров Ното, мгновенно приближенный искривленной линзой атмосферы, навис исполинским расплывчатым червем прямо над нами. Мираж походил на причудливое черное облако, однако в отличие от настоящего облака видение было ускользающе-неуловимым. Оно беспрестанно менялось, то принимая форму парящего в небе чудовища, то вдруг расплываясь в дрожащее фантазмагорическое создание, мрачной тенью повисавшее прямо перед глазами. Но именно эта неверность и зыбкость внушали зрителям зловещий, неподвластный разуму ужас.

Расплывчатый треугольник неудержимо увеличивался в размерах, громоздясь точно черная пирамида — чтобы рассеяться без следа в мгновение ока, — и тут же вытягивался в длину, словно мчащийся поезд, который в следующее мгновение превращался в диковинный лес ветвей.

Все эти метаморфозы происходили совершенно неуловимо для глаза: со стороны казалось, что мираж неподвижен, однако непостижимым образом в небе всплывала уже совершенно иная картина. Не знаю, можно ли под влиянием колдовства миражей временно повредиться в рассудке, однако, полюбовавшись в течение двух часов на перемены в небе, я покинул Уодзу в престранном состоянии духа.

На токийский поезд я сел в шесть часов вечера. В силу удивительного стечения обстоятельств (а может, для этой местности то было обыденное явление) мой вагон второго класса был пуст, как церковь после службы; лишь в самом конце вагона сидел один-единственный пассажир.

Паровоз запыхтел и с лязганьем потащил состав вдоль унылого моря по песчаному берегу, минуя обрывистые утесы. Через плотную дымку, окутавшую похожее на трясику море, смутно просвечивал густо-красный закат. И над этим мрачным покоем безмолвно скользил большой белый парус.

День был душный, ни малейшего дуновения ветерка; даже легкие сквозняки, врывающиеся в открытые окна вагона, не приносили прохлады. За окном тянулось безбрежное серое море; в глазах мелькали полосы коротких туннелей да проносились мимо столбы снегозащитных заграждений.

Когда поезд промчался над кручей Оясирадзу, спустились сумерки. Сидевший в дальнем конце тускло освещенного вагона пассажир вдруг поднялся и начал бережно заворачивать в кусок черного атласа прислоненный к окну довольно большой плоский предмет. Отчего-то я почувствовал под ложечкой неприятный холодок.

Несомненно, это была картина, но до сих пор она стояла лицом к стеклу с какой-то определенной, хотя и совершенно непонятной мне целью. На короткий миг

мне удалось увидеть ее — и меня ослепили вызывающе яркие, необычайно живые краски.

Я украдкой взглянул на обладателя странной картины и поразился еще сильнее: попутчик мой выглядел куда более странно. Он был облачен в старомодную, чрезвычайно тесную черную пиджачную пару — такой фасон можно встретить разве только на старых выцветших фотографиях наших отцов, — но костюм идеально сидел на длинной сутулой фигуре незнакомца. Лицо его было бледным, изможденным, лишь глаза сверкали каким-то диковатым блеском, тем не менее он казался человеком вполне достойным и даже незаурядным.

Разделенные аккуратным пробором волосы поблескивали черным маслянистым глянцем, и на вид я дал ему лет сорок, однако, вглядевшись попристальней в покрытое мелкой сеткой морщин лицо, тут же накинул еще десятка два. Несоответствие глянцевито-черных волос и бесчисленных тонких морщин неприятно поразило меня.

Завернув картину, он вдруг обернулся ко мне. Я не успел отвести глаза, и наши взгляды встретились. Он как-то криво и несколько смущенно улыбнулся. Я машинально поклонился в ответ.

Поезд пролетел мимо нескольких полустанков, а мы, каждый в своем углу, все поглядывали друг на друга и всякий раз с неловким чувством отводили глаза. За окном чернела ночь. Я прикинул к стеклу, но не смог разглядеть ни единого огонька — только далеко в море мерцали фонарики одиноких рыбацких суденышек. И в этой безбрежной ночи мчался вперед, громыхая на стыках колесами, наш полутемный длинный вагон — единственный островок жизни в океане тьмы. Казалось, во всем белом свете остались лишь мы — я и мой странный попутчик. Ни один пассажир не подсел к нам, и, что особенно удивительно, ни разу не прошел кондуктор или

мальчишка-разносчик.

В голову мне полезли всякие страшные мысли: а что, если мой попутчик — это злой чужеземный волшебник? Известно, что ужас, если ничто не отвлекает внимания, все растет и растет и наконец завладевает всем твоим существом. Измученный этим томительным чувством, я резко поднялся и решительным шагом направился в дальний конец вагона, где сидел незнакомец. Казалось, страх магнитом притягивает меня к нему. Я уселся напротив и впился глазами в его бледное, изборожденное морщинами лицо, испытывая странное ощущение нереальности происходящего. От волнения у меня даже перехватило дыхание.

Незнакомец следил за каждым моим движением, а когда я уселся, сверля его взглядом, он, точно и ждал того, показал на завернутый в черный атлас предмет.

— Хотите взглянуть? — спросил он без предисловий.

Подобная прямолинейность смутила меня, и я не нашел, что ответить.

— Но ведь вы, конечно, сгораете от любопытства, — констатировал он, видя мое замешательство.

— Д-да... Пожалуй... Если вы будете столь любезны, — неожиданно для себя пробормотал я, замороженный его загадочными интонациями, хотя до этой минуты даже не помышлял о картине.

— С большим удовольствием покажу вам ее, — улыбнулся он и прибавил: — Я давно уже жду, когда вы об этом попросите...

Бережно, ловкими движениями своих длинных пальцев он развернул ткань и прислонил картину к окну, на сей раз изображением ко мне.

Взглянув на нее, я невольно зажмурился. Я и сейчас не смог бы назвать причину — но отчего-то я испытал сильнейшее потрясение. Огромным усилием воли я заставил себя открыть глаза — и увидел настоящее чудо. Мне, по-

жалуй, не хватит умения объяснить странную красоту картины.

Это была тонкая ручная работа в технике «осиэ» *. На заднем плане тянулась длинная анфилада комнат, изображенных в параллельной перспективе, как на декорациях театра Кабуки; комнатки с новенькими татами ** и решетчатым потолком были написаны темперой, с преобладанием ярко-синих тонов. В левом углу на переднем плане художник тушью изобразил окно, а перед ним — с полным пренебрежением к законам проекции — черный письменный стол.

В центре — две довольно большие, сантиметров в тридцать, человеческие фигуры.

Собственно, только они были выполнены в технике «осиэ» и разительно выделялись на общем фоне. Убеленный сединами старец, одетый по-европейски — в старомодный черный костюм, — церемонно сидел у стола. Меня изумило его несомненное сходство с владельцем картины. А к нему с невыразимой пленительной грацией прильнула юная девушка, почти девочка, лет семнадцати — восемнадцати, совершеннейшая красавица.

Причесанная в традиционном стиле, она была одета в роскошное, переливающееся всеми оттенками алого и пурпурного кимоно с длинными рукавами, перехваченное изысканным черным атласным оби ***. Их поза напоминала любовную сцену из классического спектакля.

Контраст между старцем и юной красавицей был ошеломляющий, однако не это поразило меня. В сравнении с аляповатой небрежностью фона куклы отличались такой

* Картина, выполненная в особой, требующей большого искусства, манере: фигурки людей, птиц и цветы вырезают из плотной бумаги и обклеиваются красивой шелковой тканью. Для придания естественной выпуклости форм внутри прокладывается слой ваты. Готовые фигурки наклеиваются на деревянную основу картины или на гобелен.

** Соломенные циновки, используемые для настила полов.

*** Широкий пояс в традиционном японском костюме.

изысканностью и изощренностью мастерства, что у меня захватило дух. На их лицах из белого шелка я мог различить каждую черточку, вплоть до мельчайших морщинок; волосы юной прелестницы были самыми настоящими, причем каждый волосок мастер вшил отдельно и собрал в прическу по всем правилам; то же самое можно было сказать и о старце. А на его черном бархатном костюме я разглядел даже стежки ровных швов и крохотные, с просяное зернышко, пуговики. Мало того — я увидел припухлость маленькой груди девушки, соблазнительную округлость ее бедер, шелковистость алого крепа нижнего кимоно, розоватый отлив обнаженного тела, видневшегося из-под одежд. Пальчики девушки увенчивались крошечными, блестящими как перламутровые ракушки ноготками... Все было таким натуральным, что возьми я увеличительное стекло, то, наверное, обнаружил бы поры и нежный пушок на коже.

Картина, похоже, была очень старой, так как краска местами осыпалась и одежды на куклах слегка поблекли от времени, но, как ни странно, во всем сохранялась ядовитая яркость, а две человеческие фигуры выглядели непостижимо живыми: еще миг — и они заговорят.

Мне не раз доводилось видеть на представлениях, как оживают куклы в руках умелого кукловода, но старца и девушку, в отличие от театральных кукол, оживавших только на краткий миг, переполняла подлинная, непреходящая жизнь.

Незнакомец, подметив мое изумление, с удовлетворением усмехнулся.

— Ну что, теперь догадались, любезный?

Он осторожно открыл маленьким ключиком висевший у него на плече черный кожаный футляр и извлек оттуда подержанный старомодный бинокль.

— Взгляните-ка на эту картину в бинокль. Нет-нет, так слишком близко. Отступите немного...

Предложение было поистине необычным, но, охваченный любопытством, я послушно поднялся и отошел шагов на шесть. Мой собеседник, видимо, для того чтобы я мог лучше рассмотреть картину, взял ее в руки и поднес к свету. Вспоминая сейчас эту сцену, не могу не признать, что она отдавала безумием.

Бинокль был весьма старый, явно европейского образца, с причудливой формы окулярами: такие бинокли украшали витрины оптических магазинов в пору моего детства. От долгого употребления черная кожа местами протерлась, и показалась желтая латунная основа. Словом, это был такой же атрибут старых добрых времен, как и потертый костюм незнакомца.

Я повертел его в руках, с интересом разглядывая диковинную вещицу, затем поднес к глазам. Но тут незнакомец испустил такой дикий вопль, что я невольно вздрогнул, едва не выронив бинокль из рук.

— Остановитесь! Так нельзя! Никогда не смотрите в бинокль с другого конца, слышите, никогда! — Лицо незнакомца покрылось смертельной бледностью, глаза вылезли из орбит, руки тряслись.

Меня поразила его безумная выходка: я не видел большого греха в этой ошибке. Озадаченно пробормотав извинения, я перевернул бинокль, нетерпеливо навел на резкость — и из радужного ореола выплыла неправдоподобно большая, в натуральную величину, фигура красавицы.

Эффект был потрясающий. Дабы читателю стало понятно, скажу лишь, что подобное ощущение возникает, когда смотришь на всплывающих со дна моря ныряльщиц за жемчугом. Под толстым слоем голубоватой воды тело кажется неясным, расплывчатым; оно колыхается, словно морская трава. Но постепенно, по мере того как ныряльщица поднимается на поверхность, облик ее становится все яснее, все четче — и вот происходит мгновенное чудесное превращение: вынырнув, белый оборотень преобра-

жается в человека.

Так вот, линзы бинокля приоткрыли мне совершенно особый, непостижимый мир, в котором жили своей загадочной жизнью прелестная девушка со старинной прической и старик в старомодном европейском костюме. Я испытал неловкость, подсмотрев по воле волшебника их сокровенную тайну, однако все смотрел и смотрел как зачарованный и не мог оторвать глаз.

Девушка сидела на том же месте, но теперь — я ясно видел это сквозь окуляры бинокля — тело ее словно наполнилось жизненной силой: белоснежная кожа светилась персиковым румянцем, грудь волновалась под тонкой пурпурно-алой тканью; мне казалось, я даже слышу биение сердца!

Рассмотрев красавицу с головы до ног, я перевел бинокль на седовласого старца, восторженно обнимавшего свою возлюбленную, годившуюся ему в дочери. На первый взгляд казалось, что он так и лучится счастьем, но на его изборожденном морщинами лице, увеличенном линзами бинокля, лежала печать затаенной горечи и отчаяния. Чем дольше я смотрел на него, тем явственней проступало выраженье щемящей тоски.

Ужас пронзил меня. Не в силах смотреть на это, я оторвался от окуляров и безумным взором обвел унылый вагон. Ничто не переменилось: за окном по-прежнему чернела мгла и все так же монотонно постукивали колеса на стыках рельсов. Я чувствовал себя так, словно очнулся от ночного кошмара.

— Вы плохо выглядите, — заметил незнакомец, взглядываясь в меня.

— Кружится голова... Здесь очень душно, — нервно откликнулся я, пытаюсь скрыть свое замешательство.

Но он, точно не слыша, нагнулся ко мне и, воздев длинный палец, таинственно проговорил:

— *Они настоящие, ясно?*

Глаза его странно расширились. Он шепотом предложил:

— Хотите узнать их историю?

Вагон качало, колеса лязгали, и я, подумав, что ослышался, переспросил. Мой собеседник утвердительно кивнул:

— Да, историю их жизни. Точнее сказать, жизни этого старика.

— Вы... Вы хотите сказать, его юности? — Вопрос мой, впрочем, тоже был за гранью разумного.

— В ту пору ему исполнилось двадцать пять...

Я ждал продолжения, словно речь шла о живых людях, и незнакомец, заметив мое нетерпение, просиял.

Вот та невероятная история, что я от него услышал.

— Я помню все до мельчайших подробностей, — начал он свое повествование. — Я прекрасно помню тот день, когда мой брат превратился в *это*, — он ткнул пальцем в картину. — Вернее, вечер двадцать седьмого апреля тысяча восемьсот девяносто шестого года... Мы с братом жили тогда в родительском доме, в Нихонбаси, — это почти центр Токио. Отец был торговцем мануфактурой и держал лавку.

Незадолго до этого случая в парке Асакуса выстроили знаменитую двенадцатиярусную башню. И вот мой братец взял за привычку каждый день любоваться с нее видом на Токио. Должен заметить, что брат мой вообще отличался некоторой чудаковатостью: он был страстный охотник до всего новомодного и иностранного... Этот бинокль он приобрел в одной антикварной лавке — в китайском квартале Иокогамы — за огромные по тем временам деньги. Прежде он якобы принадлежал какому-то чужеземному капитану...

Говоря «мой братец», незнакомец указывал на картину, словно бы рядом с нами сидел живой человек. Я понял, что он не отделяет своего реально существовавшего брата

от старика на картине. Мало того, он обращался к картине как к реальному человеку. Но что самое удивительное, и сам я ни на мгновение не подвергал эту связь сомнению. Видно, оба мы существовали в тот вечер в ином, фантастическом мире.

— Вам доводилось когда-нибудь подниматься на эту башню? Нет? Ах, как жаль. Чудесное здание. Можно было только дивиться — что за кудесник его построил. По слухам, проектировал башню какой-то итальянский архитектор. Должен сказать, что в те времена в парке Асакуса много было любопытных аттракционов: человек-паук, танец с мечами, балансирование на мяче, уличные фокусники, а также кинетоскоп... Да, и еще Лабиринт криптомерий, где легко можно было заблудиться в хитросплетениях зеленых проходов. А в центре парка возвышалась гигантская башня, сложенная из кирпича. Поистине, то было удивительное сооружение — высотой более восьмидесяти метров, — увенчанное восьмигранной крышей, походившей на китайскую шляпу. Из любой точки города, где бы вы ни находились, было видно это красное чудище. Жаль, что башню разрушило Великое землетрясение *...

Итак, весной мой брат приобрел бинокль. События начали разворачиваться вскоре после того. Брат стал каким-то странным. Отец всерьез беспокоился, что он повредился в рассудке; я, как вы понимаете, тоже переживал за своего горячо любимого брата. Он почти ничего не ел, дома больше отмалчивался и, запершись у себя, часами предавался раздумьям. Брат похудел, щеки ввалились, лицо у него приобрело нездоровый оттенок и только глаза лихорадочно блестели.

Каждый день он до самого вечера не появлялся дома, точно ходил на службу. Сколько мы ни пытали его, брат не говорил нам, где бывает. Матушка со слезами умоляла открыться, что его гложет, но толку так и не добились. Это

* Землетрясение 1923 года, сильно разрушившее Токио.

продолжалось около месяца.

Вконец отчаявшись, я решил выследить, где пропадает мой братец. Матушка тоже просила меня об этом.

...День был унылый, пасмурный, как сегодня. И вот вскоре после обеда по уже укоренившейся привычке брат куда-то собрался: надел шегольской черной костюм и вышел, прихватив бинокль. Он шагал туда, где останавливалась конка. Я крался следом, стараясь не попасться ему на глаза. Неожиданно брат на ходу вскочил в конку, следовавшую в направлении парка Асакуса. Дождаться следующего вагона было бессмысленно; я нанял рикшу (благо матушка дала мне немного денег) и велел держаться за конкой, в которую сел мой брат. Рикша попался быстрогой, и мы мчались, не теряя вагон из виду.

Братец сошел. Я тоже отпустил рикшу и, соблюдая осторожность, тенью последовал за братом. И как вы думаете, куда мы пришли? К храму богини Каннон в парке Асакуса. Брат миновал ворота, не останавливаясь, прошел мимо храма, мимо павильончиков с аттракционами, теснившихся за храмовыми постройками, и, проталкиваясь сквозь толпу, подошел к той самой двенадцатиярусной башне. Уплатив за вход, он скрылся в ее недрах, а я буквально остолбенел от изумления: мы и представить себе не могли, что именно здесь пропадает мой брат! В ту пору я был совсем юн и, конечно, вообразил, что его околдовал злой дух башни.

Сам я только раз поднимался на башню, да и то вместе с отцом: отчего-то она вызывала у меня непонятное отвращение; но поскольку именно там скрылся брат, я без колебаний устремился следом.

...Я поднимался по узкой каменной лестнице, на один виток отставая от брата. Внутри было мрачно и сыро, как в склепе. Шла война с Китаем, и на стенах висели жутковатые, изображавшие батальные сцены картины, написанные м а с л о м , — тогда еще довольно большая редкость.

Словно залитые брызжущей кровью, полотна зловеще але-ли в тусклом свете, сочившемся через оконца. Спиральная, как раковина улитки, лестница виток за витком вела вверх. Под самой крышей была открытая площадка, огороженная перилами. Выйдя из сумрака на яркий свет, я невольно зажмурился.

Облака плыли прямо над головой; казалось, я могу достать их рукой. Внизу беспорядочно лепились друг к другу крыши домов, вдали темнел форт, за ним виднелся Токийский залив. Прямо под собой я увидел маленький, как кукольный домик, храм; среди крохотных коробочек-павильонов сновали человечки, у которых сверху различимы были лишь ноги и головы.

Несколько посетителей, негромко переговариваясь, восхищенно любовались раскинувшимся видом. Брат стоял поодаль и не отрываясь смотрел в бинокль на храм Каннон. Поразительной красоты было зрелище! Фигура брата в черном бархатном одеянии отчетливо вырисовывалась на фоне серых облаков: он стоял задумчивый, отрешенный от всего земного, словно святой на картине европейского живописца. Я не решался окликнуть его...

Однако, памятуя матушкин наказ, я все же осмелился приблизиться и робко спросить: «Братец, куда ты смотришь?» Брат резко обернулся, и на лице его промелькнуло неприязненное выражение. Он не ответил. Но я не унимался: «Братец, ты ведешь себя очень странно. Отец и матушка просто места себе не находят от беспокойства, все гадают, что с тобой происходит. А ты, оказывается, ходишь сюда! Зачем, брат? Братец, ради всего святого, откройся мне, мне-то можешь довериться, правда?»

Брат упорно молчал, но я тоже не отступал, и он наконец сдался. Однако ответ его поверг меня в еще большую растерянность, ибо история оказалась совершенно невыслышимой.

...Примерно с месяц назад брат поднялся на башню по-

любоваться в бинокль храмом Каннон, и среди моря лиц он вдруг увидел девушку. Она была так прекрасна, так божественно хороша, что брат мой, равнодушный к женскому полу, едва не лишился чувств. Придя в себя, он стал лихорадочно крутить окуляры, но красавица словно испарилась, он так и не смог отыскать ее в толпе.

С тех пор брат лишился покоя. Образ прекрасной незнакомки неотступно преследовал его, и будучи от природы человеком скрытным, он таял от старомодных любовных мук. Современная молодежь, вероятно, посмеялась бы над подобным чудачеством, но в те времена люди были иными — и нередко мужчины сгорали от страсти к красавицам, с которыми им и побеседовать-то не довелось...

И вот, одержимый безумной надеждой отыскать незнакомку среди людских толпищ, осаждающих храм Каннон, брат, слабея от голода и тоски, изо дня в день все поднимался и поднимался на башню. Да, непостижимое чувство — любовь...

Окончив рассказ, брат с отчаянием приник к окулярам. Глаза его болезненно сверкали. Я горячо сочувствовал ему, сердце мое обливалось кровью при мысли, что поиски его обречены на неудачу: ведь с равным успехом можно искать иголку в стоге сена. Но у меня не хватало духу помешать ему, и со слезами на глазах смотрел я на трагическую фигуру брата. Но вдруг... О, мне никогда не забыть пронзительной красоты той минуты! Прошло уже столько лет, но стоит закрыть глаза, как я снова вижу эту картину... Как я уже говорил, брат точно парил в серых пасмурных облаках. И вот красочным фейерверком в небо взмыл рой воздушных шаров — красных, синих, лиловых... Это было невероятное зрелище — словно знамение свыше, — и от странного предчувствия у меня защемило сердце. Я перевесился через перила, взглянуть, что случилось. Оказалось, что торговец шарами, зазевавшись, отпустил в воздух разом весь свой товар. Причина была самая зау-

рядная, но странное чувство не покидало меня... И тут — тут мой брат, покраснев от волнения, схватил меня за руку.

«Скорее! Мы опоздаем! — кричал он, сбегая по лестнице. — Это она! Я нашел ее!»

Брат тащил меня к храму.

«Я видел ее в гостиной, в доме с новенькими татами. Теперь я знаю, где найти ее!»

Ориентиром нам служила большая сосна, росшая позади храма, рядом с ней, похоже, и был дом, где скрывалась красавица. Но сколько мы там ни ходили, к великому разочарованию брата, девушки не нашли. Сосна стояла на месте, но поблизости не было ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего тот дом. Я убежден, что брату просто-напросто померещилось, но он впал в такое уныние, что для очистки совести я принялся обшаривать все окрестные чайные домики, разумеется, безуспешно.

Когда я вернулся туда, где оставил убитого горем брата, его на месте не оказалось. Я поспешил вернуться к сосне и, пробегая мимо лотков и палаток, заметил один павильончик, который еще не закрылся. Приглядевшись, я увидел подле него брата, прильнувшего к глазку кинетоскопа.

«Братец, ты что?» Я тронул его за плечо.

Он обернулся. Лицо его я помню и поныне.

Взгляд у него был отсутствующий, устремленный в невидимое далеко. Глаза мечтательно сверкали, даже голос звучал словно из другого мира.

«Она там... Внутри!» — выдохнул он.

Я сразу понял, о чем идет речь, и приник к глазку. Перед моими глазами всплыло прелестное лицо дочери зеленщика, О-Сити — бессмертной героини любовной драмы Кабуки *. На картине — ибо это была картина в техни-

* Шестнадцатилетняя О-Сити, дочь зеленщика, — реально существовавшее историческое лицо. Не найдя иного способа увидеться с возлюб-

ке «осиэ» — художник запечатлел сцену свидания: очаровательная О-Сити нежно прильнула к своему возлюбленному Китидза в покоях храма Китидзэджи.

Без сомнения, то было творение гениального мастера. Особенно ему удалась О-Сити: от девушки невозможно было оторвать глаз, чудное лицо ее дышало жизнью. Даже мне показалось, что она живая, так что я нисколько не удивился странным речам брата:

«Я понимаю, что это всего только кукла, сделанная из шелка, но я не могу отказаться от нее. О, как бы я желал быть на месте ее возлюбленного и поговорить с ней хоть раз!»

Брат стоял в каком-то оцепенении. Я догадался, что картину он разглядел с башни — через полуоткрытую крышу павильончика.

Сгущались сумерки, толпы посетителей редели. Возле павильона с кинетоскопом слонялись только мальчишки, которым явно не хотелось уходить. Однако потом и они куда-то исчезли.

Небо хмурилось весь день, но сейчас облака, набухшие влагой, висели совсем низко, усугубляя мрачное чувство. Где-то вдалеке слышалось угрожающее ворчание грома. А брат все стоял как потерянный, отрешенно глядя куда-то вдаль. Так прошло довольно много времени.

Тьма спустилась на землю; над павильоном, где выступали акробаты, зажглись яркие газовые огни вывески. Вдруг брат, точно очнувшись от забытья, схватил меня за руку:

«Я придумал! Сделай то, что я скажу: переверни биннокль и посмотри на меня с другого конца!»

То была странная просьба. Но сколько я ни добивался объяснений, брат упрямо твердил:

ленным, она подожгла родительский дом, за что была предана казни. Знаменитый писатель XVII в. Ихара Сайкаку посвятил этому событию новеллу «Повесть о зеленщике, сгубившем ростки любви», ставшую впоследствии пьесой театра Кабуки.

«Не спрашивай, делай, как я велю».

Надо заметить, что я всегда питал отвращение ко всякого рода оптическим приборам. Все эти бинокли, отдаляющие и уменьшающие предмет до размера песчинки или, напротив, чудовищно увеличивающие его; микроскопы, способные превратить крохотного червяка в ужасающего дракона, — во всем этом есть что-то от черной магии. А потому я редко брал драгоценный бинокль брата. Он почему-то казался мне орудием дьявола...

И уж конечно, смотреть в него на задворках безлюдного храма в ночной час было совсем уже дико и страшно, но послушаться я не посмел. Когда я поднес бинокль к глазам, фигура стоявшего рядом брата мгновенно уменьшилась до полуметра, однако я отчетливо различал ее в темноте. Потом, продолжая быстро уменьшаться, — может быть оттого, что он отошел назад? — брат превратился в красивую куклу, которая воспарила в воздух... и растаяла в ночной мгле.

Ужас объял меня. Я бросил бинокль и заметался из стороны в сторону, в отчаянии призывая брата:

«Где ты? Братец! Отзовись!»

Но все было тщетно. Я его не нашел. Да, мой друг, брат исчез из этого мира... С той поры я стал еще больше бояться биноклей — этих дьявольских штучек. И особенно того самого, что вы держали в руках. Не знаю, как там все прочие, но этот приносит несчастье: стоит взглянуть в него с другого конца — и навлечешь на себя неисчислимы беды. Теперь вам, надеюсь, понятно, почему я так грубо остановил вас?..

Но вот что случилось дальше: устав от бесплодных поисков, я вернулся к павильончику с кинетоскопом. И вдруг меня осенила неожиданная догадка: а что, если брат воспользовался магическими чарами бинокля и, обратившись в куклу, переселился на картину?

Я упросил закрывшего павильончик хозяина дать мне

взглянуть на храм Китидзэджи — и что же? Как я и предчувствовал, в неверном свете масляного светильника я увидел брата, сидевшего на месте Китидза. С выражением высшего блаженства он обнимал красавицу О-Сити...

Удивительно, но мне не было грустно, напротив, я до слез радовался тому, что заветная мечта брата сбылась.

Сговорившись с владельцем о покупке картины (странно, он так и не увидел подмены — не заметил, что вместо Китидза рядом с О-Сити сидит мой брат, облаченный в европейское платье), я прибежал домой и от начала до конца рассказал обо всем матушке. Но ни матушка, ни отец не поверили мне, решив, что я не в себе. Правда, забавно?.. — И мой попутчик захохотал, как над удачной остротой. Почему-то мне тоже стало очень смешно.

— Я так и не смог убедить их, что человек способен жить на картине. Но ведь сам факт исчезновения брата из этого мира лишь подтверждает мою правоту! Отец, например, до сих пор убежден, что брат просто сбежал из дому.

И все же, невзирая на возраженья, я упрямился и попросил матушку дать мне нужную сумму и приобрел картину. После этого я отправился с ней из Хаконэ в Камакуру. Не мог же я лишиться дорогого брата свадебного путешествия. Вот почему всегда, садясь в поезд, я прислоняю картину лицом к стеклу: пусть брат и его возлюбленная наслаждаются пейзажем.

...Ах, как был счастлив мой брат! И О-Сити с восторгом принимала его поклонение. Они выглядели как настоящие молодожены: прижавшись друг к другу и стыдливо краснея, все не могли наговориться.

Потом отец свернул дело в Токио и перебрался в родные места, в городок Тояма. И вот уже тридцать лет я живу там. Но несколько дней назад мне пришла в голову мысль показать брату преобразившийся Токио, и потому я вновь путешествую вместе с ними...

Лишь одно обстоятельство омрачает счастье моего брата: годы не старят девушку — ведь она, при всей ее неувядающей красоте, только кукла, сделанная из шелка. Брат же, как попал на картину, так и остался живым человеком из плоти и крови и потому неотвратимо дряхлеет — как я. Увы! — мой двадцатипятилетний красавец брат превратился в немощного старика, лицо его избороздили уродливые морщины. Вот почему такое отчаяние сквозит в его взоре. Немало уж лет прошло... Бедный мой брат!..

Незнакомец вздохнул и взглянул на картину.

— О-о, я совсем заболтался. Но я вижу, вы верите мне. Вы ведь не станете утверждать, как некоторые другие, что я сумасшедший? Кажется, мой рассказ произвел на вас впечатление... Наверное, брат устал. Да и неловко им перед чужим человеком... Пусть они отдохнут. — Мой собеседник стал заботливо заворачивать картину в черный атлас.

И тут мне почудилось, что лица у кукол и в самом деле слегка растерянные и смущенные, и я мог даже поклясться, что они на прощанье приветливо улыбнулись мне.

Мой попутчик надолго погрузился в молчание. Молчал и я. Поезд с грохотом несся вперед, в ночь. Но вот минут через десять он стал замедлять ход, за окнами промелькнули тусклые огоньки. Через мгновение поезд остановился на каком-то крохотном полустанке в горах. В окно я увидел дежурного, одиноко стоявшего на платформе.

— Разрешите откланяться...— Незнакомец поднялся. — Я выхожу. Сегодня я заночую здесь, у родственников.

Он взял картину под мышку и поспешил к дверям. Выглянув из окна, я увидел его худую фигуру — в этот миг он был совершенно неотличим от старика на картине. Остановившись у турникета, он протянул дежурному свой билет. В следующее мгновение тьма поглотила его...

Волшебные чары луны

1

Обдумывая сюжет очередного рассказа, я имею обыкновение бесцельно бродить по улицам, и если в это время я нахожусь в Токио, то маршруты моих прогулок известны и неизменны: это, конечно же, парк Асакуса, Сад ста цветов, Императорский музей в Уэно, зоосад, паром на Сумидагаве, зал для соревнований по сумо * в Рёгоку (его круглый купол напоминает мне старое здание Панорамы). Вот и сейчас я только что возвратился из Рёгоку, с представления «Бал привидений». Я прошел по памятному еще с детских лет Лабиринту, и меня охватила щемящая сладкая грусть...

Но речь пойдет не об этом. Однажды от меня настойчиво требовали рукопись, а потому дома мне не сиделось. Я неделю слонялся по Токио и вот как-то забрел в парк Уэно...

Вечерело, и время близилось к закрытию. Посетители почти все разошлись. Музей опустел.

Я заметил, что на любом представлении токийцы, не дожидаясь, когда опустится занавес, спешат получить свою обувь **. Это неизменно коробит меня.

То же самое происходило и в зоологическом саду. Посетители отчего-то все разом заторопились домой. Ворота

* Вид японской борьбы.

** По японским обычаям обувь оставляют у входа. В начале века в Японии в традиционном театре Кабуки и даже в варьете были специальные хранилища, где зрители оставляли обувь.

еще не были заперты, но зоосад обезлюдел. Я в задумчивости стоял перед клеткой с обезьянами, наслаждаясь непривычной здесь тишиной. Даже обезьяны угомонились и сидели притихшие и унылые — заскучали, когда рассеялись толпы дразнивших их зевак. Вдруг я почувствовал, что за спиной у меня кто-то стоит, и испуганно вздрогнул.

Обернувшись, я увидел длинноволосого юношу с очень бледным лицом; явно не видевший утюга костюм висел на нем мешком. Юноша был похож на бродягу.

Корча уморительные рожи, он принялся забавляться с обезьянами. Было видно, что он здесь не редкий гость и большой любитель таких развлечений. Достав приманку, он заставлял обезьян выделывать разные трюки, а натешившись вволю, бросал им подачку. Обезьяны вели себя так уморительно, что я хохотал от души.

— Почему обезьяны не могут не обезьянничать? — неожиданно спросил он, подбрасывая и снова ловя шкурку от мандарина. Обезьяна в клетке в точности повторяла его движения — подбрасывала и снова ловила шкурку.

Я улыбнулся, а он добавил:

— Если вдуматься, страшная это привычка. Да, наказал бог обезьян...

Ого, да он, похоже, философ, подумал я.

— Когда передразнивает обезьяна, это забавно. Но если такое делает человек... А ведь боги и человека наделили тем же инстинктом. Даже подумать жутко. Вам часом не доводилось слышать историю о путешественнике, встретившемся в горах с обезьяной?

Я понял, что незнакомец любит поговорить; язык у него развязывался все больше. Сам я довольно застенчив и не очень охотно вступаю в беседы с незнакомыми мне людьми, но к этому человеку я невольно почувствовал интерес: философский тон бледнолицего нечесаного бродяги возбудил во мне любопытство.

Я покачал головой:

— Нет, не слышал. А что за история?

— Как-то однажды,— начал он, — один горожанин повстречался в горах с большой обезьяной. Обезьяна, дурачась, вырвала у него меч и давай им размахивать. Путешественник растерялся: жизнь его висела на волоске, ведь он остался совсем безоружным...

Я невольно фыркнул: в сгустившихся сумерках странный субъект рассказывает диковинную историю — ничего себе сцена!

— Горожанин попытался вернуть меч, но куда там... Обезьяна забралась на дерево. Однако малый оказался не промах и быстро сообразил, как провести нахальную обезьяну. Он подобрал валявшийся под ногами сук и принялся махать им, точно настоящим мечом. Обезьяна, как и положено обезьяне, стала его передразнивать. Этого путешественник и добивался. Тогда он сделал следующий ход: притворился, будто водит палкой по горлу. И обезьяна сама перерезала себе глотку. Свела счеты с жизнью, ха-ха-ха! Кровь хлещет фонтаном, а она все пилит и пилит. Так и издохла... А малый еще с добычей вернулся. В общем, в накладе не остался, ха-ха!

Надо заметить, что смех у моего собеседника был жутковатый. Я скептически улыбнулся, но незнакомец, обрвав смех, сказал:

— Я не придумал ни слова. Обезьяны не могут иначе. Такой уж над ними зловещий рок. Проверим?

Он подобрал с земли палку и протянул ее обезьяне, а сам сделал вид, что водит тростью по горлу.

И что же? Видно, он хорошо изучил обезьян, ибо его пророчество оправдалось. Обезьяна усердно пыталась перепилить себе глотку.

— Ну что? — торжествуя спросил он. — Видали? А если бы вместо палки у нее оказался нож? Да она бы давно издохла!

Зоосад совсем обезлюдел, вокруг не было ни души.

Под кронами раскидистых деревьев залегли зловещие тени.

У меня мурашки поползли по спине: что-то нечеловеческое было в моем бледнолицем знакомце.

— Поняли, как это страшно? А ведь инстинкт подражания так же фатален для человека. И человек не в силах его побороть... Социолог Тард *, например, все наши поступки считал подражанием.

И молодой человек пустился в пространные рассуждения. Подробностей я сейчас уже не упомяну, но все сводилось к тому, как опасен инстинкт подражания. И еще: столь же странный, мистический ужас внушали юноше зеркала.

— Вам не становится страшно, когда вы смотрите в зеркало? — спрашивал он. — По-моему, нет ничего кошмарнее. Как, вы не понимаете почему? Да ведь в зеркале — ваш двойник, подражающий вашим движениям, как обезьяна!

Зоосад закрывался. Сторож поторопил нас, и мы направились к воротам, однако, вместо того чтобы расстаться, побрели в окутанный ночной мглой парк Уэно.

— А я вас знаю,— сообщил мой попутчик. — Вы — Эдогава, сочинитель детективных историй.

Тропинка вилась среди темных деревьев, и от его неожиданного признания я почему-то снова вздрогнул. Не скрою, мне действительно стало страшно, но в то же время жгучее любопытство снесало меня.

— Мне нравятся ваши романы. Хотя должен вам честно сказать, что в последнее время стало несколько скучновато. Может быть, раньше было в новинку, но я просто не мог оторваться, — не церемонясь, заявил молодой человек. Мне пришлось по душе подобная откровенность. —

* Габриэль Тард (1843—1904) — французский социолог и криминолог, один из основателей психологического направления в западной социологии. Считал, что общественное развитие основано на подражании, существующем в форме обычаев и моды.

Взгляните-ка, вот и луна!

Мысли юноши перескакивали с предмета на предмет, и у меня даже закралось сомнение, не сумасшедший ли он.

— Нынче четырнадцатое — почти самое полнолуние. Ах, вот он, «луны струящийся свет»! Волшебный и удивительный... Я где-то читал о его колдовских чарах. В самом деле, смотрите, как все изменилось вокруг: совсем другой пейзаж, нежели днем, при солнечном свете! Да и вы... Там, в зоосаде, у вас были совершенно иные черты!

Он так пристально всматривался в меня, что мне сделалось не по себе. Я тоже взглянул на юношу да так и похолодел: лицо его с запавшими глазами и черной дырою рта было невыразимо зловещим.

— Есть некая связь между луной и зеркалом. Луна, отражающаяся в воде, воспета поэтами. Не случайно родились такие слова: «Ах, если б луна стала зеркалом...» Да, несомненно, у зеркала и луны много общего. Взгляните!

Я посмотрел туда, куда указывал молодой человек: в туманной дымке передо мной расстился залитый сверкающим серебром пруд Синобадзу, казавшийся чуть ли не вдвое больше, чем при дневном свете.

— То, что мы видим при солнце, есть истинный лик вещей, а свет луны являет нам их отражения. Вам это не приходило в голову?

Мой собеседник и сам был похож на отражение в зеркале — во тьме фигура его приобретала зыбкие, смутные очертания, лицо неясно белело.

— Ведь вы ищете сюжет для нового рассказа? — неожиданно спросил он. — У меня есть весьма подходящий для вас. История эта приключилась на самом деле, я не придумал ни слова. Ну так что? Рассказать?

Мне действительно был нужен сюжет. Но я и так буквально сгорал от любопытства, предчувствуя нечто захватывающее. А потому с радостью согласился:

— Куда же мы пойдем? Может быть, выпьем в каком-нибудь ресторанчике, а заодно побеседуем?

Но он покачал головой:

— Пожалуй, не стоит. Вообще-то я не из стеснительных. Только не надо об этом говорить при электрическом свете. Лучше останемся здесь. Посидим под волшебной луной, полюбуемся прудом... Я не утомлю вас слишком долгим рассказом.

Я одобрил эту затею, и мы уселись на одном из огромных камней, разбросанных у пруда.

2

— Помните, у Конан Дойла есть повесть «Долина ужаса»? — спросил он. — Дело там, кажется, происходит в каком-то горном ущелье. Но «долины ужаса» бывают не только в горах. Я, например, знал одно такое местечко в самом центре города, в квартале Маруноути *. Представьте себе расселину меж двух каменных зданий, разделенных лишь узенькою полоской земли. Ущелье, сотворенное цивилизацией... Это куда страшнее, чем обычные горы. Унылые бетонные стены более безжизненны, чем голые скалы, — ни единого пятнышка зелени, ни одного цветочка. Не на чем остановиться глазу. И так круглый год. Серая щель, прорубленная топором исполина. Если смотреть со дна, небо сверху кажется узенькой ленточкой. Луна и солнце заглядывают туда лишь на короткий миг, все остальное время там царство мрака. Из этой дыры даже днем видны звезды, и в ней постоянно гуляет леденящий пронзительный ветер...

В таком месте я прожил до самого Великого землетрясения. Здание выходило на улицу S. Фасад был нарядным и ярким, но стоило только зайти за дом, как

* Деловой квартал Токио.

ты попадал в мертвое царство — щель меж голых безжизненных стен, разделенных пространством в несколько метров. В стенах зияли провалы окон.

Помещения в этом доме сдавались и под жилье, однако по большей части там размещались разные офисы, и оживленно в здании бывало лишь днем; вечером все конторские служащие спешили домой. Наступала тоскливая тишина, особенно тягостная после дневной суеты. Казалось, вот-вот заушают совы — как в настоящем горном ущелье. Словом, жуть брала.

Я служил там посыльным; днем работал, а ночевал в подвале того же здания. Помимо меня в доме было еще пять жильцов, но я с ними не общался. Я любил живопись и одиночество, и если выдавалась минутка, уединившись, малевал что-нибудь на холсте. В иные дни я рта не раскрывал, молчал с утра до ночи.

История, которую я собираюсь вам рассказать, произошла в том самом «ущелье», я потому так подробно и описываю его.

Надо сказать, что задняя стена соседнего дома была совершенно неотличима от задней стены нашего здания. Странное, пугающее сходство... Оно было настолько полным, что я всерьез подозреваю здесь злой умысел архитектора.

Оба дома пятиэтажные, одинаковой высоты. И передний фасад, и торцы, и цвет, и отделка — все было совершенно различно, и только задние стены, образовывавшие то «ущелье», совпадали во всех деталях: формой крыш, мышиным оттенком окраски, конфигурацией окон, ровно по четыре на этаже, — словом, зеркальные отражения друг друга. Казалось, даже трещины в бетоне — и те симметричны.

С той стороны в комнатах лишь на мгновение (хотя, возможно, я несколько сгущаю краски) появлялся солнечный луч, потому охотников до них находилось немного;

а особенно неудобные помещения пятого этажа пустовали весь год, и в свободное время я частенько поднимался туда с мольбертом и красками. Но всякий раз, видя противоположную стену, не мог побороть неприятного ощущения: меня угнетало мрачное предчувствие беды. И опасения мои оправдались в самом скором времени...

В северном крыле здания на пятом этаже трижды через короткие промежутки случилось самоубийство.

Первым повесился пожилой торговый агент, занимавшийся сбытом парфюмерных изделий. С самой первой минуты, когда он только пришел снять помещение для конторы, маклер этот показался нам человеком нервным и впечатлительным. Он совершенно не походил на торговца, вечно витал в облаках, и вид у него всегда был какой-то отсутствующий, меланхоличный. Не успел я подумать, что он-то уж непременно снимет комнату, выходящую окнами на проклятое ущелье, и точно! — узнаю, что торговец облюбовал помещение в самой безлюдной части — в северном крыле, на пятом этаже: двойной номер, мрачнее некуда, а стало быть, очень дешевый. Покончил он с собой ровно через неделю. Торговый агент не был обременен семьей и жил бобылем, так что в одной из комнат он сделал спальню: поставил дешевенькую кровать и ночевал один-одинешенек в своей мрачной пещере, отгородившись от мира.

И вот в одну прекрасную лунную ночь он повесился на выступающей за окном балке, через которую был перекинут электрический кабель. Набросил на балку веревку и сунул голову в петлю. Рано утром дворник, подметавший дорожку между домами, увидел болтавшиеся у себя над головой ноги удушенника и поднял тревогу.

Однако так и не удалось выяснить, почему маклер покончил с собой. Полиция провела расследование, но ничего достойного внимания не обнаружила. Дела у покойного шли неплохо, его не тяготили долги, а по причи-

не холостяцкого положения о семейной драме не могло быть и речи — впрочем, как и о крахе любовных иллюзий. В итоге все стали склоняться к мысли, что тут виноваты темные силы и природная склонность торговца к хандре. На первый раз тем и успокоились. Однако вскоре история повторилась. На сей раз самоубийца жильцом в этой комнате не был, снял ее всего на одну ночь, поработать. Наутро его нашли мертвым. Он повесился тем же способом, на том же месте. Никто ничего не мог понять. Этот самоубийца, в отличие от агента по продаже парфюмерных изделий, был при жизни спокойным, полным бодрости человеком. И выбрал он эту комнату только лишь потому, что арендная плата была крайне низкой. Проклятое богом окно, разверстое в «долину ужаса»! Каждый, кто попадал сюда, не мог побороть искушения умереть в одиночестве. Жуткие слухи распространились по всей округе.

Третий самоубийца тоже там не жил. Просто один из конторских служащих, изображая героя, заявил, что пойдет в это страшное место и раскроет тайну «дома с привидениями»...

...Признаться, мне уже изрядно наскучил рассказ незнакомца, и я слушал, не говоря ни слова, но тут не сдержался.

— Конечно же, этот энтузиаст тоже повесился на поперечине? — с сарказмом спросил я.

Молодой человек удивленно покосился на меня и торжествующе кивнул.

— Итак, несколько человек покончили с жизнью одинаковым способом в одном и том же месте. И в этом, конечно, повинен инстинкт подражания?

— Ах, вот вы о чем... — протянул он. — Вам стало скучно. Но вы ошибаетесь. Ошибаетесь! О подобной ерунде я и не стал бы рассказывать.

Молодой человек улыбнулся:

— Я не собираюсь вас убеждать, что там, где смерть, там и дьявол. Это тема избитая.

Я извинился и попросил его продолжать.

3

— Так вот, наш герой, запершись в проклятой комнате, бодрствовал целых три ночи. Но ничего не случилось. Он так и лопался от самодовольства — словно злого духа изгнал. И тут меня осенило: а ведь за эти три ночи луна ни разу не вышла из облаков!

Я удивился:

— Вы хотите сказать, что луна как-то связана с самоубийством?

— Несомненно! Ведь оба самоубийцы повесились в ясные лунные ночи. Но если луна не появлялась, все было в порядке. Стоило же хоть на краткий миг ее серебряным лучам озарить щель между домами — и случалось несчастье. Волшебные чары луны...

Юноша посмотрел на залитый лунным серебром пруд. Водная гладь смутно мерцала, словно бы отраженная, как выразился мой собеседник, в огромном зеркале.

— Конечно же, дело в магии лунного света. Этот холодный огонь разжигает темные страсти. И человеческие сердца вспыхивают как фосфор. Лунный свет рождает в душе поэтическую печаль... Да, он являет всем нам — не только поэтам — быстротечность и изменчивость жизни. Если возможен такой эпитет, как «романтическое безумие», то именно лунный свет ввергает нас в подобное состояние духа.

Изыщество речи моего собеседника поразило меня.

— Вы хотите сказать, что луна подтолкнула их к самоубийству? — переспросил я.

— Да. Наполовину в этом повинна луна. Но, конечно, не только она. Ведь если бы ее свет обладал такой си-

лой, то мы бы сейчас уже тоже повесились, правда? Мы же буквально купаемся в лунном сиянье!

Туманное, словно бы отраженное в старом зеркале лицо незнакомца исказилось такой усмешкой, что по спине у меня пополз холодок — как в детстве, когда я слушал рассказы о привидениях.

— Так вот... Тот храбрец остался в комнате и на четвертые сутки. К несчастью, ночь выдалась лунная. Я крепко спал у себя в подвале, но среди ночи меня словно кто-то толкнул. Я проснулся и, увидев луну, светившую высоко в небе, прямо в пижаме сломя голову бросился по узенькой лестнице на пятый этаж. Здание, погруженное в сон, было тоскливым и темным. Вам даже трудно представить себе ту зловещую тишину. Словно в огромном склепе...

Тьма была неполной: в коридоре горели отдельные лампы, но их тусклый свет только подчеркивал мрачную пустоту.

Добравшись до злополучной комнаты, я остановился, испугавшись самого себя. Лунатик, бродящий по развалинам замка... Как безумный, я что было мочи замолотил кулаком в дверь комнаты.

Но изнутри не доносилось ни звука. Только мои вопли эхом разносились в пустом коридоре. Я повернул ручку, и дверь неожиданно легко распахнулась. В комнате в углу уныло светила настольная лампа под голубым абажуром. Я огляделся в ее призрачном свете: никого. Кровать пуста. Однако окно распахнуто. Готовая ускользнуть серебряная луна бросала последние лучи, высвечивая полстены и крышу соседнего дома. Окно напротив тоже было распахнуто настежь и зияло черным провалом. Зеркальное отражение! Лунный свет еще больше усиливал сходство...

Содрогнувшись от недоброго предчувствия, я подошел к окну, но не решился сразу взглянуть в нужную сторону и сначала глянул вниз, в просвет между домами. Призрачные лучи касались теперь только конька крыши,

а щель казалась черной бездонной пропастью. Затем я все же заставил себя повернуть голову вправо. Стена уже погрузилась во тьму, но отраженный свет позволял различать очертания предметов, и, по мере того как я поворачивал голову, в поле зрения появлялось то, чего я и ждал: мужские ноги в черных брюках; бессильно повисшие кисти рук; вытянутое туловище. Веревка, впившаяся в шею. Свернутая набок, поникшая голова. Очарованный светом луны, наш герой повесился на той же самой балке.

Я отпрянул. Меня охватил ужас: а что, если и я поддамся безумию?

И тут... Пятясь, я случайно взглянул на соседнее здание и увидел, как из распахнутого окна выглянуло человеческое лицо! Даже ночью, при лунном свете, был замечен его желтоватый оттенок. Омерзительная морщинистая физиономия... Незнакомец смотрел на меня!

Я замер от неожиданности. Забыл сказать, но то здание пустовало тогда из-за тяжбы между его владельцем и банком, и там не должно было быть ни единой души. Однако в глухой ночной час из пустовавшего дома выглядывал человек! Прямо напротив болтавшегося на поперечине самоубийцы в черном провале окна возник желтый лик злого духа! Нет, это совсем не случайность. Может быть, призрак? Снова от страха у меня по спине поползли леденящие струйки холодного пота, но я не отрывал глаз от желтолицего привидения. Присмотревшись, я разглядел сухонького маленького старичка. Вдруг его омерзительная физиономия сморщилась в многозначительной гадкой ухмылке и скрылась во мраке.

4

На другой день я навел справки у служащих, расспросил

старика швейцара, но все в один голос твердили, что дом напротив пустует, что по ночам там нет даже сторожа. Похоже, я и в самом деле встретился с привидением. Полиция провела тщательное расследование трех смертей, но результат оказался равен нулю: было очевидно, что это не убийства, и дело закрыли.

Однако я не желал верить в сверхъестественные причины гибели стольких людей. Меня не устраивало фантастическое объяснение, будто каждый, кто проводит ночь в этой комнате, сходит с ума. Подозрительный желтолицый несомненно имел к происшедшему отношение. Это он убил троих человек. И каждый раз его мерзкая физиономия с гадкой ухмылкой смотрела из дома напротив!

Здесь крылась какая-то тайна. Я ни минуты не сомневался в этом.

...Через неделю я сделал потрясающее открытие. Как-то меня отправили с поручением, и, проходя мимо того самого дома, я заметил рядом с ним небольшое кирпичное здание, весьма старое, с несколькими отдельными входами. Помещения в нем арендовали разные мелкие предприниматели и небольшие конторы. Мое внимание привлек пожилой господин в визитке, буквально взлетевший по каменной лестнице к одной из дверей.

Мне показалось, что я уже где-то встречался с этим сухоньким старичком. Я инстинктивно замедлил шаг и остановился. Человечек, вытирая перед порогом ноги, вдруг обернулся, и у меня даже дыхание перехватило. Я увидел то самое желтое отвратительное привидение, что выглядывало из окна ночью!

Старичок скрылся за дверью. На золоченой вывеске, висевшей над входом, значилось: «Доктор Рёсай Мэра. Офтальмолог». Я расспросил тамошнего рассыльного и выяснил, что старичок и есть доктор Мэра собственной персоной.

Я не мог прийти в себя от изумления: как объяснить,

что доктор медицины бродит ночами по безлюдному зданию и с ухмылкой любуется на удавленников?

Словно бы между прочим я выведал все подробности прошлого и настоящего доктора Мэры.

Несмотря на свои преклонные лета, он был не слишком почитаем как врач и, похоже, не мастер зарабатывать деньги: даже сейчас ему приходилось арендовать помещение для частной практики. Он отличался причудами и с клиентами обходился весьма неприветливо, подчас даже грубо, так что порой поступки его отдавали безумием. Жил он один, в комнатухе за кабинетом. Семьи у доктора не было никогда. Говорили, что он питает настоящую страсть к книгам и помимо специальной литературы у него есть старинные фолианты — трактаты по философии, а также труды по психологии и криминологии.

Один из окрестных торговцев, побывавший на приеме у доктора, сообщил мне прелюбопытнейшие подробности: «Каждое утро он выставляет в специальном стеклянном ящичке глазные протезы. Ох, и каких там глаз только нет! И все они так и сверлят тебя, так и сверлят! Ужас как неприятно... А еще у него там скелет и несколько восковых кукол размером с человека. Ну зачем все это главному врачу?..»

С того дня, как только выдавалась свободная минута, я наблюдал за доктором, а заодно и за тем памятным окошком на пятом этаже соседнего дома, однако ничего такого не заметил. Желтая физиономия не показалась ни разу.

И все-таки доктор был мне подозрителен. Ведь это его лицо я видел той ночью. Но в чем я мог его подозревать? Если предположить, что все три самоубийства были убийствами, задуманными и воплощенными доктором Мэрой, то как он это осуществил? Здесь мое воображение заходило в тупик. Однако я был уверен, что убийца именно он.

Я целыми днями ломал голову над этой задачей. А однажды забрался на кирпичную стену за домом и заглянул в жилую комнату доктора. Там стояли пресловутые восковые куклы, скелет и ящик с искусственными глазами. Но как, как он сумел подчинить своей воле людей, находившихся в другом здании? Это было непостижимо. Гипноз? Нет, совершенно исключено. Внушить желание умереть невозможно, я слышал — гипноз не имеет подобной силы.

...Минуло почти полгода, когда случай подтвердил мои подозрения. На проклятую комнату нашелся желающий, приезжий из Осаки. Он не знал о ее дурной славе и, решив сэкономить на плате, согласился без разговоров. А может быть, просто не думал, что теперь, через полгода, может повториться та же история. Но уж я-то не сомневался, что и этот кончит так же, как предыдущие. И решил воспрепятствовать злодеянию.

С того дня я, отлынивая от работы, неотступно следил за доктором Мэрой. И вдруг мне все открылось. Я проник в его тайну.

5

— Вечером на третий день после приезда нового съемщика я заметил, как доктор Мэра, явно стараясь не попасться никому на глаза, вышел из дому без своего обычного чемоданчика. Разумеется, я последовал за ним по пятам. Однако вопреки моим ожиданиям доктор Мэра всего лишь зашел в магазин готовой одежды, находившийся неподалеку. Выбрав пиджачную пару, он оплатил покупку и вернулся к себе.

Никакой, даже самый плохонький лекаришка не станет носить готовое платье. С другой стороны, вряд ли доктор стал бы таиться, покупая костюм для помощника. Нет, дело явно нечисто. Для чего же ему эта пара?

Я стоял в задумчивости, глядя на захлопнувшуюся за доктором дверь. Потом вспомнил про кирпичную стену, с которой можно было незаметно наблюдать за комнатой доктора, и помчался туда. Когда я забрался на стену, доктор, конечно, был у себя. И занимался он поистине странным делом.

...Ну-с, как вы полагаете, что же он делал? Помните, я рассказывал вам о больших, в человеческий рост, восковых манекенах? Так вот, доктор Мэра наряжал свою куклу в только что купленную пиджачную пару. А сотня блестящих стеклянных глаз пристально наблюдала за ним из ящика.

Я обомлел. А доктор Мэра торжественно завершал свое страшное дело.

Ну, догадались? Костюм на кукле доктора Мэры был точь-в-точь как у приезжего из Осаки — и цвет, и материя в полосочку. Именно его выбрал доктор из целого вороха готового платья.

Медлить было нельзя. Стояли лунные ночи. Значит, снова случится несчастье. Что же делать?.. Что делать?

Мысли мои лихорадочно метались. И тут меня озарило. Идея была блистательная. Думаю, и вы оцените ее по достоинству...

Закончив приготовления, я дождался ночи и с огромным свертком в руках прокрался в комнату на пятом этаже. Новый съемщик вечерами уезжал домой, и дверь была заперта, но я открыл ее дубликатом ключа, припасенным заранее. Сев к столу, я сделал вид, что занят работой. Лампа под голубым абажуром освещала меня. На мне был точно такой же костюм в полосочку; я одолжил его у приятеля. Даже волосы я причесал так же, как новый съемщик. Повернувшись спиной к окну, я приготовился ждать.

Все это я проделал, разумеется, для того, чтобы показать желтолицему дьяволу, что я здесь, на месте. Так я си-

дел часа три и не оглядывался, предоставив противнику уйму времени. От нетерпения меня била дрожь. Удастся ли мой план? Да, это были долгие, томительные часы. Не единожды я подавлял искушение оглянуться. Но вот час настал.

Было десять минут одиннадцатого. Вдруг дважды проухала сова. Ага, это знак. Он привлекает мое внимание, чтобы я подошел к окну. Еще бы, любой вскочит и побежит к окошку, услышав в центре Маруноути свиное уханье! Я больше не медлил: поднялся и отворил створку окна.

Стена дома напротив была залита лунным сиянием и тускло мерцала расплавленным серебром. Напомню, что в этой части дом был точной копией нашего. Странное, мистическое ощущение! Как, какими словами описать вам тот фантастический миг, когда передо мной возникло сверкающее серебром огромное зеркало? О, колдовской лунный свет...

...Мое окно смотрит на эту зеркальную стену. Окно напротив тоже открыто. Да, но где же мое собственное отражение? Удивительное дело. Почему в том окне я не вижу себя?.. Эти мысли сами собой рождались в моей голове. Как вспомню, от ужаса волосы встают дыбом.

...Да куда же я-то девался? Я ведь должен быть там, в том открытом окне! Я обшариваю взглядом стену напротив. И вдруг — ну, наконец-то! — обнаруживаю себя. Вот же он я. Но не в окне, а рядом, на фоне стены. Ведь это я болтаюсь на балке!

Да, трудно поверить... Не знаю, как назвать это чувство. Ночной кошмар! Да, пожалуй, настоящий ночной кошмар. В дурном сне ты всегда делаешь то, чего вовсе не хочешь. Вообразите себе на минутку, что вы видите в зеркале собственное отражение с закрытыми глазами, хотя глаза

у вас несомненно открыты. Что вам захочется сделать? Ну конечно, закрыть глаза!.. Так вот, для того чтобы совпасть с отражением, мне следовало повеситься. Ведь напротив висел мой двойник — нет, я сам...

...Что ж я стою сложа руки?! Фигура удавленника не вызывает ни страха, ни отвращения. Она живописно прекрасна в чарующем лунном свете. Я тоже хочу стать частью этой картины...

Если б не лунный свет, чудовищный трюк доктора Мэры не возымел бы успеха. Вы уже, видимо, догадались: фокус был в том, что свой восковой манекен доктор Мэра обряжал точно в такой же костюм, какой был на очередной жертве, и подвешивал куклу на балке, инсценируя самоубийство. Все очень просто. Волшебные чары луны и зеркальность обоих зданий обеспечивали желаемый результат. Страшное дело: даже я, зная про эту хитрость, с трудом подавил искушение перекинуть ногу через подоконник.

Борясь с кошмарным соблазном, я развернул принесенный сверток. Несколько томительных секунд... Ага, вот и он! Из окна выглянула омерзительная желтая физиономия. Доктор Мэра желал посмотреть, что со мной. Я только этого и дожидался. Пришел мой черед!

Я извлек из свертка принесенный предмет и осторожно, придерживая обеими руками, водрузил на подоконник... Угадали, что это было? Восковой манекен! Я одолжил его в магазине готового платья, в том самом, куда заходил доктор Мэра. И нарядил его... в визитку. Да-да, точь-в-точь такую, какую носил сам доктор.

Лунный луч скользнул в глубь ущелья, и фигура доктора Мэры теперь отчетливо вырисовывалась в проеме окна.

Да, это было решающее сражение. Я смотрел на чудовище в доме напротив. Сдавайся, мерзавец, ты побежден!

Боги наделили нас той же страстью к подражанию, что и обезьяну. Страшный рок тяготеет над человеком. Доктор Мэра попался на собственную уловку.

Он неуверенно вылез на подоконник и сел в ту же позу, что и моя кукла. Хоронясь за манекеном, я поднял восковую руку — доктор Мэра повторил этот жест. Я подвигал ногой манекена — доктор Мэра сделал в точности то же самое. А потом... Ха-ха-ха! Знаете, что я сделал потом? Я толкнул манекен! Подпрыгнув, он исчез за окном. И почти в ту же секунду из окошка напротив сорвалась фигурка в визитке и исчезла во мраке. Раздался глухой удар... Доктора Мэры больше не существовало.

С такой же гадкой ухмылкой, как когда-то у доктора, я потянул за веревку и втащил куклу в комнату. Оставь я ее внизу, возникли бы подозрения...

Окончив рассказ, молодой человек улыбнулся жуткой, вызывающей содрогание улыбкой.

— Мотивы преступления доктора Мэры? Ну уж вам-то, писателям, должно быть известно, что убийства нередко совершаются только ради убийства...

Он поднялся и зашагал прочь. Я окликнул его, но юноша даже не обернулся.

Ночная мгла давно поглотила его, а я все сидел на камне, в лучах беззвучно струившегося на землю лунного света, и гадал, не пригрезилось ли мне все это.

Человек-кресло

Каждое утро Ёсико, проводив мужа на службу, уединялась в обставленном по-европейски кабинете (общем у них с мужем) — поработать над своим новым романом, который должен был выйти в летнем номере весьма солидного журнала «N.». Ёсико была не только красива, талантлива, но и так знаменита, что затмила собственного супруга, секретаря Министерства иностранных дел.

Ежедневно она получала целую пачку писем от неизвестных ей почитателей. Вот и сегодня, прежде чем приступить к работе, она по привычке просматривала корреспонденцию. Ничего нового — бесконечно скучные и пустые послания, но Ёсико с чисто женской тщательностью и вниманием распечатывала один конверт за другим.

В первую очередь она прочитала два коротких письмеца и открытку, отложив напоследок толстый пакет, похожий на запечатанную рукопись. Никакого уведомления о рукописи она не получала, но и прежде случалось, что начинающие писатели сами присылали ей свои сочинения — как правило, длинные, нагоняющие тоску и зевоту романы. Ёсико решила не изменять привычке: вскрыла пакет — хотя бы взглянуть на заглавие.

Да, она не обманулась — увесистая пачка листов в самом деле была рукописью, но, как ни странно, на первой странице не стояло ни имени, ни названия, и начиналось повеествование просто: «Сударыня!..»

Ёсико рассеянно пробежала глазами несколько строк,

и ее охватило недоброе предчувствие. Однако природное любопытство взяло верх, и она углубилась в чтение.

«Сударыня!

Я незнаком Вам и нижайше прошу извинить меня за подобную бесцеремонность. Представляя себе Ваше справедливое недоумение, сразу же оговорюсь: я намерен раскрыть Вам страшную тайну. Тайну моего преступления.

Вот уже несколько месяцев, как я, сокрывшись от мира, веду поистине дьявольскую жизнь. Разумеется, ни одна живая душа не знает, чем я занимаюсь. И ежели бы не определенные обстоятельства, я никогда не вернулся бы в мир людей...

Однако в последнее время произошла перемена, перевернувшая мою душу. Я больше не в силах молчать, я решил исповедаться! Письмо мое, вероятно, с самых первых же строк показалось Вам странным, и все же заклинаю Вас, не откладываяйте его в сторону, потрудитесь прочесть до конца! И тогда, может быть, Вы поймете мое отчаянное состояние, догадаетесь, почему именно Вам я осмелился сделать столь чудовищное признание...

Даже не знаю, с чего начать. Видите ли, то, о чем я намереваюсь поведать, столь безнравственно и невероятно, что перо мое отказывается служить мне. Но будь что будет, я решился. Опишу события по порядку.

Начну с того, что я чудовищно безобразен. Запомните это. Ибо я опасаясь, что Вы, вняв моей настойчивой просьбе, все же решитесь увидеть меня, не представляя, насколько ужасна моя и без того отвратительная наружность после долгих месяцев подобного существования... Эта встреча может стать для Вас большим потрясением.

Несчастный мой рок! В столь неприглядном теле бьется чистое, пылкое сердце... Забыв о своем уродстве, о незнатном происхождении, я жил в мире сладостных грез.

Родись я в богатой семье, то сумел бы найти утешение в мотовстве и забавах — и не страдать от сознания соб-

ственной неполноценности. Или же, будь мне дарован талант, я бы, слагая прекрасные строки, забыл о своем несчастье. Но боги не были столь милосердны ко мне: я всего-навсего бедный ремесленник, мастер-краснодеревщик...

Вышло так, что я стал специалистом по изготовлению разного рода стульев и кресел. Мебель, сделанная моими руками, удовлетворяла самым изысканным вкусам заказчиков; я приобрел известность в торговых кругах, и мне заказывали лишь дорогие, роскошные вещи — кресла новомодных фасонов с резными спинками и подлокотниками, с затейливыми подушками, необычных форм и пропорций, — словом, изящный товар; чтобы исполнить подобный заказ, требуется такое мастерство и усердие, что человеку несведущему и представить себе невозможно. Но, закончив работу, я всегда испытывал безграничную радость — не оттого, что тяжкий труд позади. Вы можете упрекнуть меня в кощунственной дерзости, однако я все же осмелюсь сравнить свои чувства с ликованием живописца, только что завершившего свое гениальное творение. Доделав кресло, я опробовал его сам, чтобы проверить, удобно ли в нем. Я испытывал некий священный трепет. То были самые волнующие моменты моей скучной, бесцветной жизни — самодовольное ликование переполняло меня. Я старался представить себе, кто будет сидеть в моем кресле — знатный аристократ, блистательная красавица... Фантазия переносила меня в особняк, для которого было заказано кресло, — там непременно должна быть комната, подходящая для него: полная дорогих и изысканных безделушек, с картинами прославленных мастеров, с хрустальной люстрой, свисающей с потолка как сверкающая драгоценность. На полу — роскошный ковер, в котором утопает нога... А у кресла, на крошечном столике — ослепительной красоты европейская ваза с чудными, источающими благоуханье цветами. В своих безумных мечтах я был хозяином этих апартаментов, я упивался блаженством,

которое не могу описать словами.

Мое воображение не знало границ. Я воображал себя аристократом, сидящим в кресле с прелестной возлюбленной на коленях: она внимает мне с очаровательной нежной улыбкой, а я нашептываю ей на ушко любовные речи!

Но мои хрупкие грезы неизменно разбивались о жизнь: они рассыпались в прах от визгливых криков неряшливых женщин, от истошных воплей и рева сопливых младенцев — и перед глазами вновь вставала уродливая реальность — серая и угрюмая. А возлюбленная, девушка моей мечты... Ах, она исчезала, истаявая как дым... Да что там, даже соседские женщины, нянчившие на улице своих чумазных детей, даже они не удостаивали меня вниманием. И только роскошное кресло оставалось на месте, но ведь и его непременно должны были отнять у меня — увезти в недоступный мне мир!

Всякий раз, расставаясь с заказом, я впадал в безнадежное уныние и тоску. Это чувство приводило меня в иступление.

«Лучше мне умереть, чем влачить столь жалкую жизнь», — в отчаянии думал я. Я вовсе не притворяюсь: я неотступно думал о смерти...

Но однажды в голову мне пришла мысль: зачем умирать? Может быть, существует иной выход?

Мысли мои принимали все более опасное направление.

В тот момент я работал над огромным кожаным креслом совершенно новой конструкции. Оно предназначалось для гостиницы в Иокогаме, принадлежавшей какому-то европейцу. Первоначально он намеревался привезти кресла из-за границы, но благодаря посредничеству торговца, расхваливавшего мои таланты, заказ на них передали мне.

Забыв про сон и еду, я целиком погрузился в работу. Я вкладывал в нее душу, отрешившись от всего.

И вот кресло было готово. Осмотрев его, я испытал небывалый восторг. Я сотворил шедевр, восхитивший меня

самого. По своему обыкновению, я уселся в кресло, предвзвешенно вытащив его на солнце. Ах, какое это было поразительное, ни с чем не сравнимое удовольствие!

Не слишком мягкое, но и не слишком жесткое сиденье так и манило к себе. А кожаная обивка! Я презрел искусственную окраску, сохранив естественный цвет натуральной кожи, и сколь приятно было для пальцев ощущение мягкой, словно перчатка, обивки... Линия спинки, так и льнувшей к телу, изящной формы пухлые подлокотники — все это рождало чувство полной гармонии и уюта и было подлинным воплощением комфорта.

Я устроился поудобнее и, поглаживая подлокотники, упивался блаженством. Как всегда, я погрузился в мечты. На сей раз они были настолько живыми и яркими, что я со страхом спросил себя — не безумство ли это. И тут меня осенила гениальная мысль! Не иначе как сам дьявол подсказал мне ее. Идея была фантастической и жутковатой, но именно потому я был не в силах отвергнуть ее.

Возникла она, бесспорно, из моего бессознательного нежелания расстаться с милым мне креслом. Я готов идти за ним хоть на край света — таково было первое побуждение. Но по мере того как фантазия уснащала эту идею практическими подробностями, в голове моей забрезжил чудовищный замысел. Он был безумен. Но — представьте себе! — я решил претворить его в жизнь, а там будь что будет.

В мгновение ока я разобрал кресло и снова собрал, но уже так, чтобы оно могло служить осуществлению моих планов. Это было огромное кресло, затянутое кожей до самого пола; кроме того, спинка и подлокотники имели такие размеры и формы, что свободно могли скрыть внутри человека без малейшего риска, что его обнаружат. Разумеется, под обивкой были и деревянный каркас, и стальные пружины, но, призвав все свое мастерство, я так переделал конструкцию, что в сиденье умещались мои колени, а в

спинке — туловище и голова. Приняв форму кресла, я мог оставаться в нем сколько хотел.

Я потрудился на славу и даже придумал несколько усовершенствований — для собственного удобства. Например, для того чтобы можно было дышать и слышать звуки, доносившиеся извне, я проделал несколько дырочек, совершенно незаметных для глаза. Кроме того, в спинке на уровне головы я повесил полочку для припасов: там мог храниться сосуд с водой и сухие галеты. Для естественных нужд предназначался большой резиновый мешок. Когда приготовления были закончены, мое логово оказалось вполне сносным для жизни. В нем можно было просидеть несколько дней, не испытывая особых лишений. Словом, комната на одного человека...

Я снял верхнее платье, забрался внутрь и свернулся калачиком. Странное чувство! Мне показалось, что я заживо замуравал себя в склепе. Это и был настоящий склеп: я словно надел плащ-невидимку, исчезнув из мира...

Вскоре за креслом явился посыльный с тележкой. Мне было слышно, как мой ученик, не ведая о случившемся, что-то втолковывает ему.

Когда кресло ставили на тележку, один из носильщиков проворчал: «Проклятье! Оно неподъемное!» — и я невольно сжался от страха; но кресла такого типа всегда весьма тяжелы, так что оснований беспокоиться не было. Потом я почувствовал, как тележку затрясло по ухабам. Я страшно волновался, но все обошлось как нельзя лучше: в тот же день кресло благополучно перевезли в гостиницу и поставили в помещении. Как выяснилось впоследствии, это был не гостиничный номер, а вестибюль.

Возможно, Вы уже догадались, что я преследовал еще одну цель — поживиться. Улучив удобный момент, можно выйти из кресла и взять то, что плохо лежит. Кому придет в голову, что в кресле скрывается человек?..

Я мог бродить из комнаты в комнату незаметно, как

ть, а когда поднимался шум, мое убежище надежно скрывало меня. Затаив дыхание, я прислушивался к суеет искавших вора людей. Наверное, Вы слышали о раке-отшельнике, обитающем на прибрежных камнях? Видом он походит на огромного паука. Если вокруг спокойно, рак-отшельник нахально разгуливает по берегу моря, но, едва заслышав подозрительный шум, тут же прячется в свою скорлупу и, чуть высунув отвратительные мохнатые лапы, наблюдает за действиями врага. Так вот, я был похож на него. Только прятался не в ракушку, а в кресло и разгуливал не по берегу моря, а по гостинице.

Да, замысел мой выходил за рамки человеческого воображения, а потому возымел успех. Во всяком случае, на третий день пребывания в гостинице у меня был уже довольно солидный «улов». Всякий раз, идя на «охоту», я испытывал сладкий ужас и приятное возбуждение, а после очередной удачной кражи меня охватывала неизъяснимая радость, не говоря уж о том, как забавляли меня взволнованные голоса растерянно мечущихся вокруг кресла людей.

К сожалению, сейчас не время в подробностях живописать мои приключения... Итак, позвольте продолжить.

Неожиданно я открыл источник более острого и греховного наслаждения — внимание, мы приближаемся к главному!

Но прежде вернемся немного назад — к тому, как меня вместе с креслом поставили в вестибюле.

...Итак, кресло поставили на пол, и все служащие гостиницы по очереди посидели на нем, потом это наскучило им, и они разошлись. Наступила долгая, ничем не нарушаемая тишина. Возможно, в вестибюле уже не осталось ни души. Однако я не рискнул сразу же покинуть убежище, представив себе тысячу подстерегавших меня опасностей. Очень долго (или мне это лишь показалось?) внутрь не просачивалось ни звука; я напряженно вслушивался в жут-

кую тишину. Но вот послышалась чья-то тяжелая поступь — кажется, в коридоре. Потом шаги сделались едва слышимы — видимо, человек ступил на пушистый ковер, устилавший пол вестибюля. До меня донеслось хриплое дыхание, и — бац! — прямо мне на колени плюхнулась огромная туша — судя по тяжести, европейца. Усаживаясь поудобней, он подпрыгнул несколько раз. Отделенный от него только тонкой кожей обивки, я ощутил тепло массивного, крепкого тела. Могучие плечи возлежали на моей груди, тяжелые руки покоились на моих предплечьях. Человек, очевидно, курил сигару, и ноздри мои щекотал, просачиваясь сквозь отверстия в коже обивки, крепкий аромат табака.

Сударыня, вообразите себя на моем месте! Вы даже представить себе не можете, какое то было невероятное, неестественное ощущение. Я съежился от ужаса и буквально вжался в деревянную раму в каком-то оцепенении, обливаясь холодным потом и совершенно утратив способность соображать.

После того европейца еще десятки людей, сменяя друг друга, сидели у меня «на коленях». Ни один из них ничего не заметил, не заподозрил ни на мгновение, что в мягких подушках кресла — живая, упругая плоть. О, моя темная кожаная вселенная, в которой невысказанно даже пошевелиться! Страшный, но полный очарования мир... Для меня, человека, живущего в нем, люди из внешнего мира постепенно утрачивали человеческое обличье, приобретая иные отличительные черты. Они становились голосами, дыханием, звуком шагов, шелестом платьев, мягкой и пухлой плотью. Я узнавал их не по лицу, а по прикосновению. Одни были толстыми, желеобразными, скользкими, как протухшая рыба; другие — костистыми, словно скелеты.

Еще были различья в изгибе спины, форме лопаток, длине рук, толщине бедер... В сущности, несмотря на общее сходство человеческих тел, есть бесчисленные оттенки в

их восприятию. Я утверждаю, что опознать человека можно не только по внешнему виду и отпечаткам пальцев, но и по такому вот чувственному ощущению.

Разумеется, все это в полной мере относилось и к слабому полу. Обычно о женщинах судят лишь по наружности — красавица или дурнушка. Но для человека, скрытого в кресле, это как раз не имеет значения. Здесь важны иные достоинства: шелковистая прелесть кожи, мелодичность голоса, аромат, источаемый женским телом...

Сударыня, я, надеюсь, не слишком шокирую Вас своей откровенностью?

...И вот как-то раз в кресло села одна особа, разбудившая в моем сердце пылкую страсть.

Судя по голосу, то была совсем юная девочка, иностранка. Пританцовывая и напевая под нос какую-то забавную песенку, она ворвалась, словно вихрь, в совершенно пустой вестибюль... Приблизилась к креслу, замерла на мгновение — и вдруг без всякого предупреждения бросилась мне на колени!

Что-то насмешило ее, и она залиvisto расхохоталась, затрепыхавшись, как рыбка, попавшая в сети.

Более получаса она, напевая, сидела у меня на коленях, раскачиваясь в такт мелодии всем своим гибким телом. Это было так упоительно! Я всегда сторонился женщин, вернее, благоговейно трепетал перед ними и, стыдясь своего уродства, стеснялся даже смотреть в их сторону. Но теперь я был совсем рядом с незнакомой красавицей — и не просто рядом, а в одном кресле, я прижимался к ней, гладил сквозь тонкую кожу обивки. Я ощущал тепло ее тела!

А она, ничего не заметив, откинулась мне на грудь и продолжала шалить.

Сидя в своей темнице, я представлял, как обнимаю ее, целую лилейную шейку... Словом, я далеко заходил в своих фантазиях.

После этого невероятного опыта я совершенно забыл

о первоначальных корыстных целях и погрузился в фантастический омут неведомых мне ощущений.

«Вот оно, счастье, ниспосланное судьбой, — думал я. — Для меня, слабого духом уroda, мудрее променять свою жалкую жизнь на упоительный мир внутри кресла, ибо здесь, в тесноте и во мраке, я могу прикасаться к прелестному существу, совершенно недостижаемому при ярком свете, я слушаю ее голос, глажу кожу...»

Любовь внутри кресла!.. Ни один человек, кроме меня, не в состоянии постигнуть то опьяняющее безумье. Конечно, это была странная любовь, сводившаяся к осязанию и обонянию. Любовь во мраке... Любовь за гранью земного. Царство адского вождения. Воистину, можно только дивиться, сколько непостижимого и ужасного происходит в сокрытых от человеческих глаз невидимых уголках нашего мира!

Сперва я намеревался, скопив состояние, подобру-поздорову убраться прочь из гостиницы. Но куда там! Весь во власти безумного сладострастия, я уже не только не помышлял о бегстве — я мечтал жить так вечно, до конца дней своих.

Совершая вылазки на волю, я соблюдал все меры предосторожности, чтобы не попасться никому на глаза, поэтому опасность разоблачения была не особенно велика, и все же меня изумляет, что я столь долго жил такой жизнью и не заплатил за это.

От долгого сидения в скрюченном состоянии все члены мои постепенно словно одеревенели, и в конце концов я даже не мог прямо стоять; мускулы одрябли, и во время экскурсий на кухню или в уборную я уже не шел, а скорее полз, как калека. Каким же я был безумцем! Даже такие муки не вынудили меня покинуть мир чувственных наслаждений.

Клиенты в гостинице постоянно менялись, хотя, бывало, жили и подолгу, по несколько месяцев; в результате объек-

ты моей любви тоже беспрестанно сменяли друг друга. Перебирая своих возлюбленных, я вспоминаю не лица, а прикосновения плоти.

Иные были строптивы и норовисты, как молодые кобылки, стройные, точеные; другие обладали ускользящей грацией змей, и тела их обольстительно извивались; третьи были похожи на резиновые мячи, упругие и округлые; некоторые состояли сплошь из развитых мускулов, как античные фигуры. И в каждой была своя неповторимая прелесть, только ей присущее очарование. Так, «меняя» возлюбленных, я совершенствовал свой опыт.

Однажды в гостиницу заехал посол одной из могущественных европейских держав (об этом мне стало известно из сплетен гостиничных боев), и я даже сподобился держать у себя на коленях его крепкое тело. С ним было несколько сопровождающих; они, поговорив о чем-то, встали и удалились. Я, конечно, не понял ни слова из их беседы, но почувствовал, как жестикулирует и подпрыгивает посол, и тело его было значительно горячее, чем у простых смертных. После него у меня надолго осталось странное щекочущее ощущение. Я вдруг подумал: а что, если взять и всадить в него острый нож — прямо в сердце?! Я представил себе последствия и невольно преисполнился самодовольства: судьбы мира были в моих руках!

В другой раз у нас по чистой случайности остановилась знаменитая танцовщица. Только однажды она села ко мне на колени, и я испытал сильнейшее потрясение: она оставила мне на память ощущение божественного женского тела. Танцовщица была так прекрасна, что я и думать забыл о низменной страсти и испытывал только трепет и благоговение, как перед бесценным шедевром.

Было еще много встреч, и удивительных и неприятных, на которых нет времени остановиться подробно, поскольку цель моего письма не в этом. Я и так излишне углубился в детали, а потому возвращаюсь к теме повествования.

...Прошло несколько месяцев, когда в моей судьбе произошёл неожиданный поворот. Владелец отеля в силу каких-то причин покинул Японию и возвратился на родину, а гостиницу целиком передал некой японской фирме. Новый хозяин из экономии сразу же отказался от всяких излишеств, решив превратить богатый отель в самую рядовую гостиницу. Сделавшиеся ненужными предметы роскоши решили сдать на комиссию и пустить с молотка, в том числе и мое кресло.

Прослышав об этом, я впал в глубочайшее уныние. Сие означало, что я должен снова вернуться в мир людей и начать жизнь заново. Внутренний голос подсказывал мне, что это было бы самым разумным шагом. За прошедшие месяцы я успел сколотить изрядное состояние, и мне не грозило прежнее полунищенское существование. С другой стороны, подобная перемена открывала мне новые горизонты.

Дело в том, что, несмотря на бесчисленные «романы» с гостиничными прелестницами, я испытывал подспудное недовольство: как бы очаровательны и соблазнительны ни были мои возлюбленные — все-таки они иностранки, а стало быть, чужды мне по духу. Мне не хватало духовной близости.

Я мечтал о любви к японке!

Я все больше и больше жаждал возвышенного чувства. И тут мое кресло отправили на аукцион. Я втайне лелеял надежду, что, может быть, его купят в японский дом, и молился об этом. А потому решил набраться терпения и не покидать кресла.

Пока кресло несколько дней стояло в аукционном зале, я пребывал в чрезвычайно угнетенном состоянии духа, но, к счастью, покупатель не замедлил явиться. Мое кресло хоть и утратило прелесть новизны, все равно привлекало изысканностью и благородством форм.

Покупателем оказался чиновник, живший в каком-то

городе неподалеку от Иокогамы. Нас так трясло, пока кресло везли на грузовике, что я чуть не умер, но теперь, когда надежды мои сбылись, все страдания показались мне сущими пустяками.

У покупателя был богатый особняк. Кресло отнесли в кабинет, обставленный по-европейски. К моему восторгу, он служил не столько мужу, сколько его прелестной жене. С того дня более месяца я был почти неразлучен с нею. Исключая обеденные и ночные часы, ее грациозное тело покоилось у меня на коленях: запершись в кабинете, она надолго погружалась в раздумья.

Надо ли говорить, что я безумно в нее влюбился? Ведь она была первой японкой, к которой я прикоснулся, а кроме того, тело у нее было невыразимо прекрасно. В этом доме я впервые познал истинную любовь. В сравнении с моей новой страстью все гостиничные «романы» были просто детскими увлечениями.

Тайные наслаждения уже не удовлетворяли меня, я возжаждал — чего со мной не случалось прежде — открыться ей и от невозможности этого испытывал адские муки.

Я страстно желал, чтобы моя возлюбленная ощутила в кресле меня. И — дерзкая мысль! — я мечтал, чтобы она меня полюбила. Но как подать ей знак? Если сделать это без предупреждения, от испуга она закричит, позовет на помощь мужа и слуг. Этого нельзя допустить, ведь как бы то ни было, я — преступник.

И я избрал необычный способ: я постарался сделать так, чтобы ей стало еще уютней, приятней сидеть в моем кресле, и таким образом разбудить в ней любовные чувства — к нему! Обладая поэтичной душой и более тонкими чувствами, нежели у обычных людей, она заметит перемену. И, ощутив в моем кресле живую душу, может быть, полюбит не вещь, а некое существо — одно уже это будет высшей наградой...

Всякий раз, когда она садилась мне на колени, я старал-

ся устроиться так, чтобы ей было как можно удобней; когда она уставала сидеть в одной позе, я незаметно раздвигал ноги, изменяя положение ее тела. Когда ее клонило ко сну, я тихонько баюкал возлюбленную, покачивая на коленях.

И вот — о чудо! — мне показалось, что в последнее время она действительно полюбила кресло. Она погружалась в него с такой ласковой нежностью, с какой дитя бросается на шею матери, а девушка обнимает любимого. Движения ее были исполнены любовного томления.

Страсть эта день ото дня разгоралась все жарче и неистовей. И вот в душе моей зародилась безумная мысль, дикая для меня самого. Ах, мне захотелось хоть разочек увидеть ее лицо, перемолвиться с ней хоть словечком — за это я, не колеблясь, отдал бы жизнь.

Сударыня, Вы догадались?.. Предмет моей страсти — Вы! Простите меня за эту дерзость. С тех пор как супруг Ваш приобрел мое кресло, я изнемогаю от жестокой любви.

Просьба у меня только одна. Я прошу у Вас встречи — один лишь раз! Я мечтаю услышать от Вас хотя бы слово утешения. Да, я уродлив, отвратителен, я ничтожество, но... Умоляю Вас об одной этой малости, о большем я не мечтаю. Откликнитесь на отчаянную мольбу несчастного!

Этой ночью я покинул Ваш дом, чтоб написать Вам письмо. У меня не хватило смелости заговорить с Вами. Это слишком опасно.

В ту минуту, когда Вы читаете мое послание, я с замирающим сердцем брожу вокруг Вашего дома. Будьте же милосердны! Ежели Вы готовы ответить на мою дерзкую просьбу, накиньте платочек на цветочный горшок, что стоит на окне Вашего кабинета. По этому знаку я постучу в Вашу дверь...»

Так заканчивалось послание. Уже после первых строк Ёсико побелела как полотно, охваченная недобрым предчувствием. Вскочив, она опрометью бросилась прочь из

кабинета, подальше от гадкого кресла.

Она было хотела порвать мерзостное письмо, не дочитав его до конца, однако какое-то неосознанное беспокойство заставило ее все же закончить чтение. Да, ее опасения оправдались.

Ужасно... Неужели в том самом кресле, где она так любила сидеть, и вправду скрывался незнакомый мужчина?

Ёсико передернулась от отвращения. Она не могла унять дрожь — ее словно окатили холодной водой. Она сидела в оцепенении, отрешенно глядя перед собой. Что же делать? Что предпринять?

Заглянуть в кресло? Нет-нет, ни за что. Она снова вздрогнула от омерзения. Пусть он ушел, но там остались следы его пребывания — пища, отвратительное тряпье...

— Госпожа, вам письмо!

Ёсико подскочила. В дверях стояла служанка с конвертом в руке.

Ёсико машинально надорвала его, но, взглянув на иероглифы, невольно вскрикнула от страха. О ужас! Еще одно письмо, написанное тем же почерком! И опять адресовано ей!

Ёсико долго раздумывала, не в силах решиться. Но наконец, дрожа, вскрыла конверт и прочла послание. Оно было коротенькое, но ошеломляющее:

«Прошу простить мою дерзость — я осмелился еще раз потревожить Вас. Дело в том, что я — давний поклонник Вашего дарования. Мое предыдущее письмо — неуклюжая проба пера. Если Вы любезно выразите согласие прокомментировать рукопись, почту за высшее счастье. По некоторым причинам я послал ее без сопроводительного письма и догадываюсь, что Вы уже прочли мое сочинение. Как оно Вам показалось? Буду безмерно рад, если эта история хоть немного развлекла Вас. Я нарочно опустил заглавие моего опуса. Сообщаю, что намерен назвать его «Человек-кресло»...»

Психологический тест

1

Как и почему Сэйтиро Фукия решился на такое злодейство — с определенностью сказать не могу. Да, собственно, это и не имеет значения, поскольку речь пойдет о другом. Фукия был стеснен в средствах и подрабатывал, чтобы платить за учебу в университете, — возможно, данное прискорбное обстоятельство и толкнуло его на преступление. Он был весьма одаренным юношей, отличался исключительным усердием и прилежностью, и конечно же, его огорчало то, что столько драгоценного времени, необходимого для занятий, уходит впустую. Но вряд ли его недовольство можно признать веской причиной столь тяжкого преступления. Вероятно, все же были иные, неизвестные нам мотивы. Как бы то ни было, Фукия стал убийцей.

Все началось с того, что Фукия неожиданно для себя сблизился со своим однокашником Сайто. Дружба их зародилась стихийно, без каких-нибудь усилий с чьей-либо стороны, однако с течением времени неосознанные желания, томившие Фукию, начали обретать конкретное содержание.

Этот Сайто снимал комнату в богатом квартале. Хозяйкой дома была старуха лет шестидесяти, вдова правительственного чиновника. Детей она не имела и могла бы жить припеваючи на немалую ренту с оставленных ей покойным супругом доходных домов, но была жадновата и, стремясь приумножить свое состояние, ссужала

под проценты некрупные суммы верным людям и в том находила смысл и усладу жизни. Из-за своей непомерной алчности старуха и в свой дом пустила жильца, хотя была и другая причина: страшновато женщине одной по ночам. Помимо вклада, хранимого в банке, она держала, как всякий скряга, изрядную сумму наличными при себе, спрятав деньги в укромном местечке, — во всяком случае, так уверяла молва.

Деньги эти стали неодолимым соблазном для Фукии. «Что проку от них старой карге? — рассуждал он. — Я молод, талантлив, подаю большие надежды. Мне деньги нужны, и будет вполне справедливо, если они достанутся мне».

Он постарался выудить из простоватого Сайто все, что тот знал о старухе, однако в окончательном виде идея его оформилась в тот памятный день, когда Сайто проговорился, что обнаружил тайник.

— Ты только послушай, Фукия, — со смехом сказал тот, — до чего додумалась старая ведьма! Ну где обычно прячут денежки? За ширмой, на чердаке или в каком-нибудь темном углу, верно? А моя-то, моя... Нет, тебе и во сне не приснится! Старуха спрятала их в цветочном горшке, под карликовой сосной! А горшок стоит в нише, в гостиной. Какой вор додумается искать там? Так что деньги — как в сейфе. Здорово, правда?

После этого случая мысли Фукии потекли по новому руслу. Он обдумывал, как вернее и безопаснее заполучить старухины деньги. Задача оказалась трудней, чем он ожидал. Минуло уже полгода.

Главная трудность состояла в том, чтоб обмануть правосудие. Такие помехи, как, например, угрызения совести, были не в счет. Кто обвинил бы Наполеона в убийстве — из-за того, что по его воле погибли тысячи человек? Фукия благоговел перед бывшим капралом и полагал, что цель оправдывает средства: старуха все равно сто-

ит одной ногой в могиле, а молодой талант нуждается в поддержке.

Но вот незадача! Старуха редко выходила из дому. День-деньской она тихо, как мышь, сидела в гостиной, а когда все-таки отлучалась, дом бдительно стерегла служанка, девушка из деревни. Ни разу за это время старуха не допустила оплошности, не оставила дом без присмотра.

Фукия перебрал множество вариантов. Сначала он собирался стянуть вожделенный пакет, услав с каким-нибудь поручением служанку, когда старухи и его друга Сайто не окажется дома; но потом отверг этот план как чистой воды безрассудство. Сам факт, что он хоть на короткое время останется в доме один, неизбежно навлечет на него подозрения. В итоге он пришел к чудовищному решению: старуху необходимо убить. Вознаграждение стоило риска.

Конечно, жестоко лишать жизни безвинного человека ради презренных денег. Но для полунищего Фукии любая приличная сумма — целое состояние. Все же не сами деньги явились главным соблазном: Фукия был одержим честолюбивой мечтой совершить хитроумное преступление, разгадать которое было бы невозможно.

Существует расхожее мнение, что убивать опаснее, нежели воровать. Это не так. Конечно, если исходить из того, что преступление непременно будет раскрыто, то убийство сопряжено с наибольшим риском. Если же исходить из обратного, то кража опаснее: она оставляет больше следов. Убийство — вот самый надежный способ спрятать концы в воду: жестоко, зато навERNЯКА. Все великие злодеи убивали хладнокровно и без раздумий. И не попадались: чем дерзостней преступление, тем меньше возможность разоблачения.

Фукия думал несколько месяцев. И наконец придумал...

Но не будем забегать вперед. Читатель сам увидит,

как развернутся события. Скажу лишь, что Фукия изобрел подробнейший и безопасный с точки зрения криминалистики план — убить, не запачкав рук и не оставив ни единой улики.

Теперь оставалось ждать случая. Он представился неожиданно скоро. В тот день Сайто был на занятиях, а служанка отлучилась куда-то по хозяйству, и Фукия знал, что оба не вернуться домой до вечера. Всю подготовку Фукия довел до конца несколько дней назад. Завершил он ее (об этом я вынужден сказать заранее) весьма хитроумным трюком, с помощью которого выяснил, не переложила ли старая ведьма свои денежки в новый тайник — ведь как-никак прошло много времени!

Фукия, придя к Сайто, заглянул на минутку к старухе, сидевшей по обыкновению в гостиной, — засвидетельствовать почтение, — и, болтая о том о сем, словно бы невзначай обронил: слышал, дескать, толки о тайнике. Произнося слово «тайник», он внимательно следил за старухой. Как и рассчитывал Фукия, та бессознательно поглядывала на стоявший в нише горшок с карликовой сосной. Уже через пару минут Фукия утвердился в мысли, что деньги на месте.

2

И вот настал долгожданный день. Фукия в студенческой форме, накидке и — из предосторожности — в перчатках отправился к дому старухи. После долгих раздумий он решил не устраивать никакого маскарада, поскольку это лишь осложняет дело и чревато опасностью разоблачения. Чем меньше примет, тем труднее искать, рассуждал он.

В дом нужно проникнуть, не привлекая к себе внимания. Скажем, если он встретится с кем-нибудь по до-

роге, это не страшно, так как можно легко отговориться: дескать, я каждый день здесь гуляю. Но при этом разумнее быть в обычной студенческой форме, а не в каком-то нелепом костюме. По той же причине Фукия выбрал не ночь, когда старуха одна, а день. Он все правильно рассчитал: внимание привлекать ни к чему.

Однако перед старухиным домом у него задрожали поджилки, как у жалкого воришки. Фукия трусливо огляделся. Но улица была пустынна; на противоположной стороне тянулась длинная, высокая бетонная ограда какого-то особняка. Даже днем там редко можно было встретить человека. Старухин дом отделяла от соседних строений живая изгородь. Фукия осторожно, беззвучно отворил тяжелую решетчатую калитку, издававшую обычно громкое металлическое лязганье.

Тихонько — чтобы не услышали соседи — он окликнул хозяйку. Старуха вышла в прихожую, и Фукия, сказав, что хочет поговорить о Сайто, прошел вслед за нею в гостиную.

— Я сегодня отпустила служанку, — извинилась старуха и поднялась, чтобы подать чай. Фукия только того и ждал. Улучив момент, когда старуха нагнется, раздвигая фусума *, он набросился на нее сзади и изо всех сил стиснул ей горло. Старуха даже не дернулась — лишь издала какой-то булькающий звук. Но сведенные в предсмертной агонии старческие пальцы задели стоявшую рядом ширму. Ширма была двустворчатая, очень старая, покрытая позолотой; на ней художник изобразил шестерых великих поэтов древности, в том числе прославленную красавицу Оно-но Комати. Старухин ноготь почти проткнул ее прелестное лицо.

Убедившись в том, что старуха не дышит, Фукия положил труп на бок и встревоженно осмотрел поврежденную ширму. Но после долгих размышлений решил, что

* Раздвижная перегородка в японском доме.

повода для волнения нет: это ни в коем случае не улика. Фукия направился к нише и, приподняв за ветви сосну, вытащил ее вместе с землей из горшка. Как он и рассчитывал, на дне лежал сверток из вощенной бумаги. Фукия хладнокровно развернул его и, разделив добычу на две равные стопки, положил половину (изрядную сумму в пять тысяч иен!) в бумажник; остальные же деньги опять завернул в бумагу и спрятал на прежнее место — на дно горшка: никто, кроме старухи, не знает, сколько там было денег, а стало быть, ни одна живая душа не догадается, что половина исчезла. Подложив под старуху свернутый дзабутон * (чтобы не полилась кровь), он достал из кармана маленький ножик и аккуратно вонзил его прямо в сердце. Нож по рукоятку вошел в мягкую плоть; Фукия тотчас же вынул его, вытер лезвие о дзабутон и спрятал ножик в карман. Фукия сделал это для верности, на всякий случай — чтобы старуха, не дай бог, не ожила. Он побоялся сразу прирезать ее — из опасенья, что может запачкаться кровью.

И бумажник, и нож Фукия приобрел заранее в какой-то палатке во время буддийского праздника. Во время гулянья он, выбрав нарочно самое людное место, бросил пригоршню мелочи — ровно столько, сколько стояло на ценнике, — и поспешно исчез, чтобы в толчее, царившей вокруг прилавка, продавец не успел запомнить его лицо.

Фукия еще раз обошел всю комнату, проверяя, не наследил ли, не оставил ли улики, и, задвинув фусума, прошел в прихожую. Пол в прихожей был цементный, да и на улице — благо вот уже несколько дней стояла сухая погода — земля пересохла и сделалась твердой как камень. Оставалось отворить решетчатую калитку и выйти на улицу. Опасный момент. Любая оплошность — и все пойдет прахом. Он прижался к калитке и напряженно

* Плоская подушка для сидения на полу.

прислушался. Но нет, никого — тишина; только откуда-то издалека доносились едва различимые звуки кото *.

Фукия вздохнул, решительно расправил плечи и распахнул калитку. Вокруг не было ни души.

Неподалеку стоял синтоистский храм, окруженный высокой оградой. Удостоверившись, что за ним никто не следит, Фукия просунул сквозь щель в ограде улики — нож и окровавленные перчатки. Потом, по привычке, завернул в маленький скверик и долго сидел на скамейке, рассеянно наблюдая за возней ребятишек, резвившихся на качелях.

По пути домой Фукия зашел в полицейский участок.

— Я подобрал кошелек... Прямо на улице. В нем довольно большая сумма, и я пришел сдать его в а м . — Он с невиннейшим видом протянул полицейскому свой бумажник.

Полицейский взял кошелек, проверил его содержимое и задал пару формальных вопросов. Разумеется, все, что сказал ему Фукия, было чистой ложью, за исключением одного: имя и адрес он сообщил настоящие. Получив квитанцию с указанной суммой и его именем, Фукия еще раз проверил себя: да, путь окольный, но зато безопасный. Деньги (вернее, оставшаяся половина) на прежнем месте, так что бумажник, конечно же, никто не востребует. И, согласно закону, по истечении года его вернут Фукии. Плод созреет и сам упадет в руки. А тогда Фукия сможет открыто, ничего не боясь, тратить деньги как хочет, у всех на глазах.

Фукия долго думал, прежде чем изобрел этот план. Можно было спрятать сокровище в каком-нибудь тайнике, но не исключено, что кто-то случайно его обнаружит. Еще опасней прятать кошелек у себя, ведь не исключено, что старуха переписала номера банкнотов. Нет, разумней всего — хранить бумажник в полиции.

* Японский музыкальный инструмент.

Фукия усмехнулся. Вор несет добычу в участок... Сам Великий Будда не додумался бы до такого!

Наутро, выпавшись и отдохнув, Фукия, зевая, просматривал утренние газеты. Особенно его интересовал раздел местной хроники. Однако то, что он обнаружил, явилось для него неожиданностью: лично ему не грозило ничего, а вот его друга Сайто постигло несчастье — именно на него пало подозрение в убийстве. Во время обыска при нем была обнаружена крупная сумма денег.

Фукия ощутил смутное беспокойство. Сайто — его ближайший друг, и теперь, конечно же, не миновать свиданья с полицией...

Он торопливо оделся и сам побежал в участок. Но — вот незадача! — оказалось, что это тот самый участок, куда Фукия накануне отнес «находку». Проклятье! Фукия ругал себя последними словами за подобную неосторожность. Ну почему он поленился поехать в другой район?!

Изобразив на лице приличествующую случаю озабоченность, Фукия попросил о свидании с Сайто. Как он и рассчитывал, в этом ему отказали. Тогда он попытался навести справки, и ему удалось прояснить обстоятельства дела.

События, судя по всему, развивались следующим образом: накануне Сайто возвратился домой раньше служанки — видимо, вскоре после убийства. И разумеется, сразу же обнаружил труп. Но прежде чем сообщить в полицию, Сайто успел совершить глупость: решил проверить, на месте ли деньги. Ведь если старуху убил грабитель, то деньги должны были исчезнуть. Однако, к немалому удивлению Сайто, сверток с деньгами лежал в горшке. И тут бес его попутал. В голову Сайто закралась убогая, но не лишенная логики мысль: во-первых, никто не знает про старухин тайник; во-вторых, все подумают, что ее обокрал убийца. Сайто не совладал с искушением. Но что же сделал потом этот болван? Пришел в участок заявить

об убийстве с полными карманами денег! Ясно, ему и в голову не приходило, что его обыщут тут же, на месте. Непроходимый дурак!

Фукия призадумался. Интересно, как будет оправдываться Сайто? Да, дело могло принять скверный оборот. Поначалу Сайто, конечно же, станет твердить, что эти деньги его. И впрямь, никто не знает, где и какую сумму прятала старая ведьма, так что доказать обратное трудно. С другой стороны, для нищего студента деньги чересчур велики. В итоге Сайто, наверное, придется сказать правду. Но вот поверят ли ему в полиции? Разумеется, Сайто будет всячески отрицать свою причастность к убийству, и тогда... Тогда выяснится, что и Фукия знал о старухином тайнике и что за два дня до убийства он заходил к покойной. Сайто не преминет сказать и о денежных затруднениях Фукии...

Правда, Фукия предусмотрел и такой вариант. Да и вряд ли Сайто проявит смекалку.

Вернувшись к себе, Фукия принялся за поздний завтрак, чувствуя, как к нему возвращается бодрое настроение, и даже позволил себе поболтать об обстоятельствах дела с молоденькой служанкой, принесшей ему газету. После завтрака он отправился на занятия. Университет бурлил: все только и говорили что об убийстве и Сайто. Фукия, цинично усмехаясь, принимал живейшее участие в разговорах.

3

Но как вы догадываетесь, любезный читатель, искушенный в тонкостях детективного жанра, на этом история не кончается. Вы совершенно правы. Собственно говоря, все это лишь предыстория, главное впереди.

Дело было поручено знаменитому Касамори — прослав-

ленному криминалисту и знатоку человеческих душ. Он слыл большим оригиналом и при расследовании запутанных преступлений, не поддающихся обычной методике, применял свои знания в области психологии, добиваясь блистательных результатов. Он был достаточно молод, но успел обрести славу гения сыска. И когда к нему в руки попало дело об убийстве старухи, все были уверены, что преступник будет незамедлительно найден и уличен. Такого же мнения был и сам Касамори. Он рассчитывал завершить дело на первом же слушании в окружном суде.

Однако время шло, а следствие топталось на месте. Стало ясно, что преступление весьма запутанное и совсем не простое. Полиция настаивала на версии, что убийца — Сайто. И Касамори вынужден был признать логичность этого обвинения после того, как с пристрастием допросил всех, кто имел хоть какое-нибудь отношение к убитой: ее должников, квартиросъемщиков, случайных знакомых, — словом, тех, кто перед убийством мог видеть старуху. Разумеется, среди опрошенных был и Сэйитиро Фукия. Однако у всех оказалось неопровержимое алиби, и так как подозревать было некого, в конечном счете вся тяжесть обвинения в убийстве легла на злосчастного Сайто. На свою беду, Сайто был малодушен и, совершенно подавленный обстановкой допроса, трясся и запинаясь, отвечал путано и невнятно; противоречил сам же себе, опровергая только что сказанное, и забывал очевидное. Чем больше он волновался и путался, тем больше давал поводов для подозрений. Конечно, не сделай он той глупости — не возьми старухины деньги, — вряд ли разумный, в сущности, человек смог бы дойти до подобного сумасшествия. На него было жалко смотреть. И Касамори никак не мог убедить себя в том, что Сайто — убийца. Кроме того, Сайто не признавался, а без этого дело нельзя было считать законченным.

Так прошел месяц, а следствие все еще не закончи-

лось. Касамори нервничал. И тут из того же полицейского участка поступил запоздалый рапорт: в день убийства неподалеку от дома убитой был обнаружен бумажник с суммой денег в пять тысяч иен; находку доставил в участок близкий друг обвиняемого Сайто — студент Сэйитиро Фукия. По чьей-то халатности документ пролежал без движения много дней.

Отчаявшемуся Касамори показалось, что впереди забрезжил неясный свет. Срочно вызвали Фукию, но, вопреки ожиданиям, и после его допроса дело не продвинулось ни на шаг. На вопрос, почему он не упомянул о находке, Фукия невозмутимо отвечал, что не предполагал о наличии связи между бумажником и убийством. Простосердечный ответ его казался вполне убедительным. И впрямь, раз старухины деньги изъяли у Сайто, то кому могло прийти в голову, что кошелек, оброненный на улице, тоже принадлежал убитой?

Но Касамори чуял подвох. Близкий друг обвиняемого, знавший о тайнике, в день убийства находит неподалеку от дома, где произошло преступление, бумажник с крупной суммой денег... Нет, это никоим образом не случайность. Касамори мучительно размышлял над этой головоломкой. Ах, если б старуха переписала номера банкнотов! Тогда дело было бы проще простого...

«Хоть бы одну зацепку, одну тоненькую ниточку, за которую можно было бы потянуть», — молился в душе Касамори.

Он работал как одержимый — снова и снова осматривал место преступления, беседовал с родственниками старухи, но все было безрезультатно. Прошло еще полмесяца.

Касамори пришел к выводу, что объяснить этот случай может лишь версия о виновности Фукии. Он украл деньги, разделил их на две равные части, половину засунул обратно в тайник, а другую часть положил в кошелек, представив все так, будто нашел деньги на улице. Неве-

роятно... Бумажник, разумеется, тщательнейшим образом осмотрели, но ничего подтверждающего догадку не обнаружили.

Кроме того, Фукия держался уверенно и спокойно, даже не отрицая, что в тот день проходил мимо дома старухи. Неужели убийца решился бы на такое рискованное признание? И потом, где основная улика — орудие преступления? Полицейские обшарили всю округу, но ничего не нашли. Впрочем, тут положение Сайто было аналогичным.

Кто же убийца?

За отсутствием веских улик против Фукии подозреваемым оставался все-таки Сайто. Но почти в равной степени подозрителен был и Фукия. В итоге после полутора месяцев следствие пришло к заключению: подозреваемых — двое, конкретных улик — никаких. Исчерпав все средства, судья Касамори решил применить психологический тест, который не раз приносил желаемые результаты.

4

Когда спустя несколько дней после убийства Фукию вызвали на допрос, обнаружилось, что дело придется иметь со знаменитым судьей Касамори. Представив себе последствия, Фукия начал паниковать. При всей своей предусмотрительности он совсем упустил из виду угрозу психологических тестов. Фукия достаточно хорошо был знаком с этим методом, а потому буквально утратил покой и сон. Он стал отлынивать от занятий; сказавшись больным, надолго заперся в своей комнате, лихорадочно размышляя над тем, как выпутаться из этого положения. Мысль его работала еще напряженной, чем перед убийством.

Какого типа психологический тест применит к нему Касамори? Это предугадать невозможно. Но, перебирая

в уме все известные ему варианты, Фукия начал обдумывать конкретную самозащиту в каждом конкретном случае.

В основе своей психологический тест есть средство изобличения лжи, так что в принципе, рассуждая логически, ускользнуть из ловушки немислимо. Насколько он знал, все тесты делятся на две категории. Одни основываются на физиологических реакциях человека, другие — на спонтанных словесных ассоциациях. В первом случае подозреваемому задают вопросы, регистрируя при помощи специальных приборов малейшие изменения в его организме. И выявляется истина, которую невозможно установить при обычном перекрестном допросе. Ведь человек, скрывающий правду, даже если он прекрасно владеет лицом, не в состоянии полностью подавить нервное возбуждение, вызывающее произвольные реакции тела. Так вот, различные специальные приборы фиксируют легкую дрожь в руках, регистрируют сбои в ритме дыхания, вычерчивают пульсовые биения, отмечают наполненность кровеносных сосудов, отделение пота...

«Предположим, — рассуждал Фукия, — Касамори бросит в лицо: «Ты — убийца!» Хватит ли у него спокойствия духа, чтобы невозмутимо ответить: «Чем вы это докажете?» Не забьется ли сердце, не перехватит ли дыхание? Как справиться с этим? Почти невозможно... Фукия задал сам себе несколько каверзных вопросов, однако не ощутил при этом никаких изменений в собственном организме. Конечно, без специальных приборов нельзя сказать это с полной определенностью, но, во всяком случае, волнения он не испытывал. Фукию осенила неожиданная догадка: упорная тренировка — вот что поможет ему! Организм можно приучить не реагировать на раздражители. Если без конца задавать себе одни и те же вопросы, реакция нервов ослабнет.

И Фукия сел за толстые словари, изучая строку за

строкой, выписывая слова, которые Касамори мог включить в психологический тест. На тренировку ушла неделя.

Следующим этапом был метод словесных ассоциаций. Его Фукия не страшился. Напротив, он давал неограниченные возможности выскользнуть из ловушки. Здесь, конечно, были свои особенности, различные варианты, но чаще всего применялся ассоциативный диагноз — сродни тому, что делает психоаналитик при беседе со своим пациентом. Он без пауз, в быстром темпе перечисляет слова, например: «сёдзи» *, «чернила», «стол» — а пациент должен без промедления и без раздумий назвать ему первую же пришедшую в голову пару. Например, «сёдзи» могут ассоциироваться с «окном», с «дверью» или «бумагой» — эти слова образуют стандартный ассоциативный ряд.

Если словно бы невзначай в список обычных слов включить те, что могут ассоциироваться с преступлением, скажем, «нож», «кровь», «бумажник», «банкноты», то неосторожный, рассеянный человек, к примеру, на «цветочный горшок» может ответить — «деньги», поскольку в сознании его запечатлелось, что деньги были извлечены из горшка. И невольно выдаст себя. Умный же, подавив первый импульс, ответит «керамика». Однако на всякое действие существует противодействие. Первый способ — повторить все слова по второму кругу. Как правило, ассоциации, что возникали произвольно, останутся без изменений. Но придуманные ответы непременно будут отличными от первоначального варианта. Например, если первой реакцией на «горшок» было слово «керамика», то в другой раз это может быть, скажем, «земля».

Второй способ — сравнение временных промежутков между вопросом и ответом. Например, если на ассоциативную пару «ширма — дверь» потребовалась секунда, а на

* Раздвижные перегородки в японском доме, затянутые вошеной бумагой.

«горшок — керамика» три секунды, значит, две секунды ушло на то, чтобы подавить первый, естественный, импульс. Следовательно, испытуемый ведет себя подозрительно. Заминка порой заметна не только на ключевом слове, но даже и на следующей ассоциативной паре. Здесь главное — тренировка и еще раз тренировка, думал Фукия. А еще важнее — правильно вести себя. Нечего демонстрировать свой интеллект. Лучше прикинуться простачком и на «цветочный горшок» простодушно ответить «деньги» или «сосна», потому как он должен был слышать о том, что старуха спрятала деньги под карликовой сосной. Трудность заключалась в другом: в точном отсчете времени, требуемом для ответа. Вот тут-то и скажется тренировка. Необходимо приучить себя реагировать на ключевые слова уверенно, без запинки...

Несколько дней Фукия работал как одержимый, пока не достиг спокойной уверенности, что выдержит любой тест. Ничего, если он оступится где-то: ведь психологический тест применяют и к Сайто. Разве сможет морально сломленный человек реагировать хладнокровно и спокойно отвечать на вопросы? Нет, уж с этим, во всяком случае, Фукия справится не хуже.

Чем больше Фукия раздумывал над ситуацией, тем спокойней становилось у него на душе. Он до того развеселился, что начал мурлыкать себе под нос. В азарте он даже жаждал сейчас встречи с судьей Касамори.

5

Опустим подробности процедуры, во время которой нервничал Сайто и невозмутимо улыбался Фукия, и перейдем к главному.

Это было на другой день после теста. Судья Касамори сидел дома, размышляя над результатами, когда служанка

принесла ему в кабинет визитную карточку Когоро Акэти. Многим известна эта фамилия: Акэти распутывал самые сложные преступления и приобрел громкую славу. С некоторых пор они с Касамори стали друзьями.

За служанкой в кабинет вошел сам улыбающийся Акэти. Хозяин дома поднялся ему навстречу.

— Это вы? Как хорошо. Верите ли, я просто в отчаянии...

Вид у Касамори был угрюмый.

— М-да... Дело об убийстве старухи?.. И что показал психологический тест? — спросил Акэти, скользнув взглядом по заваленному бумагами письменному столу.

Касамори нахмурился:

— Увы! Все ясно как божий день, но я почему-то разочарован. Мы тестировали их и приборами, и словесными ассоциациями. Что касается пульса, то у Фукии практически никаких отклонений. Правда, были кое-какие сбои, но по сравнению с Сайто это сущие пустяки. Вот взгляните на диаграммы. Видите разницу? То же самое с ассоциациями: на ключевое слово «горшок» Фукия ответил даже быстрее, чем на простые слова, а Сайто раздумывал целых шесть секунд!

Судья протянул Акэти листок с результатами теста:

Вводимые слова	Фукия Сэйитиро		Сайто Исаму	
	ответ	время (сек)	ответ	время (сек)
голова	волосы	0,9	хвост	1,2
зеленый	листва	0,7	листва	1,1
вода	кипяток	0,9	рыба	1,3
петь	пение	1,1	женщина	1,5

длинный	короткий	1,0	веревка	1,2
убивать*	нож	0,8	преступление	3,1
лодка	река	0,9	вода	2,2
еда	завтрак	1,0	рыба	1,3
деньги*	банкноты	0,7	металл	3,5
холодный	вода	1,1	зима	2,3
болезнь	простуда	1,6	туберкулез	1,6
иголка	нитка	1,0	нитка	1,2
сосна*	карликовое деревце	0,8	дерево	2,3
гора	высокий	0,9	река	1,4
кровь*	течь	1,0	красный	3,9
новый	старый	0,8	кимоно	3,0
отвращение	паук	1,2	болезнь	1,1
цветочный	сосна	0,6	цветок	6,2
горшок*				
птица	летать	0,9	канарейка	3,6
вошенная	прятать	1,0	пакет	4,0
бумага*				
друг	Сайто	1,1	Фукия	1,8
ящик	книжный шкаф	1,0	кукла	1,7
преступление*	убийство	0,7	полиция	3,7
женщина	политика	1,0	сестра	1,3
картина	ширма	0,9	пейзаж	1,3
украсть*	деньги	0,7	лошадь	4,1

Знаком * отмечены ключевые слова, ассоциирующиеся с преступлением.

Список приведен с сокращениями.

Судья подождал, пока Акэти пробежит листок глазами.

— Сайто ловчит, это видно по заминкам в ответах. Взгляните: задержка не только на ключевом слове, но даже на следующем! «Деньги» — «металл», «украсть» — «лошадь»... Довольно бессвязные ассоциации, верно? Дольше всего он раздумывал над «цветочным горшком» — несомненно, подавлял побуждение сказать «деньги» или «сосна».

А вот Фукия ведет себя совершенно естественно. На «цветочный горшок» отвечает «сосна», «вощеную бумагу» ассоциирует с «прятать», «преступление» — с «убийством». Видите, как быстро и спокойно он отвечает? Если он — настоящий преступник, то поведение его граничит со слабумием. А ведь в университете его отмечали как чрезвычайно одаренного юношу!

— Несомненно, — задумчиво пробормотал Акэти, но судья Касамори пропустил его реплику мимо ушей.

— Да, Фукию мы исключаем. Но все же... Знаете, я не могу убедить себя, что Сайто — преступник.

Акэти взял в руки листок.

— Интересно... Заметьте, сколь непохожи ответы Сайто и Фукии. У Фукии воображение рационально, я бы сказал, даже материально. А вот Сайто, бесспорно, склонен к сентиментальности и отличается неуверенностью. Взгляните, какие ассоциации: «женщина», «кимоно», «кукла», «сестра», «пейзаж»... А кроме того, он несомненно подвержен болезням. К «отвращению» он дает пару «болезнь», а к «болезни» — «туберкулез». Он панически боится туберкулеза... — Акэти задумался. — Кстати, — спросил он вдруг Касамори уже с иным выражением, — вы не задумывались над уязвимостью психологических тестов? Де Кирос *, критикуя теорию Мюнстерберга **, превозносившего этот метод, пи-

* К. Б. Де Кирос — испанский психолог и криминолог конца XIX — начала XX века, автор изданного в Мадриде исследования «Новые теории преступности» (1898).

** Гуго Мюнстерберг (1863—1916) — немецкий психолог и философ. Представитель экспериментальной психологии, основатель психотехники. С 1892 года жил в США.

сал, что психологический тест, будучи альтернативой пытке, столь же легко дает ускользнуть преступнику и приводит невинного на скамью подсудимых. А Мюнстерберг отмечал, что психологический тест эффективен прежде всего при выявлении, знаком ли подозреваемый с определенной местностью или предметом, — в других же случаях он чреват непростительными ошибками. Это банальные истины, но мне хотелось привлечь ваше внимание к этому важному моменту.

— Разумеется, я читал их труды, — отозвался судья с оттенком легкого раздражения.

— Ну что же, — вздохнул Акэти. — Тогда взглянем на ситуацию под таким углом зрения: представьте себе, что невинного, но весьма возбудимого человека подозревают в убийстве. Его взяли с «поличным», а потому он, конечно же, помнит леденящие кровь подробности... Как вы думаете, он сохранит спокойствие во время вашего теста? Естественно, он начинает метаться: «Они хотят испытать меня. Что я должен ответить, чтоб отвести подозрения?» Он неизбежно впадает в панику — и что же? Не случится ли то, о чем предупреждал нас Де Кирос, — не приведет ли тогда этот тест на скамью подсудимых невинного?

— Вы, конечно же, говорите о Сайто? Признаться, я и сам не могу побороть сомнений, — удрученно кивнул судья.

— В таком случае, если предположить, что Сайто не убивал, что, впрочем, не снимает с него обвинения в краже денег, возникает вопрос: кто же убийца?

— Не томите меня, — нетерпеливо прервал его Касамо-ри. — Вы хотите сказать, что догадались, кто он?

Акэти довольно кивнул:

— Именно так. Я знаю, кто убил старую женщину. Это следует из результатов вашего теста, убийца — Фукия. Хотя с точностью я пока утверждать не могу. Фукия, верно, уже пришел из университета... Скажите, судья, не

могли бы мы побеседовать с ним еще раз? Держу пари, когда я задам ему пару вопросов, то докопаюсь до истины!

— На чем вы хотите его поймать? — заинтригованно спросил Касамори.

— Терпенье, мой друг, терпенье!.. — И Акэти изложил Касамори свой план.

Вскоре за Фукией побежал посыльный с запиской.

«Ваш друг Сайто признан виновным. Для выяснения некоторых обстоятельств прошу безотлагательно пожаловать ко мне домой.

Судья Касамори»

6

Фукия только что вернулся с занятий, но, прочитав записку, без промедленья отправился к Касамори. Он летел точно на крыльях, не подозревая о западне.

Судья Касамори встретил его приветливо.

— Приношу свои извинения за то, что подозревал в а с , — сказал о н . — Мы хотели бы побеседовать с вами...

Он приказал подать Фукии чаю и представил ему Акэти:

— Познакомьтесь, это мой друг — адвокат. Видите ли, родственники покойной обратились с просьбой уладить дела с имуществом...

Разговор за чаем шел самый непринужденный, и Фукия успокоился. Язык у него развязался; он болтал без умолку. Время шло, и за окном сгустились лиловые сумерки. Фукия засобирался домой:

— Простите, я, кажется, засиделся. Разрешите откланяться.

— О, минуточку... — вдруг оживился А к э т и . — Совершенно запамятовал... Не могли бы вы помочь мне в одном пустяковом деле? Понимаете, в гостиной у покойной стояла золоченая ширма... Как оказалось, эта вещь убитой не

принадлежала: старуха взяла ширму в заклад, за ссуду. Владелец настаивает, что ширму поцарапали при убийстве, и требует компенсации, а племянник покойной утверждает, что владелец — просто скряга и что ширма была повреждена до трагического происшествия. Никак не сталкиваются. Ерундовое дело, а ни с места. Впрочем, ширма — довольно ценная вещь. Вы ведь бывали там, так что, верно, видали ее. Не припомните, была ли на ней царапина? Мы уже обращались к вашему другу Сайто, но он в таком состоянии, что ничего вразумительного сказать не может. А служанка возвратилась в деревню. Я написал ей, но ответа пока не пришло, прямо не знаю, что делать...

У Фукии неприятно засосало под ложечкой. Но он старался взять себя в руки: «Чего это я испугался? Ведь все уже позади. Дело закрыто».

Что же ответить?.. Поколебавшись, Фукия решил отвечать в прежней манере — искренне и простодушно.

— Господин судья, вы же знаете, что я заходил в эту комнату только однажды, — начал он с обезоруживающей улыбкой. — Это было... Да, за два дня до убийства. Но ширму я хорошо помню. И могу подтвердить, что в тот день на ней не было ни царапины.

— Вы точно помните? Я имею в виду царапину на лице Оно-но Комати.

Фукия сделал вид, будто задумался.

— Нет-нет. Не было никакой царапины. Я не мог бы не заметить ее на лице прекрасной Комати, — с пафосом заключил он.

— Простите за беспокойство, но я бы просил дать мне письменное подтверждение. Владелец — весьма напористый человек. С ним трудно договориться.

— Пожалуйста, можете располагать мной, — надуваясь от гордости, сказал Фукия. — Я к вашим услугам.

— Благодарю вас, — с жаром отозвался Акэти и пригласил ладонью волосы. Это было у него признаком сдержи-

ваемого волнения. — Я так и думал, что вы должны эту ширму помнить. Дело в том, что во вчерашнем психологическом тесте в ответ на слово «картина» вы дали не совсем обычную пару — «ширма»... А ведь в меблированных комнатах, пожалуй, такой редкости не увидишь, не так ли? Кроме Сайто, друзей у вас нет. Значит, вы вспомнили ту самую ширму, что стояла в комнате старой дамы. Видимо, по каким-то причинам она произвела на вас неизгладимое впечатление...

Фукии показался странным тон «адвоката». Неужели он действительно сказал слово «ширма»? И сам не заметил... Не таится ли тут угроза? Нет, исключено. Ведь он тогда тщательнейшим образом изучил ту царапину и убедился, что она не может служить уликой. Спокойней, спокойней! Фукия убеждал себя, что у него нет причин волноваться.

— В самом деле?... — не забывая о бесхитроном выражении на лице, удивился он. — Вы, видно, тонкий наблюдатель!

— Ну что вы, — скромно потупился «адвокат». — Правда, я заметил еще кое-что. Да что вы разволновались? Ничего страшного. В тесте было восемь рискованных слов, и вы проскочили их без сучка без задоринки. На мой взгляд, даже слишком успешно. Вот, извольте взглянуть. — Акэти извлек лист бумаги. — На них у вас ушло куда меньше времени, чем на остальные слова. Например, пара к «горшку» была готова уже через шесть десятых секунды. И ответили вы «сосна». Редкостная бесхитроность! А ведь даже над словом «зеленый» вы раздумывали семь десятых секунды!

Фукии стало жутко. Он покосился на «адвоката». Куда тот клонит? Чего добивается? Фукия весь напрягся, пытаясь постичь ход его мыслей.

— К «горшку», «вощенной бумаге», «преступлению» труднее подобрать пары, нежели к таким заурядным словам, как «голова» или «зеленый». А между тем именно они

отняли у вас меньше времени. Как это объяснить? Ну-с, позвольте мне подсказать? О-о, это весьма любопытно. Впрочем, если я ошибаюсь, прошу великодушно меня извинить.

Фукия ощутил, как ледяной озноб пополз по спине. Он утратил нить беседы. Но «адвокат» снова заговорил:

— Вы прекрасно знали обо всех опасностях предстоящего теста и заранее подготовили себя к ним! Вы заготовили подходящие пары для рискованных слов, связанных с преступлением, чтобы выдать их без запинки. Нет, господин Фукия, не подумайте, что я критикую ваш метод! Я только хочу подчеркнуть, что психологический тест — штука весьма опасная: ведь он может позволить ускользнуть негодяю и привести на скамью подсудимых невинного. Увы, это случается слишком часто... М-да... — «Адвокат» помолчал. — Но вы совершили ошибку: вы перестарались. Ответили чересчур быстро. Конечно же, это естественно — ведь вы боялись излишне промедлить. Но поспешить — это так же скверно. Увы, вы допустили роковую оплошность...

Фукия безмолвствовал.

— А теперь пойдем дальше: я расскажу вам, почему вы избрали столь «опасные» пары, как «деньги», «прятать», «убийство». Ведь любое из них могло изобличить вас! Дело в том, что вы старались предстать наивным, бесхитростным человеком. Настоящий преступник, с вашей точки зрения, вряд ли свяжет понятие «прятать» с «вощенной бумагой». Или я ошибаюсь?

Фукия не отрываясь смотрел на собеседника. Он пытался отвести взгляд от ледящих глаз «адвоката» и не мог. Лицо Фукии словно одеревенело и, казалось, утратило способность выражать человеческие эмоции. Губы были плотно сжаты. Они могли исторгнуть лишь вопль ужаса.

— Мне показалась весьма подозрительной эта наивность. И я придумал ловушку. Ну, догадались? Тот самый вопрос о ширме. Я ни на мгновение не сомневался, что

вы ответите в вашей любимой манере — искренне и прямо-душно. А теперь разрешите задать вопрос господину судье. Господин Касамори, когда принесли золоченую ширму в дом покойной? — Акэти с простодушным видом повернулся к судье.

— Накануне убийства. А точнее, четвертого числа прошлого месяца.

— Я не ослышался? Накануне убийства? — переспросил «адвокат». — Странно... А господин Фукия только что клялся, что видел точно такую же в комнате у покойной за два дня до убийства. Или кто-то из вас ошибается?..

— Полагаю, что ошибается уважаемый Фукия, — усмехнулся судья. — Ибо четвертого числа до обеда ширма находилась еще в доме владельца.

Акэти с острым любопытством наблюдал за лицом Фукии. Тот растерянно моргал, точно готовая расплакаться маленькая девочка.

— Вы утверждаете, будто видели то, что никоим образом видеть не могли. Ведь вы не заходили в дом в день убийства? Но что самое скверное — вы запомнили ширму в подробностях. Да, этим вы подписали себе приговор! За два дня до убийства вы были в гостиной, но могли ли вы видеть там ширму? Конечно же нет. Даже если бы ширма действительно была там, вы не заметили бы ее, так как гостиная буквально набита старинными безделушками и потемневшая ширма не привлекает внимания. Но вы так легко поверили мне... Будь вы заурядным преступником, ни за что не попались бы на эту удочку. Вы бы сказали, что видеть ничего не видели и знать не знаете. Но вы умны и избрали надежный способ защиты — искренность и правдивость. Вас надо было загнать в тупик, перехитрить. И вот мне это удалось.

Акэти расхохотался. Фукия, бледный до синевы, сидел в угрюмом молчании; крупные капли пота покрывали его лицо.

Он знал, что это конец. Любая попытка исправить оп-

лошность только усугубит его положение. Вся его жизнь пронеслась в памяти словно в причудливом калейдоскопе. Повисло долгое, томительное молчание.

Акэти позвал кого-то из соседней комнаты, и в дверь вошел стенографист с пачкой листков в руке.

— Прочтите.

Стенографист прочел протокол.

— А теперь, господин Фукия, будьте любезны, подпишите и приложите к бумаге пальчик. Вот так. Думаю, возражений не будет? Ведь вы обещали мне всяческое содействие...

Фукия понимал, что отпираться бессмысленно. Он подписался, испытывая странное чувство — сродни восхищению, и опустил голову.

— Мюнстерберг п р а в , — заключил А к э т и . — Психологический тест весьма эффективен в определении, знаком ли преступнику тот или иной конкретный предмет. В данном случае ширма. Без нее провалилась бы сотня психологических тестов. Фукия — изощреннейший негодяй, и ни один вопрос не сбил бы его с толку.

Акэти помедлил в дверях.

— И е щ е . . . — Он улыбнулся. — Чтобы раскрыть преступление, не нужно головоломных загадок и хитроумных машин. Знаменитый судья Оока * применял тот же простой, но разумный метод «вопрос — ответ» и всегда добивался успеха. Разумеется, надо уметь придумать вопрос...

* Тадаскэ Оока — префект старого Эдо (совр. Токио), прославившийся своей справедливостью; жил в начале XVIII в.

Плод граната

1

Я давно веду своего рода дневник, где фиксирую особенно занимательные дела, которые мне довелось расследовать за долгие годы сыщицкой практики, однако этот случай почему-то опущен в моих заметках — верно, в повседневной суете я забыл тогда записать его. Да и дело было не столь уж громкое.

Правда, однажды мне пришлось восстановить в памяти все мельчайшие подробности того из ряда вон выходящего, изошренного преступления — убийства с применением серной кислоты. А вспомнил я о нем после стольких лет в связи с тем, что, отдыхая на горячих источниках в Синюю, неожиданно свел знакомство с неким Иноматой, а еще точнее — благодаря одной книжице, принадлежавшей моему новому знакомцу, — детективному роману в чрезвычайно потертой черной обложке.

Сейчас, когда я пишу эти строки, за окном уже осень; лето же я провел на водах в горах Синано. Замечу, что это совершеннейшее захолустье; с поезда я пересел на частную линию электрички, а потом тряся в автобусе еще часа два, прежде чем добрался до места.

Гостиница там в японском стиле и не отличается изысканностью и комфортом, еда невкусная, развлечений решительно никаких, однако все эти недостатки с лихвой восполняются прелестью совершенно безлюдного пейзажа. Неподалеку — живописное ущелье, где низвергается с кручи великолепнейший водопад, а с близких гор нередко

спускаются дикие кабаны и заходят прямо на задний двор гостиницы.

Гостиница, единственная в этих краях, пышно именуется вилла «Зеленые горы», однако названию она явно не соответствует и походит скорее на обычный сарай, разве что побольше; здание обветшало и почернело от времени, неотесанные служанки видеть не видели пудры, перекрахмаленные и стоящие колом гостиничные юката * чересчур коротки и едва прикрывают лодыжки — словом, от всего веет духом неистребимой провинциальности. Однако в разгар сезона гостиница все-таки заполняется до отказа. Большую часть гостей составляют жители Токио, Нагои и других крупных городов. Мой новый приятель, биржевой маклер Иномата, тоже приехал из Токио.

Сам я по профессии полицейский и потому, наверное, страстный любитель детективных романов. А может быть, наоборот: именно по причине горячей любви к детективным историям я посвятил добрую половину жизни расследованию преступлений, дослужившись от рядового сыщика до инспектора уголовного розыска.

Да, таким уж я уродился, а потому и на курорте постоянно приглядываюсь к отдыхающим — нет ли меж них подозрительных личностей; но с еще большим рвением я ищу собеседника, с которым можно поговорить о методах раскрытия уголовного преступления.

Сейчас в Японии мода на детективы, но, несмотря на то что люди охотно читают их во всяких дешевых журнальчиках, к моему немалому огорчению, пока нечасто встретишь на улице человека с детективным романом, изданным отдельной солидной книгой.

Правда, на сей раз мне повезло: в первый же день моего пребывания на вилле «Зеленые горы» я встретил такого великолепного собеседника, о котором даже и не мечтал.

* Легкое полотняное кимоно.

На первый взгляд человек этот показался мне совсем молодым, однако впоследствии я узнал, что он старше меня на пять лет и ему уже исполнилось сорок четыре. Чемодан у него был буквально набит детективной литературой, причем большую часть составляли английские книги. Звали его Иномата.

Совершенно случайно я увидел, как он, устроившись на веранде в плетеном кресле, читает детективный роман; это и послужило поводом для знакомства. Само собой вышло так, что мы сблизились.

Наружностью Иномата отличался весьма необычной и привлекал всеобщее внимание. Несмотря на молодые еще лета, у него была совершенно лысая, идеально круглая голова и очень тонкие, но густые красивые брови; очки без оправы с желтоватыми стеклами скрывали большие, под тяжелыми веками, глаза. В довершение портрета — греческий, с легкой горбинкой нос, усики, длинные, чрезвычайно ухоженные бакенбарды... Что-то неуловимо иностранное проскальзывало во всем его облике. Даже короткое гостиничное юката он умудрялся носить с такой элегантностью, что походил в нем на профессора университета, и уж никак не на биржевого маклера.

Оказалось, Иномата совсем недавно утратил горячо любимую им жену, и скорбная складка прорезала его чистый и бледный лоб. Как я заметил, он почти не выходил из своей комнаты, проводя время за чтением, но и любимые детективы, похоже, не приносили ему утешения; частенько Иномата, отложив раскрытую книгу, пустыми глазами смотрел на поднимавшиеся за верандой покрытые зеленью горы — и мне до слез становилось жаль его.

Как-то часа в три пополудни я, даже не переодев юката, сунул ноги в уличные гэта * и вышел через задний двор гостиницы — прогуляться после обеда. Я направлялся в соседнюю рощицу, весьма напоминавшую ухоженный го-

* Вид японской национальной обуви.

родской парк, и вдруг заметил Иномату, тоже в юката; прислонившись к стволу огромного дерева, он увлеченно читал какой-то роман. Из любопытства я подошел поближе.

Иномата оторвался от чтения и, кивнув мне, перевернул раскрытую книгу обложкой вверх. На черном корешке сверкали тисненные золотом затейливые буквы: "Trent's Last Case". E. C. Bentley *.

— Читали? Лично я перечитываю ее уже в пятый раз, даже обложка вся обтрепалась. Великолепная книга! Один из немногих шедевров...

Загнув уголок страницы, Иномата с жаром расписывал достоинства автора.

— Бентли?.. Да, что-то припоминаю. Я, кажется, тоже читал, только очень давно. Даже сюжета не помню. Но в каком-то журнале видел статью, где этот роман называли одним из лучших английских детективов.

Некоторое время мы оживленно обменивались мнениями относительно своих и зарубежных писателей, но вдруг Иномата, зная о моей профессии, с интересом спросил:

— Наверное, вы и сами знаете любопытные случаи? Я тоже увлекаюсь криминалистикой и даже собираю газетные вырезки о нашумевших процессах. Но ведь многое прошло и мимо внимания прессы... Расскажите о каком-нибудь необычном деле, оставшемся неизвестным широкой публике, — пусть из далекого прошлого...

Я уже привык, что каждый новый знакомый рано или поздно непременно просит меня об этом.

— Право, не знаю... Я, конечно, веду записи, но преступления, которыми я занимался, освещались в газетах, и вы, безусловно, читали о них...

Растерянно пожав плечами, я бросил взгляд на книгу,

* «Последнее дело Трента». Э. К. Бентли (англ.). Эдмунд Клерихью Бентли (1875—1956) — английский писатель, автор детективных романов.

которую вертел в руках Иномата, и тут в моей голове с поразительной ясностью — словно луна, вышедшая из облаков в ночь полнолуния, — всплыло воспоминание о том самом деле.

— Видите ли, не так уж часто преступление раскрывается благодаря чисто логическим построениям, а поэтому для любителей детективных романов подлинные истории не представляют особого интереса. Для сыщика куда важнее господин случай и крепкие ноги, как, например, в произведениях Крофтса*. Пожалуй, он недалек от истины. Хотя, конечно, встречаются и исключения даже в практике. Вот, скажем, пресловутое «дело об убийстве с применением серной кислоты»... Это случилось лет десять назад, в глухой провинции, а потому газеты Токио и Осаки почти ничего о той истории не писали. Случай довольно заурядный, однако само преступление отличалось невиданной изощренностью. За давностью лет я совершенно забыл о нем, но вот сейчас отчего-то вдруг вспомнил. Если вам будет не в тягость, я могу рассказать...

Иномата даже подпрыгнул.

— Разумеется! И поподробнее. Одна «серная кислота» чего стоит!..

У него, как у ребенка, заблестели глаза. Да и мне самому уже не терпелось. Я любил рассказывать увлекательные истории и в предвкушении удовольствия не заставлял просить себя дважды.

Мы побрели по заросшей травой тропинке, вившейся вдоль горного склона. Вдруг шедший впереди Иномата остановился: мы были у цели. Воистину, это было самое подходящее для такого рассказа местечко. Справа поднимался покрытый огромными деревьями крутой горный склон, слева зияла глубокая пропасть. На дне ее, сокрытом во мраке, царил мертвая тишина.

* Фримен Уиллз Крофтс (1879—1957) — английский писатель, автор детективных романов.

Чуть поодаль скала образовывала нависавший прямо над бездной каменный козырек; на этом выступе была крохотная ровная площадка.

— Идеальное место. Только здесь и слушать такие истории! Один неверный шаг — и смерть. В этом есть своя прелесть, верно? — с гордостью заключил Иномата, устраиваясь над самой бездной.

— Просто мороз по коже. Будь вы злодеем, ни за что не рискнул бы сесть рядом с вами! — Рассмеявшись, я взобрался на скалу и сел рядом с ним.

Небо заволокли тучи. Было так душно, что я весь покрылся липкой испариной, хотя жара уже спала. Прямо перед нами зловеще чернели горы; вокруг не было ни души. Даже птицы почему-то умолкли, и только рев невидимого водопада, от которого содрогалась земля, разносился окрест.

Да, пейзаж был зловеще прекрасен, и я почувствовал прилив вдохновения.

2

— Это случилось лет десять назад, осенью ...года Тайсё * в пригороде Нагои. Сейчас-то пригород от центра не отличить — такие же нарядные здания, магазины, все по-застроили. А тогда пустырей там было куда больше, чем домов. Ужасно тоскливое место... Вечерами такая темень, что хоть глаз выколи. Умные люди ходили по улицам с фонарями.

Как-то ночью местный полицейский, обходя свой участок, заметил в стоявшей на отшибе, посреди пустыря, полуразрушенной лачуге пробивавшийся сквозь закрытые

* Историческая эпоха с 1912 по 1925 г.

ставни странный красноватый ответ. Время от времени его заслоняла какая-то тень. Раз горит свет, значит, там кто-то есть. Но кто? Кому понадобился заброшенный дом? Заподозрив неладное, полицейский бесшумно подкрался поближе: через неплотно прикрытую дверь он увидел ящик из-под мандаринов, поставленный на попа; на нем горела большая свеча. Рядом стояло нечто вроде стремянки, а на переднем плане двигалась неясная человеческая фигура. Вглядевшись, полицейский понял, что предмет, который он принял в темноте за стремянку, — обычный мольберт с натянутым холстом, по которому вдохновенно водил кистью длинноволосый юноша.

Заброшенная лачуга — неподходящее место для занятий живописью. Однако факт оставался фактом — юноша явно писал с натуры. Тогда полицейский сосредоточил внимание на модели, которую столь усердно срисовывал длинноволосый юнец: предмет лежал на полу и имел сильно вытянутую форму. В темноте трудно было определить, что это такое; встав на цыпочки и вытянув шею, полицейский смог различить полосатое кимоно, но то фантастическое, кошмарное существо, которое было в него одето, никоим образом на человека не походило.

Полицейский потом говорил, что это напоминало перезревший, растрескавшийся от спелости плод граната; должен сказать, что и я, увидев «гранат», не мог не признать удивительной точности образа.

Итак, в темной лачуге на полу валялся огромный растрескавшийся гранат, облаченный в полосатое кимоно. Вы, конечно, уже догадались: полицейский обнаружил чудовищно изувеченного, окровавленного человека, в котором не осталось почти ничего человеческого. Поначалу малый вообразил, что это — натурщик в причудливом гриме, ибо художник казался совершенно спокойным и работал с радостным вдохновением. Ну и шуточки у студента, подумал

дежурный. Да, поразительный маскарад... Чтобы рассеять собственные сомнения, полицейский шагнул в открытую дверь. Станный юноша не выказал при его появлении ни удивления, ни растерянности, но разразился яростной бранью, словно полицейский помешал ему заниматься весьма важным делом.

Полицейский, отодвинув бесновавшегося художника, пошел к ящику из-под мандаринов и склонился над существом в кимоно. Теперь было ясно, что это не грим. Человек не дышал, пульс не прощупывался. Лицо его являло столь жуткое зрелище, что больно было смотреть.

Полицейский быстренько сообразил, что это и есть перст долгожданной судьбы, и, шалея от привалившего счастья, без дальнейших расспросов поволок упиравшегося юнца в ближайшую полицейскую будку. Оттуда он позвонил в участок и попал как раз на меня: в то время я служил еще в Нагое, простым сыщиком.

Сигнал поступил в начале десятого. Кроме ночных дежурных, все уже разошлись по домам, так что понадобилось довольно много времени и усилий, чтобы уладить формальности: связавшись с прокуратурой и полицейским управлением префектуры, шеф сам отправился на место преступления. Я и еще один пожилой бывалый агент сопровождали его.

По заключению полицейского врача, убитый был крепкий здоровый мужчина лет тридцати пяти, невысокого роста и средней упитанности. Рубашки покойный не носил; поверх длинного нижнего кимоно было надето темное авасэ *, перепоясанное шелковым оби в белую крапинку. Одежда была чрезвычайно поношенной, так что владелец ее не производил впечатления человека состоятельного. Запястья убитого крепко стягивала соломенная веревка, но, видимо, он оказывал отчаянное сопротивление, потому что на коже обеих рук остались глубокие ссадины. Без

* Кимоно на легкой подкладке.

сомнения, драка была жестокой. Однако никто ничего не услышал, потому что, как я уже говорил, лачуга стояла совсем на отшибе, посреди пустыря. Итак, жертву связали по рукам и ногам и плеснули в лицо чем-то едким. Я и сейчас отчетливо помню это жуткое зрелище. Можно, конечно, добавить еще немало кошмарных подробностей, но... Я вижу, вам и так неприятно. Не будем углубляться в детали. Короче говоря, Смерть наступила не от ожога. Если обжечь только лицо, исход чаще всего не будет летальным. Врач внимательно осмотрел труп, но, кроме царапин, не опасных для жизни, следов насилия не обнаружил — ни колотых ран, ни следов удушения.

Страшную истину обнаружил приглашенный эксперт: — Преступник стремился не просто изуродовать жертву. Ожог лица — сопутствующая травма. Взгляните на слизистую рта... — Он отвернул пинцетом губу покойного: слизистая оболочка была обожжена значительно сильнее, чем кожа лица, и являла собой сплошное кровавое месиво. — Видимо, кислота случайно выплеснулась из рта, но поскольку она уже впиталась в покрытие пола, я не могу утверждать это с полной определенностью. Кислота вряд ли успела достигнуть желудка, однако не вызывает сомнения, что преступник пытался заставить жертву выпить смертельную жидкость. Связал по рукам и ногам, левой рукой зажал нос — и... Да, все было скорее всего именно так.

Мы содрогнулись от ужаса. Однако предположение это представлялось самым логичным.

На другой день труп послали на вскрытие, лишь подтвердившее первоначальную версию. Сделать такое мог только маньяк, настоящий безумец. Сколь же безграничны были злоба и ненависть, если убийца возжелал не просто смерти, но и нечеловеческих мук своей жертвы! Точное время убийства установить не удалось, однако эксперт полагал, что смерть наступила в тот самый вечер, между

шестнадцатью и восемнадцатью часами.

В общих чертах способ убийства стал понятен, но относительно личности пострадавшего и преступника, а также мотивов убийства ясности не было никакой.

Разумеется, длинноволосого художника сразу же допросили, однако он упрямо отрицал свою причастность к убийству и твердил, что знать ничего не знает. В общем, толку мы от него не добились.

Звали его Акати, он снимал комнату неподалеку и учился в частном художественном училище.

— Почему же ты сразу не сообщил в полицию? — спросили мы у него. — Ведь твое поведение не может не вызывать подозрений. Как ты мог с таким хладнокровием рисовать чудовищный труп? У тебя даже алиби нет. Чем ты докажешь свою невиновность?

Сумбурный ответ Акати сводился к следующему.

Его с давних пор неудержимо притягивал этот заброшенный дом, полный, казалось, таинственных призраков, и он не раз навещал туда. Замок с дверей был давно сорван — заходи кто хочешь. Ему нравилось просто сидеть в темноте, предаваясь фантазиям. Вот и в тот вечер он, ничего не подозревая, отправился в лачугу, но у входа сразу же споткнулся обо что-то лежавшее на полу. Уже совсем стемнело, и он, чиркнув спичкой, поднес к таинственному предмету колеблющийся язычок пламени. Много лет он мечтал о подобной удаче: из мрака возник ярко-алый кровавый цветок ослепительной красоты. Студент буквально обезумел от счастья. Какая модель! Он бросился домой, собрал мольберт, краски и кисти и, прихватив свечу, помчался назад, в лачугу. До той минуты, пока не явился этот противный балбес полицейский, он как одержимый писал с натуры...

Акати говорил сбивчиво, с лихорадочным пылом и смахивал на бесноватого. Вряд ли он понимал, что говорит. Во всяком случае, подходить к нему с обычными мерками

мы не могли; лицо студента было на редкость искренним, даже наивным, но никто бы не поручился, что он не лжет. Когда человек способен с такой невозмутимостью рисовать окровавленный труп, он вполне может с равным спокойствием совершить и самое тяжкое преступление. Такая мысль пришла в голову всем без исключения. Особенно настаивал на виновности Акати сам начальник участка. Студента нельзя отпускать домой, его следует посадить в камеру предварительного заключения, считал он.

Прошло два дня. Мы словно ищейки обнюхали и обшарили каждый сантиметр пола лачуги и участка вокруг нее, но, как это нередко описывают в детективных романах, не нашли ничего, ни единой улики — ни сосуда из-под кислоты, ни отпечатков пальцев, ни следов ног. Мы опросили окрестных жителей — но самый ближайший дом отстоял от лачуги на полкилометра. Так что и это не дало искомого результата. Мало того, чем дольше мы допрашивали главного подозреваемого, тем бессвязнее и безумнее становились его речи. Но самым щекотливым моментом было то, что о пострадавшем мы по-прежнему ничего не знали. Как я уже говорил, изуродованное лицо напоминало растрескавшийся гранат с обнажившейся алой мякотью — так что черты его стали совершенно неразличимы, а на теле особых примет не имелось; единственную надежду мы возлагали на его авасэ.

Первым делом мы вызвали хозяина парикмахерской, у которого проживал Акати, и показали ему кимоно — однако он только плечами пожал. Соседи тоже не смогли сказать ничего определенного, и следствие зашло в тупик.

Однако дня через два самым неожиданным образом все прояснилось. Убитый оказался разорившимся владельцем процветавшей ранее фирмы.

...Далее все пойдет как в настоящем детективном романе.

В тот вечер у нас проводилось рабочее совещание и я держался в участке допоздна. В восемь часов раздался телефонный звонок. Звонила некая Кинуё Танимура. «Мне нужно срочно переговорить с вами об одном деле, — сказала она. — Не могли бы вы заглянуть ко мне? Это связано с убийством при помощи серной кислоты... Только, прошу вас, никому пока ничего не говорите. Умоляю, поторопитесь!»

Голос в трубке был встревоженный, срывающийся. Я понял, что женщина чем-то взволнована.

Может быть, вы слыхали о кондитерском магазине «Танимура», торговавшем знаменитыми «барсучьими мандзю» *, которыми издревле славится Нагоя? Это старинная, очень известная фирма. В Нагое магазин «Танимура» знает каждый ребенок.

Что ни говори, чудное название для пирожков с фасолевой начинкой, однако с ним связана долгая история, уводящая в далекие времена, да и горожане настолько привыкли к нему, что уже не задумывались над смыслом... Я был на дружеской ноге с тогдашним хозяином заведения — Манъуэмоном. Манъуэмон — старинное родовое имя семьи Танимура, передававшееся из поколения в поколение, и хотя сразу же воображаешь себе дряхлого, немощного старика, тот Манъуэмон был мужчина в расцвете лет, блестяще образованный, с острым, гибким умом. Я очень любил читать, и мы частенько беседовали о книгах, но особенно жаркие споры разгорались у нас вокруг вопросов теории детективного жанра... Так вот, эта Кинуё Танимура была молодой и красивой женой Манъуэмона.

Само собой, я не мог оставить ее звонок без ответа. Измыслив какой-то пустяковый предлог, я ушел с совещания и помчался в дом Танимуры. Кондитерская располагалась на центральной улице Нагои в старинном, напо-

* Пирожки с фасолевой начинкой.

минавшем амбар здании и являлась своего рода достопримечательностью города, но жила семья Танимура в пригороде, далеко от магазина. Пока я бежал от полицейского участка по неосвещенным улицам, неожиданно мне в голову пришла мысль, что от лачуги, где произошло убийство, до дома Танимуры просто рукой подать. Мое открытие наполнило новым смыслом наш разговор с Кинуё Танимурой.

Дверь мне открыла сама Кинуё-сан, и я не смог скрыть своего изумления: обычно розовое лицо было бледным до синевы; ее была нервная дрожь, а увидев меня, она дала волю слезам. Кинуё-сан уповала на нашу встречу, как на спасительную соломинку. Из ее сбивчивых объяснений постепенно удалось понять следующее.

Муж — то есть Манъуэмон Танимура — пропал без вести. Это случилось наутро после убийства. В тот день Манъуэмон сел на первый же поезд, отправлявшийся часов в пять утра, и срочно выехал в Токио — чтобы обговорить детали создания нового акционерного общества с директором сахарорафинадной токийской фирмы М. В ту пору экспрессы еще не ходили, и, чтобы попасть в Токио к обеду, нужно было выехать затемно. Должен сразу оговориться, что ночь перед отъездом Манъуэмон провел дома, вместе с Кинуё-сан. Весь предыдущий день он готовил документацию и засиделся за работой у себя в кабинете допоздна...

Итак, он уехал. Однако вечером Кинуё-сан позвонили из Токио, от фирмы М., справиться, выехал ли ее супруг, так как в назначенный час он не явился, и спросили, что случилось. Дело не терпело отлагательств, в фирме Танимуру ждали, и Кинуё изумленно ответила, что муж выехал в Токио первым утренним поездом и не собирался никуда заезжать по пути. Но служащий фирмы возразил, что в их гостинице господин Танимура не появлялся, в другой отель он вряд ли поехал, так что все крайне странно...

На этом телефонная связь неожиданно оборвалась.

Весь следующий день, то есть до самого моего прихода, Кинуё куда только не звонила — в фирму М., в отели, друзьям, клиентам в Сидзуоке, словом, куда только можно, но никто ничего сказать ей не мог. И вот уже двое суток нет никаких вестей. Если бы не тот ужасный случай, она бы не особенно беспокоилась, но... Ведь это произошло как раз накануне, и ей как-то не по себе...

Кинуё-сан явно что-то недоговаривала.

«Ужасный случай» — конечно же, убийство с применением кислоты. Выходит, Кинуё-сан может знать, кто убитый? Я осторожно осведомился об этом и получил неожиданно четкий ответ:

— Разумеется. Я сразу же догадалась, как только раскрыла вечерний выпуск газеты. Но мне стало так страшно, что я не решилась сообщить в полицию...

— Кто он? — нетерпеливо спросил я. — Кто убитый?

— Видите ли, это один наш старинный конкурент... — Кинуё-сан замялась. — Владелец кондитерской, Соити Котоно. В газетах писали, как он одет, так что... Но у меня есть еще более веское доказательство.

И тут я все понял. Кинуё-сан не сообщила в полицию о личности пострадавшего и не заявила об исчезновении мужа по одной и той же причине: ее терзало ужасное подозрение.

В то время в Нагое были две конкурирующие кондитерские, производившие одинаковую продукцию — пресловутые «барсучьи мандзю»; кондитерские стояли бок о бок на центральной улице Т. Одна принадлежала моему приятелю Танимуре — мужу Кинуё-сан, другая — убитому, Соити Котоно. Обе фирмы существовали более века, и вражда их тянулась со стародавних времен, на протяжении нескольких поколений; которое из семейств основало дело, не знал даже я, во всяком случае, и в том и в другом магазине над входом висели золоченые вывески: «Настоя-

щие «барсучьи мандзю», и каждая фирма отстаивала свое право на первенство. Вряд ли нужно говорить, что соперничество их протекало не всегда мирно. Вражда принимала порой такие масштабы и формы, что и по сей день живы предания о «пирожковой» войне. Люди Котоно скрытно проникали в кондитерскую Танимуры и подсыпали песок в его мандзю, клан Танимура заказывал в храмах молебны о разорении Котоно. В городе временами происходили настоящие битвы, во время которых кровь лилась рекой, предки Манъуэмона, как самураи, обнажали мечи против предков Соити Котоно... В общем, всего не расскажешь, но ненависть, взращенная поколениями, горела в крови Манъуэмона и Соити. Дело уже не ограничивалось пирожками.

В детстве они ходили в одну и ту же школу, хотя учились в разных классах; стоило им столкнуться по дороге или на школьном дворе, как начиналась ожесточенная драка, нередко до крови. В разные годы их жизни вражда принимала различные формы, но не угасала, и по суровым законам кармы им суждено было противоборствовать даже в любви. Танимура и Котоно боролись за сердце одной и той же красавицы. После многих перипетий сердце ее склонилось к Манъуэмону, так что битву на сей раз выиграл род Танимура, и три года назад сыграли пышную свадьбу. Невесту звали Кинуё-сан.

Поражение это стало началом конца дома Котоно. Соити без памяти любил Кинуё-сан; впав в отчаяние, он совершенно забросил дела и сделался завсегдаем веселых кварталов. Его все больше теснили другие крупные фирмы, дела у него шли из рук вон плохо, и вскоре кондитерская, принадлежавшая его роду еще со времен Токугава *, перешла к другому хозяину.

К этому времени Котоно утратил обоих родителей; после краха любовных иллюзий он так и остался бобылем, а потому и детей у него не было; потеряв кондитерскую,

* Дом Токугава правил Японией в период позднего феодализма (1603—1868 гг.).

Соити влачил поистине жалкое существование, преодоляясь подаяниями родственников. С некоторых пор он стал заниматься и вовсе постыдным и недостойным делом: начал ходить по знакомым, вымаливая подачки; зачастил он и к своему бывшему недругу Танимуре — задарма угоститься. Танимура-сан поначалу привечал поверженного соперника, приползавшего поджав хвост, как побитый пес, и, стараясь не показать своих истинных чувств, принимал его словно лучшего друга. Между тем Соити ходил к нему с тайной целью — взглянуть на прекрасное лицо Кинуё-сан, услышать ее голосок. Кинуё-сан не раз умоляла мужа отказать Соити от дома и без конца твердила, что ей страшно. Однажды между Соити и Манъуэмоном произошла ожесточенная ссора. С той поры Соити прекратил свои посещения, но вскоре по городу поползли грязные сплетни о неверности Кинуё-сан, причем соблазнителем неизменно выступал именно Соити.

Сплетни сплетнями, но если слушать их каждый день, поневоле поверишь; вот и в сердце Манъуэмона закралось сомнение. Моя жена была очень близка с Кинуё-сан, женщины частенько заходили друг к другу, и, естественно, жена была в курсе всех дел. Между супругами Танимура участились тяжелые сцены, нередко доходившие до скандала, и жена не раз говорила, что ей жаль Кинуё-сан.

Ненависть, унаследованная от предков, все сильнее разгоралась в, обоих соперниках.

И вот Соити прислал Манъуэмону злобное, полное угроз и проклятий письмо. Манъуэмон вообще-то отличался уравновешенностью и благоразумием, но временами словно сам дьявол вселялся в него. Должно быть, в нем оживал боевой дух его предков, любивших сражения. Убийство произошло именно тогда, когда их вражда достигла высшей точки накала. Наутро после зверского убийства Соити Манъуэмон садится в поезд и исчезает в неизвестном направлении!.. Да, у Кинуё-сан были все основания трепетать

от страха. Однако, возвращаясь к теме повествования, напомним, что Кинуё-сан обмолвилась о каком-то веском доказательстве. Так вот, она извлекла из-за obi маленький, сложенный в несколько раз листочек бумаги и, развернув, протянула мне. Это было письмо.

Написанное... Нет, числа я сейчас не припомню, знаю только, что это был день накануне убийства. Письмо гласило: *«Жду в заброшенном доме на улице S. (Видимо, адресату было известно то место.) Мы должны положить конец разногласиям. Надеюсь, что малодушие не помешает тебе прийти»*. Стиль письма отличался напыщенностью и церемонностью, а отправителем был не кто иной, как сам Соити: в конце записки стояла марка их фирмы — иероглиф в кружочке.

— Ваш супруг ходил к нему на свидание? — спросил я.

В бешенстве Манъуэмон был способен на любое безумие.

— Даже не знаю, что и сказать... Распечатав письмо, он переменялся в лице, ну, вы его знаете... Когда Манъуэмон в ярости, лицо у него начинает подергиваться. Я поняла, что этого свидания допустить нельзя, и на коленях заклинала не обращать внимания на сумасшедшего...

Кинуё-сан со слезами просила супруга не встречаться с Соити Котоно, и Манъуэмон, как я уже говорил, просидел, запершись, у себя в кабинете с обеда до поздней ночи, готовя бумаги для совещания в Токио. Кинуё-сан успокоилась. Однако Манъуэмон не имел привычки уходить из дому, не сказавшись жене, и сам факт его исчезновения вполне увязывался с трагическим происшествием.

Дело в том, что кабинет имел выход на задний двор, и можно было, спустившись с низкой веранды, незамеченным выйти через калитку. Если допустить подобное страшное предположение, то Манъуэмон, ускользнув из дому, за несколько минут добежал до пустой лачуги и, сделал черное дело, как ни в чем не бывало вскоре вернулся к себе. Во всяком случае, осуществить это было легко.

...Предположить, что Манъуэмон отправился на свидание с намерением убить Соити, — нет, это было решительно невозможно. Перечеркнуть свою жизнь, пожертвовать всем — славным именем, фирмой, прелестной женой — только затем, чтобы добить поверженного противника? Если Манъуэмон и пошел туда, то лишь для того, чтоб выбрать Соити за недостойное поведение. Однако Соити, возненавидевший весь мир, мог замыслить любую подлость. И когда он вынул сосуд с кислотой, чтобы облить Манъуэмона... Что ж, последствия нетрудно себе представить.

Для Котоно Манъуэмон был врагом, отнявшим возлюбленную, и ненависть его превосходила все границы. Изуродовав соперника кислотой, он убивал сразу двух зайцев. Тогда бы мучился не только сам Танимура: и прекрасная Кинуё была бы обречена страдать до конца дней своих рядом с калеккой мужем. Превосходная месть! И если Манъуэмон разгадал гнусный замысел — совладал ли он с собственной яростью? Не подавила ли голос разума ненависть, унаследованная от предков?

Кинуё-сан, не сомкнув глаз, рисовала себе чудовищные картины. Не в силах вытерпеть этого ужаса, она позвонила мне.

— Вам, вероятно, неизвестен тот факт, что убийца не просто облил кислотой покойного — он пытался заставить свою жертву выпить ее... В старые времена преступникам лили в открытые раны расплавленный свинец. Так вот, жестокость этого убийства может сравниться лишь со средневековыми пытками. Неужели ваш муж способен на такое? — спросил я ее.

Я задал вопрос без всякого умысла, но Кинуё-сан бросила на меня неприязненный взгляд и покраснела. Я тотчас же догадался: в известном отношении Манъуэмон действительно отличался чрезвычайной жестокостью. Незадолго до этого моя жена ездила вместе с Кинуё-сан на источники и там невольно заметила, что все тело подру-

ги покрывают странные багровые рубцы. Кинуё-сан никому ничего не рассказывала, но моей жене открылась. Видимо, теперь она вспомнила именно это — а потому залилась румянцем.

Однако я сделал вид, что ничего не понял, и попытался успокоить ее:

— Не стоит так волноваться, да еще раньше времени. Ну разве можно без причины себя изводить? Ведь прошло всего только два дня. И потом, на месте преступления схвачен и арестован некий Акати. Пока он не представит убедительного алиби, подозрений в убийстве с него не снимут...

Я еще долго уговаривал Кинуё-сан, но она все-таки до конца не поверила мне. Мы решили притвориться, что я ничего не знаю, и выждать несколько дней. Может быть, за это время Танимура-сан и найдется. Конечно, я не смогу скрыть имени пострадавшего, но тревожиться нечего: я представлю все так, будто выяснил это совсем из других источников...

На этом мы и расстались в тот вечер. Я намеревался еще навестить в тот дом, где снимал убогую комнатуху Соити Котоно, однако все обернулось иначе.

Вернувшись в участок, я сразу понял: за время моего отсутствия что-то случилось. Помощник инспектора Сайто — он считался тогда самым лучшим сыщиком в префектуре — хлопнул меня по плечу:

— Ну вот, теперь мы знаем, кто пострадавший!

Оказалось, стоило мне уйти, как в участок явились двое кондитеров и попросили показать им кимоно, бывшее на убитом. По счастью, его еще не отослали. Кондитеры многозначительно переглянулись: убитый — конечно же, Соити Котоно, бывший хозяин кондитерской, торговавшей «барсучьими мандзю», заявили они. Это авасэ из чесучи сшито по особому заказу несколько лет назад, когда фирма Котоно еще процветала; второго такого не сыщешь во

всей Нагое. Совсем недавно он заходил к ним в этом авасэ — теперь уж единственном своем приличном наряде, — так что сомнений не остается.

Послали к Котоно на квартиру, но там, как и следовало ожидать, ответили, что тот еще позавчера куда-то ушел и пока не вернулся. Да, все сходилось. Убитый — Соити Котоно. Зловещие опасения Кинуё-сан оправдались — во всяком случае, относительно первого пункта. И я не мог прогнать дурного предчувствия, что они сбудутся и в остальном.

— Если пострадавший — Соити Котоно, значит, мы должны допросить владельца второй кондитерской, выпекающей «барсучьи мандзю». Всем известно, что они — заклятые враги. Верно, верно, того кондитера зовут Танимура! Ты ведь, кажется, знаком с ним? Может быть, и займешься? — неожиданно спросил меня Сайто.

Я обомлел.

— Я... Мне... — только и смог выдавить я.

— Впрочем, в подобных делах личные связи — только помеха. Ладно, я сам займусь Танимурой. Попробуем раскусить этот крепкий орешек! — И Сайто облизнул губы.

4

Сайто не зря считался лучшим сыщиком префектуры. Я и глазом моргнуть не успел, он уже выяснил всю подноготную: к вечеру помощник инспектора знал, что Танимура бесследно исчез, а на следующий день наведаясь в дом Манъуэмона, побывал у его друзей и других кондитеров и вынюхал все подробности, о которых я слышал от Кинуё-сан. Он узнал даже больше, и эти новые сведения с устрашающей убедительностью доказали, что Манъуэмон Танимура — убийца. Я уже говорил, что Танимура хотел осно-

114

вать акционерное общество, но, строго говоря, затея его существенно отличалась от обычной подписки на акции. Городские кондитеры, пытаясь противостоять проникновению на рынок разорявших их новых кондитерских фирм, вложили деньги в строительство крупной фабрики. После образования акционерного общества директором должен был стать Танимура. Для покупки земли собрали пятьдесят тысяч иен (по нынешним деньгам — огромная сумма в двести тысяч) и вручили их на хранение Танимуре. Тот говорил, что временно положил деньги на текущий счет в банке. Теперь послали к Кинуё-сан за банковской книжкой, и та сказала, что книжка должна храниться в кабинете у мужа, в маленьком сейфе. Сейф вскрыли, но обнаружили только другую книжку — с мелким вкладом, нужной книжки на пятьдесят тысяч иен в сейфе не оказалось. Тогда запросили банк, и выяснилось, что деньги были сняты со счета как раз наутро после убийства, сразу же после открытия банка. Предъявитель выполнил все формальности, после чего ему выдали деньги. Кассир не знал Танимуру в лицо, а потому не мог утверждать, что это он приходил за деньгами. Однако сам факт, что Танимура солгал — он не выехал в Токио утренним поездом, а находился в Нагое до открытия банка, — говорил сам за себя. Да и не только это: многое свидетельствовало, что преступник — именно Танимура.

Даже если он совершил убийство в состоянии крайнего возбуждения, все равно перед ним маячил страшный призрак эшафота. И совершенно естественно, что он решил бежать. Но для бегства необходимы деньги. При деньгах преступнику легче ускользнуть из сетей правосудия. Я-то думал, что Манъуэмон, совершив преступление, с невинным лицом вернулся домой лишь для того, чтобы сказать «прощай» Кинуё-сан. Оказалось, он преследовал куда более важную цель — взять книжку из сейфа! Как рассказывала моей жене Кинуё-сан, в ту ночь — то есть сразу после

убийства — муж вел себя странно. Он не мог оторваться от Кинуё-сан, словно расставался с ней навеки, шептал ей ласковые слова, на которые был так скуп в последнее время, и то хохотал как безумный, то рыдал у нее на плече. Вы, верно, помните, что любовные ласки Манъуэмона носили обычно иной характер... Кинуё-сан тогда не придавала значения его странному поведению, но теперь эти подробности приобретали особый смысл: да, Манъуэмон прощался с привычной жизнью.

Виновность Манъуэмона уже ни у кого не вызывала сомнений, к тому же прошло более десяти дней, а от него по-прежнему не было никаких известий. Разумеется, мы разослали его словесный портрет по всем полицейским участкам, но безрезультатно: Танимура как в воду канул. Студента Акати освободили. Участь его была достойна всяческой жалости: впоследствии он окончательно повредился в рассудке и угодил в лечебницу для умалишенных.

Вот так случилось, что обе старинные фирмы, издавна торговавшие мандзю, прекратили существование словно по воле недоброго рока. Печальный итог... Я от души сочувствовал Кинуё-сан. Когда съехались родственники проверить дела, то оказалось, что Танимура не зря беспокоился о создании акционерного общества: его «процветавшая» фирма была на грани банкротства, и Кинуё-сан оказалась без средств. Магазин был заложен-перезаложен, дом и участок тоже; несколько комодов и с десятков сложенных в них кимоно — вот и все, что получила Кинуё-сан. Ей оставалось только вернуться в родительский дом приживалкой.

Дело было практически закрыто. Во всяком случае, так думали все. Но неожиданно следствие закрутилось в другом направлении. Оказалось, преступник придумал изощреннейший трюк. Весь фокус был в отпечатках пальцев.

Удивительно, как один-единственный отпечаток может разрушить всю стройную версию! Позвольте похвастаться:

обнаружил хитрость преступника ваш покорный слуга. По одному отпечатку я изобличил убийцу, за что удостоился похвалы самого начальника управления.

Это случилось спустя полмесяца после убийства. Кинуё-сан уже готовилась к отъезду. Я пришел, когда она, дав указания служанкам, наводила порядок в доме. Помогая ей, я зашел в кабинет Танимуры, и вдруг взгляд мой случайно скользнул по Лежавшему на столе дневнику. Без сомнения, он принадлежал Манъуэмону. Где-то сейчас сам хозяин? — подумал я. Наверное, раскаивается в содеянном, да уже ничего не поделаешь... В сильнейшем волнении я перелистал записи от последней страницы к началу. В них не было ничего необычного: рядовые заметки, и лишь кое-где попадались проклятья в адрес Соити Котоно. Но вот, перевернув очередную страницу, я насто-рожился: на чистых, не испещренных иероглифами полях отчетливо отпечатались палец. Видно, Манъуэмон не заметил, что испачкал его в чернилах, и, перелистывая страницу, случайно оставил след. Сначала я взирал на отпечаток довольно рассеянно, но вдруг... Мне показалось, что земля разверзлась у меня под ногами. Стало трудно дышать.

Кинуё-сан встревоженно спросила, что произошло.

— Это... Это... — запинаясь, я показал на отпечаток большого пальца. — Это рука вашего мужа? Вы в этом абсолютно уверены? — настойчиво спрашивал я ее.

— Да... Конечно... — Кинуё-сан растерялась. — Муж и близко никого не подпускал к своему дневнику.

— Тогда принесите мне какую-нибудь вещицу, которой пользовался ваш супруг. Ну, скажем, лаковую шкатулку. Или что-нибудь из серебра. Видите ли, мне нужны отпечатки его пальцев...

— Из серебра?.. Ну разве что портсигар... Больше ничего такого у нас нет.

Кинуё-сан смотрела на меня изумленными глазами.

Я осмотрел портсигар: поверхность его была идеально

чистой, словно ее нарочно протерли до блеска. Но, открыв крышку, я заметил на внутренней стороне, на блестящем металле, несколько отпечатков, полностью совпадавших с тем, в дневнике.

...Я читаю иронию в вашем взгляде: мол, как это он мог так сразу определить их идентичность? Вы забываете, что у криминалистов тренированный глаз: мы и без лупы легко различаем линии папилляров. Но на сей раз я для верности вынул из стола увеличительное стекло и убедился, что не ошибся.

— Кинуё-сан, это ужасно, но... Присядьте, пожалуйста. Я хочу кое о чем вас спросить. Мне нужно, чтобы вы вспомнили все хорошенько...

Я едва сдерживался. Видимо, Кинуё-сан передалось мое волнение, потому что она побелела как мел и, вся дрожа, села рядом.

— Вспомните, Кинуё-сан... Подумайте, прежде чем отвечать. В тот вечер — накануне отъезда — ваш муж ужинал дома, так вы сказали? Опишите все по порядку, не пропуская подробностей.

— Да не было никаких особых подробностей. Даже не знаю, что и сказать... — пожала плечами Кинуё-сан.

По ее словам, тот памятный день муж провел у себя, работая как одержимый. Ужин она подала ему в кабинет, но не прислуживала за столом, а, задвинув фусума, возвратилась в гостиную. Выждав немного, она снова зашла в кабинет, за подносом. Все время они молчали, не обменялись ни словом. Это было в обычной манере Манъуэмона: когда он работал — читал или писал что-нибудь, — никто не решался входить в кабинет, даже чай он кипятил себе сам, на жаровне. Что ни говори, привычки у Манъуэмона были артистические.

— Ну, а его поведение... Он что-нибудь говорил вам?

— Нет... Ничего. Когда муж работает, он ужасно сердится, если я пристаю к нему с разговорами, и я не реши-

лась его тревожить. Молча подала еду, а он даже не обернулся...

— Вот как. Тогда... Извините меня за нескромный вопрос, но это крайне важно... Когда ваш муж пришел наконец в спальню... Скажите, каким он был с вами в ту ночь?

Кинуё-сан залилась краской до самых волос — она вообще краснела из-за каждого пустяка. В такие минуты она удивительно хорошела. Ее прелестное лицо и сейчас стоит у меня перед глазами...

Кинуё-сан колебалась, но я настаивал, и ей пришлось отвечать.

— В тот вечер он пришел очень поздно... Я уже задремала. Да, это было около часу ночи.

— Скажите, в спальне горела лампа?

— Нет, я всегда гашу ее на ночь. Свет из коридора просачивается сквозь сёдзи, так что не очень темно.

— Муж о чем-нибудь говорил с вами в постели? О домашних делах, о жизни...

— Нет, пожалуй, нет. То, что было, и разговором-то назвать нельзя...

— Проснулся он, когда еще не было четырех. Вы помните это?

— Нет, я спала и не заметила, как он поднялся. А потом что-то случилось с лампой, и муж одевался при свете свечи в туалетной комнате. Я не слышала ничего до последней минуты. Затем приехал рикша, с которым муж условился с вечера, и мы со служанкой вышли в прихожую проводить его.

...Я передаю этот диалог в подробностях отнюдь не для красного словца. Просто так легче поймать нить. Но, чтобы вам не наскучил рассказ, изложу остаток беседы вкратце. Вы, вероятно, пока не догадываетесь, чего я добивался от Кинуё-сан...

Итак, в то утро Маньюэмон ушел из дому не позавтра-

кав. Ночи осенью темные, и в четыре утра не видно ни зги.

...Меня трясло, ладони вспотели, но я продолжал допрашивать Кинуё-сан, испытывая при этом азарт игрока. Подтвердятся или нет мои подозрения?

— Итак, с вечера и до утра вы так и не видели лица вашего мужа и голоса его почти не слышали, верно?

Кинуё-сан оторопело взглянула на меня, пытаясь постигнуть смысл вопроса. Через мгновение лицо ее исказилось. На нем был написан такой безграничный ужас, словно она увидела привидение.

— Что вы хотите сказать? Что это значит? Ну не томите меня, скажите же наконец!

— Вы уверены, что это действительно был ваш муж? Ведь вы толком его и не рассмотрели. А он молчал. С вечера и до утра! Вдумайтесь хорошенько. Неужели супруг не сказал бы вам за все это время хотя бы словечко? Ведь должен же он был дать какие-нибудь указания перед отъездом!

— В самом деле... Еще ни разу такого с ним не случилось... Что же это такое? Нет, я просто с ума схожу... Говорите же, говорите всю правду!

Думаю, вы можете вообразить себе ужас и изумление Кинуё-сан в ту минуту. Я не решился сказать ей впрямую, и сама она не стала затрагивать эту тему, но ведь если в ту ночь рядом с ней оказался не Танимура, значит, Кинуё-сан совершила грехопадение. Насколько я знал от своей жены, Манъуэмон вел себя в ночь убийства не так, как всегда. Он то смеялся, то плакал, и горячие слезы заливали лицо Кинуё-сан. Прежде я думал, что причина столь необычного поведения — раскаяние и тоска перед вечной разлукой. Но если то был не Манъуэмон Танимура, то безумные ласки, смех и рыдания обретали иное значение...

Возможна ль такая нелепица? — спросите вы. Но выдающиеся злодеи всегда делали то, что вообразить себе почти невозможно.

...Положение Кинуё-сан было плачевным. Ведь она же не виновата, что обозналась. Сама мысль о подобном была за гранью возможного. Удивительно, психика человека столь же подчинена закону инерции, сколь и бездушные вещи. Если преступник неотличим со спины от жертвы, то и Кинуё могла легко принять его за собственного супруга. И пока не возникли особые обстоятельства... Впрочем, обстоятельства эти имели место, но тем не менее Кинуё-сан осознала свою ошибку только теперь. Невозможно в это поверить, но она приняла сидевшего в кабинете убийцу за Танимуру, и все последующие события — сцена в постели, расставание — происходили под знаком этого заблуждения. Злодей действовал осторожно, он предусмотрел все до мелочей — даже поломку лампы. Как рассказала Кинуё-сан, потом приходил монтер и проверил линию, но все оказалось в порядке; тогда он открыл щиток, и обнаружилось, что кто-то просто отключил электричество. Без сомнения, преступник сделал это, когда весь дом погрузился в сон. Он правильно рассчитал: кому придет в голову открывать щиток в суматохе отъезда?

— Но... Но если не муж... то кто же тогда? — со страхом спросила Кинуё-сан, едва сдерживая рыдания.

— Если я прав — а я безусловно прав, — с вами был Соити Котоно.

При этих словах красивое личико Кинуё-сан исказилось, как у маленькой девочки, которая вот-вот разревется.

— Нет! Не может быть! Что вы несете?! Такое в кошмарном сне не приснится. Его же убили вечером того дня! — твердила Кинуё-сан, пытаясь отмахнуться от чудовищной правды.

— Увы! Мне больно говорить вам об этом, но убили не Соити — а вашего мужа. И убил его именно Котоно, а потом надел на него свое авасэ.

Я должен был сказать ей всю правду. На Кинуё-сан невозможно было смотреть без слез. Пока муж считался

пропавшим без вести, у нее еще оставалась надежда, что Манъуэмон жив и, быть может, они когда-нибудь встретятся. Но Танимура погиб — это его труп с изуродованным лицом нашли в заброшенном доме, — и вместе с радостью от того, что злодеем все-таки был не ее Манъуэмон, сердце Кинуё пронзила острая боль утраты. Хуже всего было то, что она провела ночь с этим оборотнем, с заклятым врагом, которого Манъуэмон ненавидел, как ядовитую гадину... Со злодеем, что убил ее мужа, влив ему в рот серную кислоту! Это невозможно было перенести!

— Нет, я не верю. Чем вы докажете? Ну, говорите!.. Я ко всему готова, — едва слышно прошептала Кинуё-сан бескровными губами.

— Мне очень жаль, но доказательство у меня непроверяемое. Отпечатки, оставленные в дневнике и на крышке серебряной табакерки, бесспорно, принадлежат вашему мужу. Точно такие же отпечатки мы сняли у трупа, обнаруженного в заброшенном доме...

Отпечатки пальцев, снятые у трупа, я исследовал по гамбургскому методу *, и отчетливо помнил каждую линию. Мало того, у убитого на большом пальце оказался маленький шрамик. Невозможно, чтоб у двоих людей был одинаковый кожный узор с одинаковым шрамом. Это доказывает, что убитый не Соити Котоно, а Манъуэмон Танимура. Тщательная экспертиза подтвердила впоследствии полную идентичность отпечатков...

Разумеется, я сразу же доложил начальству о своем открытии, и это направило следствие по новому руслу. Нечего и говорить, какой поднялся шум. Я тогда был очень молод, и, конечно же, успех совершенно вскружил мне го-

* Имеется в виду предложенная в начале XX в. директором гамбургской полиции Рошером как модификация классического метода Гальтона — Гелери система десятипальцевой дактилоскопической классификации (с применением регистрационной формулы, строящейся на десяти признаках). Метод Рошера, первоначально введенный в Гамбурге, был принят затем в Японии.

лову... Вы вправе посмеяться над моей недогадливостью: как такая простая истина не пришла мне в голову сразу? Как я мог не понять, что не случайно преступник изуродовал жертву до неузнаваемости?

Скажу, что подобные мысли возникали в процессе расследования и у полиции, и у прокуратуры. Однако преступник был очень хитер. Он сыграл с нами скверную шутку. Я имею в виду Кинуё-сан. Обманув несчастную женщину, злодей сумел убедить всех, что в ночь убийства, по крайней мере до самого утра, Манъуэмон Танимура был жив и здоров, а из этого следовало, что пострадавший — Соити Котоно. Убийца не опасался, что Кинуё-сан пойдет на место происшествия и обман раскроется. Что ни говори, злодею не откажешь в смекалке и ловкости. И только в одном он допустил непростительный промах: совершенно забыл об отпечатках пальцев. А ведь именно кожный узор — неповторимая отличительная особенность человека.

...Вот, собственно говоря, и все об убийстве с применением кислоты. Я, верно, утомил вас долгим рассказом? Мне так живо вспомнились подробности... И надо, пожалуй, немедленно записать их в дневник.

5

— Ну что вы, я нисколько не утомился. Напротив, вы мне доставили огромное удовольствие. Знаете, вы не только выдающийся сыщик, но и превосходный рассказчик. Я словно сам побывал там! И все же я не понял — вы схватили преступника?

Иномата смотрел на меня с пристрастнейшим выражением.

— Нет, к сожалению, убийцу найти так и не удалось.

Мы, разумеется, разослали по всем полицейским участкам его словесный портрет и фотографии, но увы... Кто хочет спрятаться, спрячется. С той поры прошло почти десять лет. Видно, убийца скрылся где-нибудь в глухомани. А может, его уж и в живых нет... Об этом деле все и думать забыли. Кто теперь станет искать?

Иномата слушал меня с усмешкой.

— Значит, из этого следует, — подытожил он, — что вы так и не вырвали у убийцы признания? И следствие основывалось только на вашей гениальной догадке?

Я уловил в его тоне издевку. Недоброе предчувствие охватило меня.

Иномата, отвернувшись, рассеянно смотрел в мрачную пропасть.

Уже смеркалось, затянутое тучами небо помрачнело, и тусклый свет, пробивавшийся сквозь облачную пелену, почти физической тяжестью ложился на землю. Прямо перед нами черными громадами возвышались горные отроги, а внизу, в разверстой бездне, клубились белесые испарения. Мир будто вымер — в нем не чувствовалось ни малейшего движения. Зловещий рев водопада словно сливался с глухими ударами сердца.

Но вот наконец Иномата оторвал взор от ущелья и внимательно посмотрел на меня. Стекла его очков поблескивали, отражая хмурое небо. Сквозь линзы из-под приспущенных век смотрели большие глаза. С недавних пор я стал замечать, что левый глаз его неподвижен. Значит, он не живой. Видимо, и очки с желтоватыми стеклами нужны именно для того, чтобы скрыть этот дефект. Я разглядывал Иномату без всякой задней мысли.

— Помните детскую игру в дзянкэнпон *? — неожидан-

* Игра, а также своего рода бросание жребия. Смысл ее заключается в том, чтобы выбросить на пальцах удачную комбинацию. Комбинации эти именуются: «бумага», «ножницы», «камень»; «ножницы» побеждают «бумагу», «бумага» — «камень», а «камень» — «ножницы».

но спросил о н . — Сыграем? Держу пари, вы проиграете.

Я опешил и какое-то время растерянно молчал, не зная, что ответить. Но Иномата с детским азартом поддразнивал меня, и я, с некоторым раздражением пожав плечами, нехотя вытянул вперед правую руку.

— Дзян, кэн, пон! — разнеслось в тишине.

Иномата и впрямь оказался сильным противником. К моей немалой досаде, мне так и не удалось одолеть его. Я признал свое поражение, и Иномата со смехом сказал:

— Да, в этой игре — двойное дно. Тут требуется смекалка. Без способности делать логические построения ничего не получится. Я сейчас объясню, что имею в виду. Допустим, вы проиграли, выбрав «бумагу». Простофиля в другой раз непременно выбросит «камень», о который тупятся «ножницы». Это самая примитивная логика. Кто похитрее, сообразит, что противник только того и ждет. Э, нет, подумает он, мой «камень» противник постарается обернуть «бумагой», а потому мне следует выбросить «ножницы». Это — ход посложнее. Но все же и он банален. Настоящий игрок рассуждает иначе: раз я проиграл на «бумаге», противник ждет, что я выброшу «камень», а потому логично было бы предположить, что он изберет «бумагу». Но противник умен и не может не понимать, что я догадываюсь о его ходе, а потому захочет меня провести: думая, что я выберу «ножницы», режущие «бумагу», он, несомненно, снова выбросит «камень». Что сделаю я? Чтобы его победить, мне следует выбрать «бумагу»! Да, надо видеть на ход вперед. Предугадывать мысли противника. Тогда победа — твоя. И не только в детской забаве — но и в реальной жизни... Возьмите преступника — он ведь тоже играет с сыщиком в ту же игру. Хитроумный преступник, изучив психологию полицейского, способен предугадать любой его шаг. А потому он практически неуловим, даже если...

Иномата вдруг оборвал себя на полуслове и загадочно

рассмеялся.

— Вы, конечно, читали «Похищенное письмо» Эдгара По? Он описывает похожую игру — в чет-нечет. Так вот, там был один школьник, вызывавший всеобщее восхищение своей смекалкой. На вопрос, в чем причина успеха, он ответил: «Когда я хочу узнать, насколько умен или глуп, добр или зол мой партнер и что он при этом думает, я стараюсь придать своему лицу такое же, как у него, выражение, а потом жду, какие у меня при этом появятся мысли и чувства» *. Принцип его вполне достоин хитрости Макиавелли и философской мудрости Кампанеллы. Скажите, а вы, расследуя «дело об убийстве с применением серной кислоты», не пытались «придать своему лицу выражение» предполагаемого преступника? Ай-ай-ай, конечно же, нет. Да и в нашей детской забаве вы не выказали смекалки...

Я почувствовал, как во мне закипает злость. Мне уже порядком надоели разглагольствования Иноматы. На что он, собственно, намекает?

— Я вас не понимаю, — сухо ответил я. — Вы хотите сказать, что мои логические построения были ошибочны? У вас, разумеется, есть иная версия?

Я не скрывал сарказма. Но Иномата опять ухмыльнулся:

— Именно так. Я вижу на два хода вперед, и мне сейчас ничего не стоит разгромить ваши в общем-то вздорные домыслы. Вы выстроили логическую цепочку, основываясь на одном-единственном «доказательстве» — на отпечатке большого пальца. С такой же легкостью я опрокину вашу «теорию» одним-единственным контрдоводом.

Меня передернуло. Наглец! Как он смеет говорить это мне — опытному полицейскому, отдавшему любимой работе столько лет?

— Весьма любопытно, — процедил я. — Что ж, извольте.

— Если вам будет угодно. Впрочем, на это хватит двух

* Цитируется по книге: Эдгар Аллан По. Полное собрание рассказов. — М.: «Наука», 1970. (Пер. Н. Демуровой.)

минут. Скажите, у вас не возникало подозрений, что в отпечатках — и в дневнике, и на серебряном портсигаре — есть некая нарочитость?

— Нарочитость?..

— Да. Представьте себе на минуту, что отпечатки были оставлены не случайно, но принадлежат они не тому, на кого вы подумали...

Я не ответил. Пока было неясно, куда клонит мой собеседник. Однако я почувствовал некий подвох, и у меня неприятно засосало под ложечкой.

— Все еще не доходит? По моему разумению, этот ваш Танимура придумал очень простую штуку: на всех предметах личного пользования — вы обратили внимание только на портсигар и на дневник, а поищи вы получше, без сомненья, обнаружили бы еще — он оставил не собственные, а чужие, принадлежавшие другому лицу отпечатки. Учитывая, что тот человек был нередким гостем у Танимуры, нетрудно представить себе ход событий.

— Чепуха! Какой еще человек?

— Соити Котоно, разумеется. — В голосе Иноматы звучали недобрые нотки. — Он ведь захаживал к Танимуре, так что тому ничего не стоило заполучить его «пальчики». При этом он, разумеется, тщательным образом стер свои собственные следы...

Я растерялся и сморозил глупость, о которой теперь даже неловко вспомнить:

— Вы бредите. Это исключено, потому что убили именно Танимуре. Но если все-таки допустить, что убитый — Соити Котоно, то, значит, отпечатки в доме у Танимуры тоже принадлежат погибшему. Ведь они совпадают с отпечатками пальцев трупа!

— Ну-с, и кто же убийца?

И тут я снова оказался не на высоте.

— Выходит, историю с отпечатками на портсигаре и в дневнике подстроил сам Танимура? — глупо спросил я.

Иномата беспечно кивнул — будто видел это собственными глазами.

— Ваш Танимура нуждался в деньгах. Он был в отчаянных обстоятельствах; фирма его оказалась на грани банкротства, и расплатиться с долгами перезакладыванием недвижимого имущества было решительно невозможно. Ведь долг его исчислялся десятками тысяч. В подобном случае единственная возможность избежать позора — бегство. Вот он и сбежал, прихватив с собой чужие денежки. Однако наивно предполагать, что причина бегства лишь в этом. Ведь Танимура разделался с Котоно отнюдь не в состоянии аффекта, а с расчетливым хладнокровием. Он давно обдумал детали и только ждал подходящего случая. Скажите, что может заставить мужчину обобрать собственную жену? Только одно — страсть к другой женщине. Да, Танимура, конечно, питал преступную страсть, да к тому же к чужой жене — и дело, по видимости, зашло так далеко, что любовники вынуждены были бежать от людской молвы. Вот вам и вторая причина. Ну, а третья... Разумеется, ненависть. Ненависть к Соити Котоно, давнему недругу. Извечные мотивы — деньги, любовь, ненависть... Что ж, Танимура одним выстрелом подстрелил сразу трех зайцев. И тут — весьма кстати — подвернулись вы, со своей мечтательной страстью к детективным романам. Сыщик-фантазер. Не окажись рядом вас, может быть, Танимура и не стал бы так уж мудрить. Но он делал ставку именно на вас. Он поставил себя на ваше место, придал своему лицу должное выражение — помните, чет или нечет? — и не ошибся. Вы сыграли свою партию как по нотам. Благодаря вам убийца ускользнул от закона. Да, Танимура был виртуозный, жестокий преступник. Помните, как он убил свою жертву? Не каждый додумался бы до такого. Если у трупа изуродовано лицо и его нельзя опознать, что в таком случае может подумать пронизательный сыщик? Он, конечно же, догадается, что убийца пытается сбить его

с толку. И раз на трупе — авасэ, принадлежащее Котоно, значит, убийца хотел выдать покойного за Соити Котоно. Тут-то сыщик и попадетя в расставленную ловушку: он сделает ложный вывод, что жертва — не Котоно, а кто-то другой... Так оно все и получилось. А настоящий убийца по дороге домой швырнул в реку бутылку из-под кислоты и прокрался как вор в собственный дом...

Последний его спектакль был поистине великолепен! Прикинувшись Котоно, переодетым в его же, Танимуры, одежду, он обнимал собственную жену с нескрываемой страстью — и то хохотал, то плакал у нее на плече, словом, вел себя не как муж, а как любовник.

...Я чувствовал себя совершенно раздавленным. Кто этот человек, называющий себя Иноматой? Что за дикие речи? И откуда такая уверенность? Я не отвечал, а потому Иномата сам нарушил молчание:

— Это было довольно давно... Ко мне тогда частенько заходил мой приятель, большой любитель детективных историй. Мы вели бесконечные споры о том, как преступнику легче всего ускользнуть от возмездия. И в итоге пришли к единому мнению, что самое остроумное — это прикинуться жертвой. Теоретически — ход блистательный, но, перебрав конкретные способы его воплощения, мой приятель пришел к неожиданному заключению, что все это плоско и заурядно. Я был не согласен с ним. Банальность свойственна лишь дуракам, умный преступник непременно придумает что-нибудь оригинальное. На что мой друг возразил: если уж мы не придумали, то преступник — и подавно...

В общем, вышла у нас серьезная стычка. А ведь история с кислотой подтверждает, что прав-то все-таки оказался и... Убийцу приняли за жертву. А «жертва» оказалась убийцей! Может ли человек провести ночь с чужой женой так, чтобы та ничего не заметила? Увлекательный сюжет для романа, вот такие, как вы, и попались на эту удочку...

Пока я внимал рассуждениям Иноматы, в моем мозгу забрезжило смутное, полузабытое воспоминание. Я словно слышал все это когда-то давным-давно. Но с Иноматой мы никогда раньше не встречались! Нет, определенно я обсуждал эту тему с кем-то другим. С кем?.. Мне вдруг почудилось, что я беседую с оборотнем. Нечто огромное, страшное заслонило весь мир. Но это «нечто» никак не могло обрести конкретную форму, приводя меня в иступление.

И тут Иномата сделал такое, что я остолбенел. Без предисловий он вытащил изо рта обе вставные челюсти. Губы сразу запали, и вся нижняя половина его лица сморщилась, как бумажный фонарик. Я уже говорил, что, невзирая на лысину, Иномата был мужчина весьма импозантный, с умным тонким лицом, украшенным бакенбардами, но теперь... Я и не подозревал, сколь много значат для внешности зубы. Без них Иномата сделался жалким, убогим, как восьмидесятилетняя старуха, и в то же время чем-то неуловимо напоминал сморщенного новорожденного младенца. Затем Иномата снял очки и, шамкая беззубым ртом, произнес:

— Посмотрите внимательно. Так... Уберите складку на веках. Нарисуйте другие брови. Снимите горбинку с носа... Сбрейте усы — и прикройте лысину волосами... Ну? Вам ничего не напомнил этот портрет?

Он наклонился ко мне и даже прикрыл глаза. Я мысленно нарисовал себе несуществующие черты — и вдруг в моей памяти всплыло еще одно лицо. Неужели?.. Теперь понятно, откуда у Иноматы взялась такая уверенность.

Я не смог сдержать изумленного возгласа:

— Да, я узнаю вас. Вы — Манъуэмон Танимура!

— Что-то вы изменили себе — поздногато прозрели. — И Иномата — нет, Танимура расхохотался. — Что вы так смотрите на меня? Сами себе не верите?..

Он уже вставил протез и говорил вполне четко и

внятно.

Итак, осуществив фантастический замысел, он сбежал, прихватив огромную сумму денег и чужую жену.

Пока полиция гадала два дня, кто же убитый, Танимура был в безопасности. Ну а потом, когда на него пало подозрение, он уже мчался в поезде по Корее. Танимура панически боялся морских путешествий, ведь корабль — для преступника западня...

— В Шанхае я снял комнату у китайца, и мы прожили там около года. Чудесное было время... Вообще-то Кинуё очень красивая женщина, но мне с ней было скучно. Я предпочитаю иной тип — порочной обольстительницы, как Акико, ставшая моей новой подругой жизни. Признаюсь, тогда я просто голову из-за нее потерял. Мне хотелось перебороть себя, но — увы!..

Долгие месяцы размышлял я над тем, как изменить свою внешность. Обычные способы — грим, усы, борода — претили мне своей заурядностью и банальностью. Я, желая стереть с лица земли само существо по имени Маньуэмон Танимура, упорно и методично шел к поставленной цели. Я творил нового человека! В Шанхае прекрасные клиники, принадлежащие иностранцам. Я подыскал необходимых специалистов — стоматолога, офтальмолога и хирурга — и принялся за дело. Перво-наперво я уничтожил свою шевелюру. Волосы трудно вырастить, а уж вывести... Существует множество средств, пригодных для этой цели. Я изменил форму бровей. Потом наступил черед носа. Если вы помните, он у меня был приплюснутый, некрасивый. После пластической операции я стал обладателем великолепной горбинки. Затем я решил изменить саму форму лица. Это тоже оказалось несложно: достаточно вставить зубной протез. От природы у меня оттопыренная нижняя губа и врожденная прогнатия, к тому же плохие зубы. Я без колебаний сделал себе вставные челюсти с толстыми деснами, совершенно изменившие прикус. Как изволите видеть, ре-

зультат превосходный. Даже вы узнали меня лишь после того, как я вынул протез... Я отрастил усы — и от прежнего Танимуры остались только глаза. С глазами оказалось труднее всего. Сначала мне подрезали веки, сделав тяжелую складку. Но этого мне показалось мало. Я было придумал носить темные очки — как будто страдаю глазами, но и такой вариант не устроил меня. После долгих раздумий я пожертвовал левым глазом. Теперь у меня появился великолепный повод носить очки с цветными стеклами, а это совершенно меняло весь облик. Мое нынешнее лицо — искусственное творение. От прежнего в нем не осталось ни единой черточки. Танимуры больше не существует. Хотя, впрочем, внешне я не настолько хорош, чтобы нельзя было глаз оторвать. Акико частенько поддразнивала меня по этому поводу...

Описывая эти невероятные метаморфозы совершенно будничным тоном, Танимура вдруг потерял левый глаз — и в руке его оказалась стекляшка, формой напоминавшая перевернутую пиалу. Вертя ее в пальцах, он обратил ко мне свою пустую глазницу:

— После этого мы, ничего более не страшась, вернулись домой. Шанхай — чудный город, но родина есть родина. Мы жили в каком-то своем, особенном мире, кочуя с курорта на курорт. Почти десять лет я был неразлучен с Акико — вдвоем в целом мире... — Танимура с тоской заглянул в черную пропасть. — Воистину, чудеса... Мне и во сне не могло присниться, что доведется беседовать с вами о тех временах. Впрочем, сегодня у меня появилась уверенность...

Я невольно насторожился. Если это даже и случайность, все равно она вызывает дрожь ужаса.

Танимура вдруг засмеялся:

— Значит, вы ничего не заметили? Конечно же, это совсем не случайность. Я нарочно направил наш разговор в нужное русло. По дороге мы с вами говорили о Бентли. Это была маленькая ловушка. Помните, вы обмолвились,

что забыли сюжет? Вы его не забыли. Он хранился все это время в неведомых тайниках вашей памяти...

А сюжет таков: убийца, прикинувшись собственной жертвой, приходит к жене убитого... Очень знакомый трюк, помните? «Убийство с применением серной кислоты»! Увидев название книги, вы невольно ассоциировали его с той историей. И вам захотелось поговорить... Ну а книжку вы не забыли? Взгляните-ка вот сюда и сюда. Кто-то сделал пометки красным карандашом. Вам не знаком этот почерк?

Я склонился над книгой — и вдруг у меня словно спала с глаз пелена. Как это я забыл?.. Впрочем, прошло столько лет... Тогда я был начинающим и неопытным сыщиком, получавшим гроши, и не мог позволить себе покупать детективную литературу, а поэтому нередко брал у Танимуры вышедшие новинки — почитать. Была среди них и эта вот книга. Помню, я действительно сделал в ней кое-какие пометки. Без сомнения, это мой почерк.

Танимура умолк. Я тоже молчал. Но мысли мои крутились вокруг одного и того же: зачем Танимуре эта встреча? Он отдал столько энергии, чтоб ускользнуть от полиции, так чего ради теперь исповедуется передо мной, полицейским? Ведь срок давности преступления еще не истек. Может быть, он просчитался? Или просто дразнит меня?

— Господин Танимура, скажите, а вы не боитесь меня? Или вы просчитались со сроком?

— Что вы, я не настолько сведущ в таких делах. Я и не знаю, когда он должен истечь. А затеял я наш разговор потому... Знаете, во мне, видно, дьявол сидит. Вы вечно мните себя выдающимся сыщиком, это несказанно меня раздражает. Собственно говоря, мне просто захотелось щелкнуть вас по носу.

Вот оно что. Что ж, мне остается признать поражение. Однако...

— Однако... Да, я проиграл. Но я все еще полицейский. Вам не терпелось унижить меня, но яму вы выкопали себе.

Вы дали мне козырь, и я арестую злодея, какого еще не видывал свет! — Я схватил его за запястье.

Но Танимура легко расцепил мои пальцы.

— Э, нет! Мы ведь с вами уже не раз мерились силой, и я всегда выходил победителем. Как вы думаете, зачем я привел вас в такое глухое место? Я все предвидел. Одно движенье — и я скину вас в пропасть! Ха-ха-ха! Успокойтесь... Я не собираюсь бежать. Видите ли, я утратил вкус к жизни. У меня не осталось привязанностей в этом мире. Акико, ради которой я жил, скоростижно скончалась месяц назад от воспаления легких. Когда она лежала на смертном одре, я поклялся пойти вслед за ней хоть в пасть дьявола. Единственное, о чем я тогда сожалел, — что так и не встретился с вами. Но сбылось и это желание. Теперь я могу уйти...

— Проща-а-айте! — донеслось до меня. Не успел я и пальцем пошевелить, как Танимура скрылся во мраке бездны.

Пытаясь умерить бешеное биение сердца, я заглянул в пропасть. Белая фигурка, стремительно уменьшаясь в размерах, достигла дна, взметнув фонтан брызг. Через мгновение все улеглось, и среди бурунов на камнях проступило пятно: оно было похоже на ярко-алый, огромный, растрескавшийся от спелости плод граната...

В ущелье воцарилась прежняя тишина. Горы и доли были окутаны вечерней мглой. Ни единый листочек не шевелился, ветерок словно уснул — насколько хватал глаз, все застыло в мертвенной неподвижности. Лишь издали доносился вечный шум водопада, рокотавшего в такт сердцу.

Я стяхнул с юката песок и поднялся. Взгляд мой скользил по скале, по выбеленному временем камню. Под ногами, на черной обложке книги лежал искусственный глаз. Он смотрел на затянутое низкими тучами небо и, казалось, хотел вымолвить что-то...

Простая арифметика

Загадочный грабитель

— Вы, верно, запишете мой рассказ? Настоятельно рекомендую... — посоветовал человек, поведавший мне эту историю. Произошло это давно — еще до войны, но пока главный герой был жив, приходилось хранить все в тайне. Однако недавно он умер... От рассказа я пришел в восхищение — превосходный сюжет для романа! Но не будем забегать вперед — пусть читатель узнает все сам.

Рассказ записан от лица человека, открывшего мне свою тайну...

В то лето мой друг Синтаро Кода уговорил меня погостить недельки две у нашего общего приятеля, хотя и не столь мне близкого, Хироити Юки. Тогда-то все и случилось...

Отец Хироити — генерал-майор Юки — занимал видный пост в военном министерстве, и семейство проживало в богатом особняке, выстроенном в прелестном местечке у самого моря — рядом с Камакуррой.

В тот месяц мы сдали выпускные экзамены. Все трое учились в одном университете, на одном курсе, только мы с Кодой специализировались по экономике, а Хироити Юки изучал английскую литературу; сблизились мы еще в колледже и с той поры так и остались приятелями.

Это было особое лето — лето прощанья с вольготной студенческой жизнью. В сентябре Кода поступал на работу в торговую фирму, а меня с Хироити в конце года долж-

ны были забрать в армию. Во всяком случае, свобода наша кончалась. А потому мы старались взять от жизни все, что могли, и с радостью откликнулись на приглашение Хироити.

Хироити был единственным сыном в семье и жил в роскоши, не зная ни в чем отказа. Глава семьи — генерал, предки — важные сановники, и дом Юки был поистине полной чашей. А потому и мы, его гости, как сыр в масле катались. К тому же судьба благоволила к нам: оказалось, что в доме Юки живет весьма красивая девушка, подходившая нашей компании. Симако — так звали ее — была двоюродной сестрой Хироити Юки; родители у нее давно умерли, и семья Юки взяла девочку на воспитание. Она закончила женскую школу, а теперь училась музыке и уже довольно сносно играла на скрипке.

Каждый погожий день мы проводили у моря. Усадьба Юки стояла как раз посередине между станциями Юигахама и Катасэ, но мы отдавали свое предпочтение пляжам фешенебельной Юигахамы. Знакомых там хватало, и скучать не приходилось. Сдвинув загорелые плечи под огромным, в ярко-красную клетку, пляжным зонтом, мы без конца зубоскалили и перекидывались шуточками с Симако и ее подружками. Когда же море надоедало, мы отправлялись ловить рыбу в пруду усадьбы Юки. По прихоти генерала в пруд пустили множество карпов, и даже самый неопытный рыболлов не остался бы без улова. Блаженные, беззаботные, светлые дни пролетали один за другим. Но зло, словно завидуя счастью, всегда врывается в жизнь в самый безоблачный миг — в доме генерала Юки грянул неожиданный выстрел.

Внимание! Занавес открывается...

Итак, по случаю дня рождения генерала состоялся банкет — настоящий пир со множеством гостей. Мы с Кодой тоже получили приглашение.

Под банкет отвели просторную японскую гостиную на

втором этаже главного здания.

И хозяева, и гости были одеты в легкие летние кимоно и чувствовали себя очень непринужденно, по-домашнему. Подвыпивший генерал подражал завываниям гидаю *, Симако, уступив уговорам гостей, сыграла на скрипке.

Часам к десяти вечер закончился, все в основном разъехались по домам, и только хозяева да еще двое-трое приезжих сидели в гостиной, наслаждаясь чудесной летней ночью. Генерал Юки, его супруга, Хироити, Симако, подруга Симако, Китагава — генерал-майор в отставке и я; итого, семь человек.

Генерал увлеченно сражался в го ** с Китагавой, остальные упрасивали Симако сыграть еще раз.

Воспользовавшись паузой, Хироити поднялся.

— Ну, я пойд у, — шепнул он м н е . — Мне надо работать.

Хироити подрядился писать рассказ для какой-то провинциальной газеты и по этой причине каждый вечер ровно в десять уединялся в отцовском кабинете, во флигеле.

Во время учебы в университете он в Токио снимал целый дом, а здесь его кабинет, где Хироити занимался в школьные годы, отдали теперь Симако, и Хироити пришлось временно обосноваться в кабинете отца.

Прошло еще с полчаса, когда в доме вдруг раздался оглушительный грохот. Как оказалось, это был пистолетный выстрел.

Сначала мы недоуменно смотрели друг на друга — но тут из флигеля донесся пронзительный вопль:

— На помощь! С Хироити беда!..

Это кричал Кода, который покинул гостиную еще раньше чем Хироити.

Не помню, какое у кого сделалось в ту минуту выражение лица. Все вскочили и гурьбой ринулись вниз по лестнице. Ворвавшись во флигель, мы увидели распростертого

* Певец-рассказчик особого драматического сказа.

** Японские шашки.

на полу кабинета, в луже крови, Хироити, а рядом с ним — бледного до синевы Коду.

— Что здесь происходит?! — прогремел генерал зычным командирским голосом.

— Там... Оттуда... — пролепетал Кода, еще не оправившийся от потрясения, указывая на окно, выходящее в сад. Створки его были распахнуты, в стекле зияла большая округлая дыра. Неизвестный вырезал кусок стекла снаружи, открыл задвижку и проник в комнату. На ковре остались отвратительные грязные следы.

Госпожа Юки кинулась к лежавшему Хироити, а я подбежал к распахнутому окну. Но там не было ни души. Разумеется, глупо было надеяться, что злодей станет ждать.

И тут генерал, не обращая внимания на окровавленного сына, ринулся к стоявшему в углу кабинета маленькому сейфу; набрав шифр, он принялся проверять его содержимое. Я не мог скрыть своего изумления: я и не предполагал, что в доме есть сейф, однако куда больше меня потрясло жестокое хладнокровие генерала, странное даже для военного человека.

Наконец генерал соизволил вызвать полицию и врача.

Растерянные домочадцы обступили лежавшего без сознания Хироити, пытаясь привести его в чувство. Я достал платок и туго перетянул ему ногу, чтобы остановить кровотечение. Пуля насквозь пробила лодыжку, видимо задев кость. Симако догадалась принести из кухни чашку с водой. Но как ни странно, в отличие от матери Хироити, бывшей на грани истерики, она не утратила спокойствия духа. Лицо ее выражало лишь легкое удивление — чуть ли не равнодушие. Я был уверен, что они с Хироити собираются пожениться, и безразличие Симако озадачило меня.

Не менее удивительно вел себя еще один человек — старый слуга генерала, Цунэ. Он прибежал на шум с опозданием, но не подошел к Хироити, а, проскользнув за на-

шими спинами, уселся поодаль, возле распахнутого окна. В суматохе всем было не до старика, однако, случайно взглянув на него, я прямо-таки остолбенел: Цунэ в церемонной позе сидел у окна, невозмутимо наблюдая за происходящим. Не иначе как и этот рехнулся, подумал я.

Тем временем подросел врач. Вслед за ним из Камакуры прибыли полицейские — инспектор Хатано с подчиненными. Хироити погрузили на носилки и отправили в больницу в сопровождении матери и Симако. Сознание уже вернулось к нему, но слабый духом Хироити не выносил боли и, сморщившись, точно младенец, рыдал и выл как безумный, так что инспектор Хатано тщетно пытался выяснить у него подробности преступления. Пуля раздробила кость, рана оказалась серьезной.

После осмотра комнаты выяснилось, что там побывал грабитель. Вор залез в дом из сада; Хироити, видимо, вошел в кабинет, как раз когда тот собирал добычу. Со страху грабитель выпалил в него из пистолета. А может быть, Хироити даже погнался за ним — ведь упал он достаточно далеко от дверей.

Ящики огромного письменного стола были выдвинуты, все в них перевернуто вверх дном. Однако, по свидетельству генерала, ничего ценного там не хранилось.

Сверху на столе валялся бумажник генерала с довольно увесистой пачкой банкнотов, но, как ни странно, вор к нему и не прикоснулся. Он прихватил лишь настольные часы, авторучку с золотым пером, лежавшую на том же столе, золотые карманные часы с золотой цепочкой и золотой же курительный прибор, стоявший на маленьком круглом столике посреди кабинета и представлявший наибольшую ценность из пропавших вещей. Причем грабитель взял лишь пепельницу и сигаретницу, а медную подставку оставил. Все остальное оказалось на месте. В сейфе, похоже, никто не копался.

Выходит, грабителя привлекло только золото — на

остальное он и внимания не обратил.

— Какой-то маньяк... клептоман, — озадаченно подытожил инспектор Хатано.

Исчезнувшие следы

Да, грабитель был поистине странный. Оставить полный денег бумажник, но взять дешевую авторучку и карманные часы — понять это было невозможно.

Инспектор поинтересовался у генерала, не обладают ли эти предметы какой-либо особой ценностью, но тот только плечами пожал. Впрочем, авторучку он получил в подарок от некоей высокопоставленной особы еще в бытность командиром полка, и она дорога ему как память, неизменяемая в денежном выражении, ну а часы... С часами связано воспоминание об одной заграничной поездке; он купил их в Париже, у этих часов очень точный механизм, и, конечно, вторых таких уже не достать, так что, конечно, жаль... Но для вора обе эти вещицы, разумеется, ценности не представляют.

Тогда инспектор приступил к тщательному осмотру места происшествия — кабинета и сада. Он прибыл в усадьбу Юки через полчаса после вызова, и бежать по следу грабителя уже не имело смысла.

Впоследствии я узнал, что инспектор — яркий приверженец научно-аналитического метода расследования, основывающегося на материальных уликах, а потому превыше всего ценит точность и скрупулезность. Рассказывали анекдотическую историю о том, как Хатано, еще будучи рядовым сыщиком, охранял до прибытия начальства кровавый след на земле: он прикрыл пятно крови перевернутой чашкой и всю ночь стучал по ней колотушкой —

чтобы кровь не сожрали черви. Дотошность и настойчивость помогли Хатано сделать карьеру, и можно было не сомневаться: если он взялся за дело, то от его внимания не ускользнет и пылинка.

Но на сей раз и эти качества не помогли: осмотр кабинета не дал ничего — ни единой пылинки, мало-мальски достойной внимания. Оставалось лишь уповать на следы под окном и отпечатки пальцев, оставленные грабителем на стекле.

Как я и думал, преступник, вырезав круг стеклорезом, вынул стекло присоской. Инспектор осветил под окном карманным фонариком. К счастью, недавно прошел дождь и на мокрой земле остались отчетливые отпечатки башмаков, какие носят рабочие. Можно было даже различить рисунок подошвы. Двойная цепочка следов уводила к забору: оттуда пришел и туда же вернулся грабитель.

— Он ставит ноги, как кривоногая женщина, — пробурчал инспектор. В самом деле, носки следов были повернуты внутрь. Я про себя отметил, что и мужчины с кривыми ногами косолапят не меньше, но вслух ничего не стал говорить.

Инспектор обулся и, отбросив приличия, выпрыгнул в сад прямо через окно. Светя карманным фонариком, он устремился по следу, оставленному башмаками.

Не в силах подавить природное любопытство, я, понимая, что буду мешать, тем не менее тоже спрыгнул с низкой веранды и осторожно двинулся за инспектором. Мне ужасно хотелось взглянуть на следы. Но видно, не мне одному. Мой «соперник» оказался проворнее: некий Акаи, один из гостей генерала, уже был в саду.

Этот Акаи всегда вызывал мое любопытство. Я не знал, кто он, чем занимается и что связывает его с Юки. Даже сам Хироити толком не мог ничего о нем сказать. На вид Акаи было лет двадцать семь. Худощавый, с вечно растрепанными волосами, он отличался крайней неразговорчи-

востью, а на губах у него неизменно играла легкая усмешка.

Он частенько заезжал в усадьбу Юки сразиться с генералом в го. Нередко Акаи засиживался допоздна и оставался на ночь. Генерал заметил его в каком-то клубе и утверждал, что Акаи — непревзойденный игрок в шашки. Так что ничего странного в том, что и его пригласили на вечер, разумеется, не было, однако, когда прогремел выстрел, Акаи в гостиной не оказалось — должно быть, спустился вниз.

Единственное, что мне стало случайно о нем известно, — увлечение криминалистикой. Как-то, еще в самом начале моего пребывания в усадьбе Юки, я невольно подслушал их разговор с Хироити: они беседовали в кабинете. Хироити тоже увлекался этой наукой, и у него была целая полка специальной литературы. Акаи перелистывал книги, затем что-то сказал, а потом оба принялись перебирать имена прославленных детективов — реальных людей и литературных героев, начиная с Видока и Дюпена *. Хироити, сняв с полки книгу о сыщике Когоро Акэти, заметил, что этот Акэти — изрядный резонер. Акаи полностью разделял его мнение. Надо заметить, что они прекрасно разбирались в вопросе и достигли полного единодушия...

Но вернемся к рассказу.

Увидев нас, инспектор Хатано недовольно нахмурился. — Следы не затопчите, — проворчал он и молча двинулся дальше.

Обнаружив, где именно вор перепрыгнул через низенькую ограду, инспектор, прежде чем идти дальше по следу, вернулся в дом и вскоре примчался обратно с огромной ступкой, которой поспешно прикрыл самый четкий отпечаток, чтобы потом снять с него слепок. Похоже, это был его излюбленный метод...

* Франсуа Эжен Видок (1775—1857) — основатель французской уголовной полиции. Ш. Огюст Дюпен — литературный герой Эдгара А. По.

Мы вышли из сада через калитку. За оградой дождь смыл все старые многочисленные отпечатки ног, и только следы грабителя тянулись четкой цепочкой.

Пробежав метров пятьдесят, инспектор вдруг встал как вкопанный.

— Что за черт? — изумился он. — Не мог же преступник прыгнуть в колодец?!

Я опешил, но, приглядевшись, понял, в чем дело: следы обрывались у стенки заброшенного колодца, вырытого посреди пустыря. И начинались они от него же. Сколько мы ни искали вокруг, других следов поблизости не оказалось. А ведь земля у колодца была рыхлой, влажной, и трава там совсем не росла — так что виден был бы любой отпечаток.

Колодец был старый, полуразрушенный. Инспектор осветил в него фонариком: потрескавшиеся стены были сухи, лишь в глубине, на самом дне, маслянисто поблескивала темная застоявшаяся вода. Жутковатое зрелище... Самое место для злого духа.

Получалось, что вор вроде бы возник из колодца — и в колодце же скрылся. Трудновато поверить. Ведь грабитель — не призрак неотмщенной О-Кику *. Однако след обрывался именно здесь — и если вор не вознесся на небо и не улетел на воздушном шаре, то, значит, может находиться только в колодце. Даже приверженец научного метода Хатано не знал, как это истолковать. Однако, верный себе, он велел полицейскому принести бамбуковый шест и потыкал им в тухлую воду. Ничего. Оставалось только довольно абсурдное предположение, что колодец этот с секретом и в нем есть некая хитрость, какой-нибудь тайный подземный ход.

— В такой темнотище не разберешься, — проворчал Ха-

* Героиня старинной легенды, послужившей впоследствии сюжетом для пьесы Кабуки. Возлюбленный О-Кику утопил несчастную девушку в старом колодце.

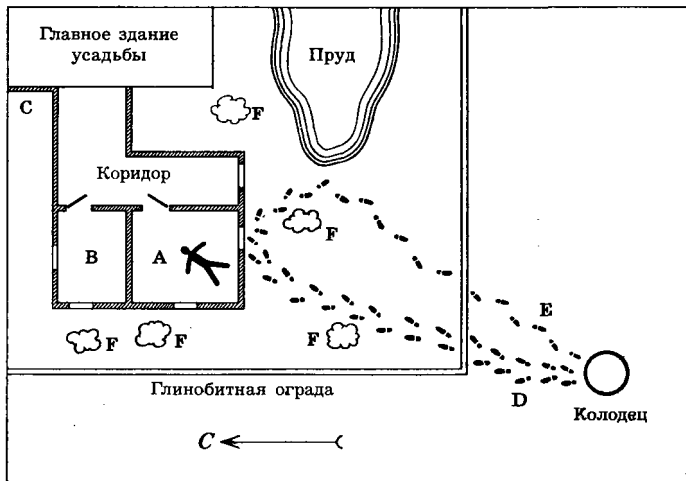
т а н о . — Ладно, утром еще раз посмотрим. — И он зашагал к усадьбе.

В ожидании следственной группы инспектор опросил всех домочадцев, гостей и составил схему. Слушая объяснения, он промерял рулеткой, записывал и зарисовывал в книжке все подряд, достойное и недостойное внимания — положение тела раненого (это было нетрудно определить по пятну на ковре), ширину шагов преступника, расстояние между отпечатками ног, ведущими к дому, и следами, ведущими к колодцу, план флигеля и кабинета с разбитым окном, расположение деревьев в саду, пруда и ограды. И надо признать, инспектор старался не зря: скрупулезность его принесла результаты. То, что для нас, дилетантов, казалось не заслуживающей внимания чепухой, представляло для Хатано большую ценность.

Привожу для читателей его схему. Она грешит неточностями и приблизительностью, поскольку я воспроизвожу ее по памяти, но, основываясь на данных, ставших известными после раскрытия преступления, я намеренно постарался выделить то, что помогло следствию изобличить злодея. Как вы впоследствии убедитесь, эта схема — красноречивое свидетельство против преступника.

Приведу лишь один пример: следы грабителя. Они говорят не только о том, что преступник косолапый, как женщина; следы, обозначенные на схеме буквой D, ведут к дому, и расстояние между отпечатками ног маленькое, значит, преступник подкрадывался осторожно, опасливо. Следы, ведущие к колодцу, обозначены буквой E, и шаги здесь в два раза шире — то есть после выстрела грабитель мчался что было духу. (Инспектор Хатано тщательно замерил ширину шага в том и в другом случае и, основываясь на этих данных, приблизительно определил рост преступника, однако такие подробности чересчур утомительны, и я позволю себе опустить их.)

На схеме инспектора отражены те детали, что сыграли

A — кабинет генерала
 B — кабинет Симако
 C — вход на кухню

D — следы, ведущие к дому
 E — следы, ведущие к колодцу
 F — деревья

решающую роль в ходе расследования; но на каждой из них я остановлюсь в свое время, а пока что прошу читателей хорошенько запомнить рисунок.

Перво-наперво инспектор взял показания у свидетеля Синтаро Коды. Тот рассказал следующее.

Он спустился вниз на двадцать минут раньше Хироити; зашел в туалет, потом постоял на крыльце, подставив прохладному ветру разгоряченное лицо, после чего решил вернуться в гостиную, но, проходя по коридору, услышал выстрел, а вслед за ним крик Хироити...

Когда Кода ворвался во флигель, дверь в кабинет была приоткрыта, но свет там не горел и было темно.

— Значит, лампа была погашена?.. — задумчиво уточнил инспектор.

— Да, она не горела, — подтвердил Ко да . — Наверное, Хироити не успел повернуть выключатель. Когда я вбежал в кабинет, первым делом зажег свет. Хироити-кун лежал на полу в луже крови, без сознания... Тогда я бросился обратно в дом и стал звать на помощь...

— Значит, вы не разглядели грабителя? — снова переспросил инспектор. Он уже задавал Коде этот вопрос в самом начале.

Ко да покачал головой:

— Нет, я его не видел. Наверное, он успел выпрыгнуть в сад. Да и темно было.

— А больше вы ничего не заметили? Чего-нибудь странного?

— Н-нет, вроде бы ничего. А впрочем... Да, знаете, вроде пустяк, но... Когда я примчался на крик, из кабинета вылетела кошка. Я даже вздрогнул. Хисамацу неслась как ошпаренная.

— Хисамацу — это ее кличка?

— Да, Хисамацу — любимица нашей Симако-сан.

Инспектор со странным выражением взглянул на Коду. Что ж, по крайней мере одно существо в доме видело во-

ра в лицо. Но к сожалению, кошки не говорят...

Затем инспектор снял показания у остальных домочадцев, включая слуг, расспросил Акаи, меня и других гостей, но никто ничего толком не знал. Госпожу Юки и Симако, уехавших вместе с пострадавшим в больницу, Хатано опросил утром. Ответ Симако был несколько неожиданным, так что расскажу поподробнее.

В ответ на традиционный вопрос инспектора, не заметила ли она чего-нибудь странного, Симако сказала:

— Может быть, я ошибаюсь, но мне показалось, что кто-то побывал в моей комнате.

Как явствует из приведенной выше схемы, комната Симако расположена по соседству с кабинетом, где произошло преступление.

— Ничего из вещей не пропало, но кто-то рылся в моем столе. Вечером я положила свой дневник в ящик, я это помню точно, а сегодня утром гляжу — он валяется на столе, раскрытый. И ящик стола не задвинут. Никто из домашних, даже горничная, не полезет в мой стол. Странно... Впрочем, это все пустяки.

Инспектор с полным равнодушием выслушал Симако, а я призадумался: нет, тут что-то не так.

Но не будем отклоняться в сторону. Спустя некоторое время прибыла группа экспертов-криминалистов — осмотреть место происшествия и снять отпечатки пальцев, однако, кроме того, что удалось обнаружить инспектору Хатано, ничего нового они не нашли. На стекле были заметны следы от тряпки — но ни единого отпечатка. Даже на осколках стекла, рассыпанных под окном, не было никаких следов. Уже одно это свидетельствовало о том, что грабитель не дилетант. Эксперты сняли слепок со следа, бережно прикрытого ступкой, и со всеми предосторожностями отправили слепок в полицейское управление.

Когда суматоха улеглась и все отправились спать, было уже около двух часов ночи. Мне постелили в одной комна-

те с Кодой, но от пережитого волнения обоим нам не спалось, и мы до утра проворочались с боку на бок. Однако оба молчали — даже словом не перемолвились о происшедшем.

«Позолоченный» Акаи

Я люблю понежиться в постели, но на следующее утро я вскочил ни свет ни заря. Мне хотелось рассмотреть загадочные следы при дневном свете.

Кода крепко спал, и я, стараясь не шуметь, потихоньку раздвинул ставни и, сунув ноги в уличные гэта, вышел на улицу.

Однако, к моему немалому изумлению, меня снова опередили. В саду уже бродил проныра Акаи. Отвратительный тип — всегда пролезет вперед! Впрочем, он разглядывал не следы. Спрятавшись за домом — так, что торчала одна голова, — он высматривал... Интересно, что же он там хотел увидеть?..

Я проследил направление его взгляда. Ничего любопытного: дверь на кухню, рядом — цветочная клумба, которую красоты ради устроил старый Цунэ. Но и цветов-то красивых там нет.

Я разозлился и решил поугаать Акаи: подкравшись на цыпочках, я без предупреждения хлопнул его по плечу. Эффект превзошел все ожидания: Акаи подпрыгнул и завопил дурным голосом:

— А-а! Это вы, Мацумура-сан?

Теперь от неожиданности подскочил уже я. Зато Акаи тут же завел совершенно бессмысленный разговор о погоде. Вот зануда, подумал я. Нимало не заботясь о прили-

чиях, я отодвинул мешавшего мне Акаи и заглянул за угол. Ничего интересного, только Цунэ, что встает с первыми петухами, уже копается на своей любимой клумбе. Что же с таким усердием высматривал там этот тип? Непонятно. Я посмотрел на Акаи, и тот загадочно ухмыльнулся.

— Куда это вы сейчас смотрели? — напрямик спросил я.

— Никуда, честное слово! А вот вы небось вышли любопытствовать? Взглянуть на давешний след? — ухмыльнулся он от ответа.

Я неохотно кивнул.

— Ну так пойдете вместе! Я как раз собирался туда, — пригласил он меня.

Однако выяснилось, что он меня обманул. За оградой уже красовалась цепочка следов Акаи — туда и обратно. Выходит, он снова меня обставил. Что же теперь-то ему надо?

Мы подошли к колодцу, но там ничего не изменилось.

Следы по-прежнему начинались и обрывались возле колодца. Кроме отпечатков ног преступника мы обнаружили наши собственные следы, оставленные накануне, и еще отпечатки лап крупной собаки.

— Вот если бы вместо лап отпечатались башмаки... — пробормотал я. Собачьи следы подходили со стороны пустыря и, обогнув колодец, уводили туда же.

Я тотчас же вспомнил детективную историю, которую вычитал когда-то в старом журнале.

...В этом рассказе дом стоял посреди поля. Однажды утром хозяина его нашли мертвым. Убитый жил бобылем, так что преступник явно был пришлый. Но, как ни странно, на свежем снегу, выпавшем непосредственно перед убийством, следов человека не оказалось. Оставалось предположить, что преступник, сделав черное дело, вознесся прямиком на небо. Правда, на дворе были другие следы — отпечатки лошадиных подков. Следы вели к дому, а по-

том — к воротам. Сначала было высказано предположение, что лошадь лягнула пострадавшего в висок, но потом истина открылась: убийца, чтобы сбить следствие с толку, прикрепил подковы к своим башмакам... Может быть, и собачьи следы — лишь маскировка?

Следы лап большие, значит, собака была очень крупная. Если встать на четвереньки, то вполне можно такое изобразить. А судя по свежести отпечатков, собака прошла приблизительно в то же время, что и грабитель.

Я высказал свою мысль, на что Акаи только саркастически хмыкнул:

— Да вы, гляжу, гениальный сыщик! — после чего долго погрузился в молчание. Станный все-таки тип.

На всякий случай я прошелся по собачьему следу до дорожки за пустырем, но дорожка была посыпана мелким гравием, и там след потерялся. Собака, видно, ушла по самой дорожке, но куда — направо или налево? Все-таки я не криминалист, и воображение мое иссякло. Настоящий сыщик, конечно, нашел бы выход из положения.

В шесть часов, как и было обещано, к колодцу явился инспектор Хатано — произвести повторный осмотр местности. Но и он не нашел ничего нового и неожиданного.

После завтрака мы с Кодой решили откланяться, так как жизнь в такой суматохе стала непереносимой. Я втайне испытывал сожаление: мне хотелось узнать, как будут развиваться события, но не оставаться же здесь одному! В любом случае удобнее будет наведаться сюда еще раз из Токио.

По дороге домой я завернул в больницу к Хироити. В коридоре уже сидели генерал и Акаи. Госпожа Юки с Симакото неотлучно дежурили у постели раненого и после бессонной ночи казались больными и изможденными. Хироити мне повидать не удалось. Только генералу разрешили пройти в палату. Как я и предполагал, состояние Хироити было тяжелым.

Дня через два я в надежде на свидание снова приехал в Камакуру. После операции у Хироити поднялась температура, но опасность для жизни миновала, хотя он еще был так слаб, что едва мог говорить.

В тот же день в больницу заглянул инспектор Хатано — расспросить Хироити, не запомнил ли тот грабителя в лицо. Но Хироити ответил, что помнит только луч карманного фонарика и чью-то черную тень.

Все это я уже слышал от госпожи Юки.

После больницы я поехал в усадьбу засвидетельствовать почтение генералу, а на обратном пути столкнулся... Нет, это было выше моего разумения.

Итак, выйдя из усадьбы, я любопытства ради побродил по пустырю возле колодца, затем свернул на гравиевую дорожку и, сделав большой крюк, уже приближался к станции, когда вдруг нос к носу столкнулся... с Акаи! С вездесущим Акаи.

Тот выходил из калитки какого-то богатого дома. Он заметил меня, воровато спрятал глаза и торопливо, чуть ли не бегом, перешел на другую сторону улицы. Насторожившись, я ускорил шаг и двинулся следом. Проходя мимо калитки, откуда вышел Акаи, я обратил внимание на табличку: «Санъэмон Котоно». Я повторил про себя это имя несколько раз и со всех ног помчался за исчезнувшим вдали Акаи и вскоре настиг его.

— Какая встреча! Вы ли это, Акаи-сан?

Акаи рассеянно оглянулся.

— А-а, и вы здесь? Вот, решил навестить господина Юки... — словно оправдываясь, пробормотал он, но ни словом не обмолвился о Санъэмоне Котоно. Я взглянул на него и обомлел: Акаи был с ног до головы запорошен золотистой пылью, как ученик ювелира или мастера по изготовлению ширм. Позолота ослепительно сверкала в лучах летнего солнца. Я пригляделся: даже лицо его, вплоть до кончика носа, сияло золотым блеском, словно

статуя Будды. Заметив мое изумление, Акаи промямлил что-то невразумительное.

В те дни золото имело для меня особый смысл: этот грабитель, ранивший Хироити, интересовался исключительно золотыми вещами. Подозрительный тип этот Акаи! Ведь в тот злосчастный вечер и он был в усадьбе Юки... А теперь вот стоит передо мной, весь в позолоте, и явно норовит улизнуть. Да, непонятно. Вряд ли преступление совершил он, но как объяснить и его поведение, и этот нелепейший маскарад?

Мы побрели к станции, но разговор не клеился, и я, наконец набравшись духу, задал Акаи терзавший меня вопрос:

— Скажите, Акаи-сан... Не припомню, чтобы вы были в гостинной, когда грянул выстрел. Позвольте спросить, где вы тогда находились?

Акаи, похоже, ждал этого и с готовностью отозвался:

— Видите ли, я быстро хмелею. Мне стало нехорошо, и я решил выйти на воздух проветриться. А кроме того, у меня как раз кончились сигареты... Я пошел купить новую пачку.

— Вот оно что... Выходит, вы даже выстрела не слышали?

Акаи кивнул, и разговор снова угас. Некоторое время мы брели в полном молчании. А потом Акаи произнес совсем уже несуразную фразу:

— Между прочим, дня за два до преступления у колдца лежали старые бревна. Не продай их хозяин — и собака бы не наследила... Они пройти мешали. Я только что это выяснил.

Он нес совершеннейшую околесицу — притом с чрезвычайно многозначительным видом.

Он или плут и ловкач, или же идиот, подумал я. Лежали там бревна, не лежали там бревна — при чем здесь они? И как могли бревна помешать собаке? Все это вздор

и чепуха. Когда я сказал об этом Акаи, тот оскорбился.
— Ну, если вы так полагаете... Что ж, как вам будет угодно.

Поразительный тип!

Пропавший футляр

В тот день я добрался до дому без приключений, а спустя неделю снова поехал в Камакуру. Хироити все еще держали в больнице, хотя он уже пошел на поправку, и мне передали, что он хочет со мной повидаться. За всю неделю я не имел никаких вестей от семейства Юки, в газетах о происшедшем тоже не появилось ни строчки, так что я пребывал в полном неведении относительно хода расследования. Однако было совершенно очевидно, что преступник так и не пойман.

Я вошел в палату. Хироити был бледен, но довольно весел и бодр. Палата утопала в цветах. У постели Хироити дежурили госпожа Юки и сиделка.

— А-а, Мацумура-кун! — Хироити радостно протянул мне руку. Я с чувством пожал ее и выразил радость по поводу его выздоровления.

Хироити помрачнел:

— Знаешь, я ведь теперь на всю жизнь хромой. Калека...

Я не нашел что ответить. Госпожа Юки отвернулась в сторону и жалобно заморгала.

Мы перевели разговор на другую тему, и мать Хироити, сказав, что ей надо сделать кое-какие покупки, ушла. Сиделку Хироити отослал, и теперь мы могли говорить, не опасаясь чужих ушей. Речь, конечно же, пошла об ограблении.

По словам Хироити, полиция вычистила колодец и попыталась отыскать магазин, где продаются такие же башмаки, что были на воре, но безрезультатно: в колодце, разумеется, ничего не нашли, а башмаки оказались очень распространенным товаром, который всегда можно купить в любом магазине. Инспектор Хатано благоговел перед генералом Юки — важной персоной и богатым землевладельцем, а потому почитал своим долгом навещать Хироити в больнице; видя интерес Хироити к следствию, он подробнейшим образом докладывал ему все новости.

— Понимаешь, — сказал Хироити, — в этом есть свой недостаток: в результате я знаю лишь то, что знает полиция. Однако что ни говори, а дело это странное... Следы начинаются и обрываются точно у колодца. Прямо как в детективном романе, да? И еще: вор взял только золотые вещи. Тоже загадочная подробность. Ты-то ничего больше не знаешь?

Хироити всегда увлекался криминалистикой, к тому же на сей раз преступление было совершено против него самого, что еще больше подогревало его интерес.

Я рассказал то, чего он еще знать не мог: про Акаи, про собачьи следы, про Цунэ, словом, все, что выяснил сам.

Хироити внимал мне, время от времени задумчиво кивая головой, а когда я кончил, погрузился в свои мысли. Он так долго лежал с закрытыми глазами, что я даже забеспокоился, все ли в порядке. Но тут Хироити открыл глаза и очень серьезно сказал:

— Мне ясно одно: преступление это куда запутаннее и страшнее, чем вы все считаете. Это какие-то игрища оборотня.

— Что ты имеешь в виду? Что это не просто кража? — Я тоже невольно напрягся. Вид у Хироити был очень испуганный.

— Да, преступник — грабитель необычный. Он придумал такое... Просто мороз по коже. — Хироити натянул

до глаз простыню и мрачно уставился в потолок. Был летний полдень, но цикады вдруг разом умолкли, и воцарилась неестественная зловещая тишина — словно во сне.

— О чем ты думаешь? — встревоженно спросил я.

— Пока ничего сказать не могу. — Взор Хироити был по-прежнему устремлен в потолок. — Это всего лишь домыслы. Но повторяю: мне очень страшно. Надо подумать, хорошенько подумать. Тут слишком много загадок. Не нравится мне это... А знаешь, разгадки в таких головоломных историях бывают совершенно неожиданные!

Хироити, казалось, разговаривал сам с собой. Он снова закрыл глаза и умолк. Видимо, в голове его зрела какая-то идея. Только мне постичь ее было не дано.

— Загадка первая — это следы. Они начинаются и обрываются у колодца. Да-а... Задача. Слушай-ка, Мацумура! Помнишь, инспектор Хатано нарисовал какую-то схему? Он на днях показывал мне ее. Так вот, у этих следов есть особенность: преступник ставит ноги носком внутрь — словно кривоногая женщина. Но главное даже не в этом, хотя такая подробность, конечно, имеет значение. Я уже высказал свои соображения инспектору, но тот меня не послушал. Вот ведь какая странная штука... Ты не заметил? Следы, ведущие к дому, и следы, что ведут от дома к колодцу, чересчур отстоят друг от друга. Сам посуди: в такой ситуации человек выбирает кратчайший путь, то есть прямую, соединяющую две точки. Но если за эти точки принять колодец и окно в кабинете, то посмотри, что выходит: они соединены не прямой, а двумя дугами, и очень крутыми! Между ними — большое дерево. Тебе это не кажется подозрительным? — Хироити обожал детективы и разного рода логические забавы.

— Нет, не кажется! Ночь, крошечная тьма. Грабитель выстрелил, он перепуган — так что нет ничего удивительного, что он побежал другой дорогой.

В построениях Хироити чувствовалась какая-то натяж-

ка, и я попробовал его урезонить. Но он вспылил:

— Ты ничего не понимаешь! Именно потому, что была ночь и кромешная тьма, и получились такие следы! Вор не просто струсил и побежал не туда — нет, другую дорогу он выбрал сознательно. Он старался не затоптать первый след, вот что я думаю. Но было темно, и из осторожности он намеренно обошел стороною свои же следы. Нет, тут явно какая-то хитрость. Я спрашивал у инспектора, не пересекались ли цепочки следов хоть в одном месте, — нет, не пересекались. Ты понимаешь, что это совсем не случайность?

— Д-да, пожалуй, — согласился я. — Но зачем? В этом же нет никакого смысла!

— Нет, есть! Впрочем, перейдем к следующему пункту... — Хироити обожал говорить загадками, подражая Шерлоку Холмсу.

Лицо его покрылось испариной, дыхание сделалось прерывистым. Хироити страдальчески хмурил брови — видно, разболелась нога, но, сев на своего любимого конька, Хироити оживился.

Да, какая-то собака здесь явно зарыта. Не зря обеспокоен мой друг.

— Странность вторая: то, что вор не взял ничего, кроме золотых вещей. На деньги и не взглянул. Почему? Когда я услышал про золото, сразу вспомнил одного человека. Про это мало кто знает в округе... Думаю, что полиция тоже прошляпила.

Хироити явно недоговаривал, и я спросил:

— Кого ты имеешь в виду? Я его знаю?

— Нет, не знаешь. Только Кода в курсе дела. Я рассказал ему.

— Так ты думаешь на того человека?

— Нет, ты не понял. Здесь другое. Поэтому-то я и Хатано ничего не сказал. Да, видно, придется все-таки тебе кое-что объяснить. Вообще-то я заподозрил было того

типа, но сразу же отмел эту версию. Нет, он нам в остальном не подходит... — И Хироити снова прикрыл глаза. Что за привычка — дразнить! Но ничего не поделаешь: в криминалистике он, конечно, сильнее меня.

Я набрался терпения и подождал, пока он наконец соизволит взглянуть на меня. Но вот глаза Хироити загорелись азартом.

— Из пропавших вещей крупнее всего — настольные часы, сантиметров двенадцать в высоту. И весят они около килограмма. Ты их помнишь?

Я пожал плечами.

— Нет, не особенно. Но кажется, ты прав. Только при чем здесь их вес и размеры? Ты что-то не то говоришь.

Мне даже показалось, что у Хироити жар, и я протянул было руку пощупать ему лоб, но, взглянув на него, понял, что он просто очень взволнован.

— Ну как ты не можешь понять? Это так важно! Я только сейчас догадался, что вес и размеры предметов имеют непосредственное отношение к преступлению!

— Ты хочешь сказать, что грабитель мог без труда унести их? — спросил я, но тут же почувствовал, что сморозил глупость. А Хироити, не отвечая на мой вопрос, понес совершеннейшую ахинею:

— Слушай, Мацумура. Видишь вазу с цветами — ну, у тебя за спиной? Возьми ее, размахнись хорошенько и попробуй добросить вон до того забора!

Что за бред, подумал я. Далась ему эта ваза. И что он к ней прицепился? Ваза как ваза, фарфоровая, сантиметров пятнадцать в высоту.

— Хироити-кун, ты что говоришь? Ваза же разобьется. Ты соображаешь?

Я и в самом деле начинал сомневаться, в здравом ли он уме.

— Ничего, пусть разобьется. Это наша ваза, из нашего

дома — так что не беспокойся. Ну, давай же бросай!

Я колебался, и Хироити в сильнейшем раздражении сделал попытку привстать с кровати. Ну точно, сошел с ума! Ведь ему даже двигаться запрещено!

Я решил больше не перечить больному и подчинился его полубезумному требованию — взял вазу и швырнул ее что есть силы в бетонный забор, отстоявший от окна метров на пять.

Хироити, приподняв голову, проводил вазу глазами. Желание его исполнилось, и он успокоился.

— Прекрасно! Спасибо, — беспечно поблагодарил он.

А я застыл в ужасе: сейчас, слышав грохот, кто-нибудь непременно прибежит в палату...

— Да, кстати, старый Цунэ... — Хироити неожиданно перевел разговор на другую тему. Мысли его лихорадочно скакали, и я снова забеспокоился. — Это очень важная ниточка!

Хироити не обращал ни малейшего внимания на мою реакцию.

— Значит, когда вокруг меня поднялся переполох, Цунэ прокрался к окошку и преспокойно уселся? Интересно-е-сно... Ты понимаешь?! Ведь он же не сумасшедший! Нет, здесь должны быть причины!

— Конечно, должны быть. Но я ровным счетом ничего не понимаю, — с некоторым раздражением буркнул я.

— А я, кажется, понимаю, — ухмыльнулся Хироити. — Ну-ка попробуй теперь угадать, что делал старик наутро?

— Наутро? Цунэ? — Я растерялся.

— Ну вспомни. Ты же должен был видеть. Ты был поглощен слежкой за Акаи и просто не обратил внимания... Впрочем, ты только что сам сказал мне об этом! Помнишь, Акаи подсматривал из-за угла, ну?..

— Да, это было очень странно.

— Да нет, ты все время думаешь не о том. Там ведь еще был Цунэ.

— Ах да. Я и забыл.

Ну и растяпа же я!

— Ты сам сказал, что Цунэ копался на клумбе. Цветов на ней сейчас нет, и сажать их не время. Что же тогда он там делал? Логично предположить, что старик занимался чем-то другим.

— Другим?! Чем?

— А ты подумай хорошенько. Накануне вечером, во время всеобщего переполоха, Цунэ непонятно почему сидел у окна. А наутро уже копался на своей клумбе. Из этих двух предпосылок следует только один логичский вывод: он что-то закопал в землю! Что он там спрятал и для чего, я не знаю, но несомненно одно: ему нужно было спрятать это надежно. И у окна он уселся по той же самой причине. Клумба для тайника — идеальное место; во-первых, она находится рядом с дверью на кухню, а во-вторых, кому придет в голову, что старик перекапывает землю вовсе не под цветы? Послушай-ка, отправляйся прямо сейчас в усадьбу и перерой мне всю клумбу, но найди, что спрятал Цунэ. И привези эту штуковину сюда! По цвету земли ты сразу поймешь, где закопана вещь.

Я был потрясен пронизательностью Хироити. Ведь я стоял рядом с Цунэ, но мне и в голову не пришла подобная мысль, а Хироити мигом все раскусил.

— Что ж, поеду. Помнишь, ты говорил, что эта история больше походит на игрища оборотня? Знаешь, в этом что-то есть. Но я не понимаю, зачем ты велел разбить вазу. Объясни!

— Нет-нет, пока это только предположение. Видишь ли, дело слишком деликатного свойства, чтобы позволить себе ошибиться. Не спрашивай меня, ну хотя бы пока. Если я не ошибся, все хуже, чем кажется. Иначе стал бы я так волноваться!

Я кликнул сиделку и поручил Хироити ее заботам.

Уже выходя из палаты, я вдруг услышал, как Хироити мурлычет себе под нос: «Ищите женщину, ищите женщину...»

В усадьбу Юки я приехал в сумерках. Генерала не оказалось дома, и я, воспользовавшись столь удобным случаем, сразу вышел в сад. Подводя краткий итог моим поискам, скажу, что, перерыв клумбу, я нашел то, что искал. Находка несколько удивила меня: дешевый футляр для очков, сделанный из алюминия. Было видно, что его зарыли в землю совсем недавно. Я показал его тайком от Цунэ одной из служанок, и, к моему немалому изумлению, оказалось, что владелец футляра — сам старый Цунэ. Служанка добавила, что на футляре есть метка и ошибиться она не могла.

Выходит, Цунэ закопал на клумбе свое же добро! Непостижимо. Зачем старику закапывать в землю какой-то очешник — если только он не улика? Пользовался бы себе на здоровье. Ведь куда подозрительней неожиданное исчезновение вещи, которую видели при нем ежедневно...

В общем, сколько я ни ломал голову, так ничего и не понял. Решив отнести футляр Хироити, я строго-настрого предупредил служанку, чтобы та не болтала, и побрел к усадьбе. Но тут... Тут произошло нечто такое, что, по моему, было за гранью разумного.

Как я уже говорил, хозяин отлучился из дому, свет в его окне не горел. И вдруг в полутемном саду я заметил какую-то тень. Она приближалась ко мне. Акаи! Что он делает здесь в такой час да еще когда хозяина нет дома?

Увидев меня, Акаи замер. Я взглянул на него и поразился: он был в нижней рубаше, босиком, мало того — по пояс заляпан жидкой грязью.

— Что с вами? — спросил я его, и Акаи смущенно ответил, что ловил рыбу, но поскользнулся и упал в воду.

— А на дне ила — по пояс! — точно оправдываясь, пояснил он и скрылся из виду.

Одержимый золотом

Вскоре я сидел в палате у Хироити. Госпожа Юки уже уехала, разминувшись со мной, и подле Хироити томилась со скучающим видом сиделка. При моем появлении Хироити отпустил ее.

— Ты был прав. Я нашел, что искал. Вот смотри! — И я выложил на кровать футляр для очков. Хироити не мог скрыть своего изумления.

— Выходит, я не ошибся. Все-таки... — пробормотал он.

— Что — все-таки? Значит, ты знал? Служанка сказала, это футляр Цунэ. Ну скажи на милость, зачем ему прятать свою же вещь?

— Да, это футляр Цунэ, но тут есть еще одна тонкость... Значит, ты не догадался?

— О чем?

— А я больше не сомневаюсь. Да, это он. Он хотел...

Хироити не ответил на мой вопрос. Было видно, что он в сильнейшем волнении. Я понял, что он догадался, кто преступник. Только я собрался выяснить это, как в дверь постучали. Опять явился инспектор Хатано — навестить больного. Да, его чувства к семейству Юки явно выходили за рамки служебного долга.

— Ну, дело пошло на поправку, — заметил он.

— Да, все нормально.

После обмена любезностями инспектор официальным тоном вдруг заявил:

— Собственно говоря, я приехал в столь поздний час не без причины. Я хочу кое о чем сообщить в а м, — и Хатано покосился на меня.

— Это Мацумура-сан. Вы же знакомы, инспектор. Он мой близкий друг, так что можете говорить при нем что угодно, — подбодрил инспектора Хироити.

— Впрочем, секрета тут нет. Дело в том, что мы нашли вора. Преступник уже арестован.

— Что?! Арестован? — хором воскликнули мы с Хироити. — Кто он?

— Юки-сан, вам знаком человек по имени Котоно? Он живет рядом с вами.

Ага, все-таки Котоно... Читатель, верно, еще не забыл «позолоченного» Акаи?

— Да, знаком. А что?

— У него есть сын, Мицуо. Этот Мицуо — ненормальный. Его держат под замком, и он никогда не выходит из дома. Так что, может быть, вы не в курсе? Мы сами узнали об этом только сегодня.

— Нет, я не в курсе. Так вы говорите, преступник — Мицуо?

— Именно так. Мы взяли его и даже уже допросили. Правда, он не в себе и признания мы от него не добились. Этот Мицуо — удивительный сумасшедший. Он помещен на золоте — просто настоящий маньяк — и тащит в дом все, что блестит. Знаете, когда мы вошли к нему, то рты раскрыли. Комната переливалась, точно алтарь! Позолоченные безделушки, латунная пыль, фольга, просто блестящие вещи — в общем, все то, что похоже на золото, включая позолоченный багет и золотую бумагу. Вся комната завалена так, что негде ступить.

— Я слышал об этом. Значит, вы говорите, этот несчастный и есть грабитель?

— Да. К бумажнику он не притронулся, а взял только то, что блестит, даже дешевую авторучку. Это же противоречит здравому смыслу! Я сразу подумал, что вор не в своем уме, и не ошибся: он сумасшедший. Это так.

— Ну а вещи нашлись?

В голосе Хироити я уловил иронию.

— Нет, пока не нашлись. Мы все перерыли, однако в его комнате их не оказалось. Хотя этот псих мог спрятать их где угодно, в самом неожиданном месте. Мы, разумеется, еще раз обыщем весь дом.

— Вы уверены, что в тот вечер Мицуо уходил из дома? И домашние этого не заметили? — Хироити допрашивал инспектора на редкость настойчиво, и тот недовольно поморщился.

— Домашние вроде бы ничего не знают. Однако в тот вечер Мицуо был в дальней комнате и вполне мог выпрыгнуть в окно и незаметно для всех перелезть через забор.

— Так, так... — Тон у Хироити становился все более издевательским. — А эти ваши знаменитые следы — те, что начинаются и кончаются у колодца, откуда они-то взялись? Ведь вы же не можете отмахнуться от них!

— Это допрос? — Инспектор снова покосился на меня и деланно рассмеялся, но чувствовалось, что он просто взбешен. — Не утруждайте себя понапрасну. Для подобных дел существуют суд и полиция.

— Не сердитесь, инспектор. Ведь потерпевший — я, и вам бы следовало сказать мне все.

— Я ничего не могу сказать вам. Ведь вы спрашиваете меня о том, чего мы и сами не знаем. — Инспектор изобразил улыбку. — Отпечатки ног изучаются.

— Значит, неопровержимых улик у вас нет. Есть только одно случайное совпадение — сумасшедший и пропажа золотых вещей из усадьбы, не так ли? — бесцеремонно заключил Хироити. Даже мне стало неловко.

— Случайное совпадение? — Терпеливый инспектор наконец рассвирепел. — Потрудитесь выбирать выражения! Вы что же, считаете, полиция заблуждается?

— Несомненно. — Хироити нанес последний удар: — И арест Мицуо Котоно — возмутительная ошибка.

— Что-о?.. — Инспектор не находил слов, однако из чувства долга все же спросил: — У вас есть доказательства? В противном случае вам не следовало бы делать столь опрометчивые заявления, юноша.

— Доказательства? Сколько угодно! — невозмутимо

ответствовал Хироити.

— Интересно откуда! — съязвил инспектор. — Все это время вы провалялись в постели. Как же вам удалось собрать доказательства? Да вы просто бредите! Или наркотоз не выветрился.

Хироити расхохотался:

— Что, испугались?! Бойтесь, докажу, что вы ошибаетесь?

Инспектор был вне себя. Но противник — мальчишка, к тому же больной, встать и уйти невозможно. На скулах у Хатано вздулись желваки. Он с грохотом придвинул стул к Хироити:

— Ну что ж, выкладывайте. Кто преступник?

Но Хироити безмолвствовал, изучая потолок, видимо, собирался с мыслями.

А ведь и правда, Хироити обмолвился о каком-то подозрительном человеке, но сказал, что настоящий преступник не он. Ну конечно, он имел в виду этого Мицуо Котоно! Вряд ли найдется поблизости второй такой же безумец. Разве что господин Акаи. Уж он-то не менее подозрителен. Я не забыл еще, как он вышел от Котоно весь в позолоте, до кончика носа. Может, они с Мицуо — одного поля ягоды?

Да, но когда я покидал Хироити, отправляясь копать клумбу в усадьбе Юки, тот бормотал что-то странное — вроде про женщин. Что это значит? Он намекал, что в преступлении замешана женщина? Да, дела... Мне почему-то вспомнилась Симако — но какое она может иметь отношение к происшедшему? Женщина... Следы, оставленные грабителем, походили на женские. А после выстрела из кабинета пулей вылетела Хисамацу — любимая кошка Симако. Ну и что из этого следует? Что Симако замешана в злодеянии? Чепуха. Есть куда более подозрительный тип — старый Цунэ. Сначала вроде бы теряет футляр для очков, потом зачем-то зарывает его на клумбе...

Тем временем Хироити соизволил открыть глаза и взглянул на изнывавшего от нетерпения Хатано.

— Я вовсе не исключаю возможности, что Мицуо Котону ускользнул из дома незаметно для домашних. Однако ни одному даже самому сумасшедшему из сумасшедших не дано пройти по земле, как по воздуху, не оставив следов. — Хироити чеканил слова. — Как вы объясняете загадочный след у колодца? Ведь это проблема проблем. Мы не вправе отмахнуться от такой важной улики. От нее зависит весь ход расследования. И найти преступника, не решив этой задачи, немислимо...

Хироити сделал эффектную паузу, перевел дыхание и поморщился, словно от боли. Все, что он говорил, было разумно и неоспоримо, и Хатано, совершенно раздавленный его спокойной уверенностью, как-то сник и молча ждал продолжения.

— Мацумура-кун, что сидит рядом с вами, выдвинул любопытнейшую гипотезу... Господин Хатано, известно ли вам, что у колодца обнаружены собачьи следы? Только они уводили в противоположную сторону, к дорожке за пустырем. Так вот, Мацумура-кун предположил, что преступник имитировал эти следы. Все это весьма занятно, но недостаточно реально. Почему, спросите вы? — Тут Хироити метнул взгляд на меня. — Да потому, что тогда от колодца до дома преступник вряд ли отправился бы на своих двоих. Даже для сумасшедшего это чересчур извращенная логика. Кроме того, подобный трюк технически сложен и требует труда и умения. Нет, сумасшедшему такое и в голову не придет! Значит, гипотеза Мацумуры — ошибка. Таким образом, возвращаемся к исходной точке: тайна осталась тайной. Кстати, инспектор, у вас при себе ваша схема? Думаю, в ней мы отыщем ключик к разгадке...

К счастью, книжечка была у инспектора в кармане. Он раскрыл ее на нужной странице и положил Хироити на постель. А тот, взяв ее, вдохновенно стал развивать

свою мысль.

— Вот взгляните! Следы, что тянутся к дому, и следы, что ведут к колодцу, чересчур отстоят друг от друга. Я уже говорил сегодня от этом Мацумуре. Преступник бежит, спасая собственную шкуру. Как вы думаете, станет он делать такой крюк? А кроме того, цепочки следов ни разу не пересекаются. Это тоже весьма подозрительный факт. Вы понимаете? Значит, грабитель старался не затоптать собственные следы. И для этого намеренно выбрал кружной путь.

— В самом деле... — задумчиво протянул инспектор. — Следы не пересекаются. Может быть, вы и правы — преступник действительно старался не затоптать следы. Но почему? Зачем ему это?

Вид у инспектора был такой озадаченный, что Хироити передернуло от возмущения.

— Что тут непонятного? Господин Хатано, вы во власти ложной гипотезы. Вы уверовали, что следы, где шаг уже, первичны, а следы, где шаг шире, вторичны. Это и подтолкнуло вас к ошибочному заключению, что следы начнутся и обрываются у колодца. Но чудес не бывает!

— Вы считаете — все наоборот? След начинается от окна кабинета и кончается там же?

— Ну да. Я-то давно догадался.

— Нет, ерунда, — с горячностью возразил инспектор. — Если ваш вор такой умный, что же он поленился дойти до дорожки? Это же глупо — повернуть назад посреди пустыря! Ну-с, молодой человек, как вы это мне объясните?

— О, без труда, — усмехнулся Хироити. — Все дело в том, что ночь выдалась темная.

— Ну и что? Дошел же он до колодца! А оттуда и до дорожки рукой подать.

— Вы не поняли меня, инспектор. Вор просчитался. Он решил, что до дорожки идти ни к чему. Это психологический казус... Скажите, вы слышали, что прежде рядом

с колодцем были свалены старые бревна? И убрали их незадолго до преступления? Преступник не знал, что их увезли, это и привело к просчету. Всем известно, на бревнах не остается отпечатков. Вот грабитель и сделал ошибочный вывод, что идти дальше нет никакого смысла. В кромешной тьме не было видно, что бревен уже нет. Мало того, он, наткнувшись на стенку колодца, возможно, принял ее за бревно...

Как все просто! Я испытал невольное разочарование. Я тоже видел ту кучу бревен. Впрочем, не только видел, но и... Да, в самом деле, Акаи тоже что-то плел мне про бревна, но я не придавал тогда его словам никакого значения... Какой же я идиот! Не сумел понять того, что без труда разгадал Хироити, не вставая с больничной койки.

— Иными словами, вы утверждаете, что преступник пытался ввести следствие в заблуждение? Значит, он не пришел откуда-то, а находился в самой усадьбе?!

Инспектор Хатано больше не спорил. Он ждал, когда Хироити назовет имя.

Простая арифметика

— Раз следы во дворе фальшивые, значит, преступник мог находиться только в доме — разумеется, если он не вознесся на небо, — сказал Хироити. — Но возникает вопрос: почему он взял лишь золотые вещи? Вопрос, надо отметить, весьма не простой. Во-первых, грабитель несомненно знал про болезнь Мицуо Котоно и постарался сделать все, чтобы подозрение пало именно на него. Не случайно следы вели к пустырю... Во-вторых, тут есть еще одна тонкость. Я имею в виду вес и размеры пропавших предметов...

Я уже слышал однажды эти безумные речи и не особенно удивился, а вот инспектор Хатано — тот просто оторопел.

— Ваша схема — красноречивый документ преступлений и я, — продолжал Хироити, — скажите, инспектор, почему вы изобразили на ней не только дом, но и сад? Намеренно или случайно?

Хатано совсем растерялся.

— Что? Я?.. Вы хотите сказать... — заикаясь, пробормотал он.

— Вещи золотые, достаточно ценные, так что вполне естественно, что они привлекли внимание вора. Но у них есть еще одна характерная особенность: все они небольшие, но довольно увесистые. Именно то, что нужно преступнику: он лишь притворился, что сбежал с краденым добром. На самом же деле он зашвырнул то, что украл, подальше — прямо из окна кабинета. Мацумура-кун, ты помнишь вазу с цветами? По весу она почти не уступала пропавшим настольным часам, вот я и решил проверить, далеко ли она улетит. Другими словами, я хотел выяснить, в каком примерно месте пруда следует искать пропавшие вещи.

— Но зачем преступнику такой огород городить? Вы говорите, он старался представить *все дело* как кражу. Какое — *все дело*? Он что, украл еще что-нибудь? Или же у него были иные намерения?

— Как вы не понимаете? Преступник покушался на мою жизнь! Он хотел убить меня!

— Вас?! Кто?.. С какой целью?

— Не торопитесь. Я сейчас все объясню. Но сначала скажите, какой смысл грабителю стрелять в меня из пистолета? Мелкая кража — а ведь это была мелкая кража — не увязывается с попыткой убийства или хотя бы с нанесением тяжкого телесного повреждения. Проходят эти преступления по разным статьям, и ответственность разная. Я тогда сразу подумал: тут что-то не то. А потом догадался — преступнику была нужна моя жизнь. А кража — ловкая маскировка.

— Вы кого-нибудь подозреваете? У вас были враги? — нетерпеливо спросил инспектор.

— Это простая арифметика. Сначала я даже не знал, кого подозревать. Но, сопоставив все данные, пришел к единственно возможному выводу. Не угадали еще? Ну, напрягитесь — сразу поймете. Поищите в пруду... Да, арифметика очень простая. Если из двух вычесть один, будет один. Все даже слишком просто... — Хироити помедлил. — Если следы в саду — обман, преступнику остается единственный путь к отступлению: он должен пройти по коридору, соединяющему флигель и главное здание. Но в момент выстрела в коридоре случился Кода. Насколько вы помните, там нет бокового выхода и коридор ярко освещен. Стало быть, Кода не мог не столкнуться с грабителем нос к носу. Рядом, правда, есть еще одна комната — кабинет Симако-сан, но спрятаться в ней невозможно, в этом вы убедились сами. То есть, рассуждая логически, преступнику просто некуда было деться.

— Я тоже на этом споткнулся, — заметил инспектор. — А потому и склонился к версии, что грабитель пришел откуда-то со стороны.

— Итак, преступник не обнаружен ни в доме, ни вне дома. На месте происшествия оставались лишь я и свидетель преступления — Кода. Потерпевший не может одновременно являться преступником. Какой дурак станет стрелять сам в себя? Значит, остается Кода. Если из двух вычесть один... Из двоих один — потерпевший. Если исключить его, то остается преступник.

— Значит... Значит, это он?! — хором воскликнули мы с инспектором Хатано.

— Да. Мы чересчур увлеклись ложной версией. И один человек выпал из поля нашего наблюдения. Он изобрел прекрасный способ отвести от себя подозрения — выступил в качестве основного свидетеля, близкого друга потерпевшего...

— Значит, ты с самого начала все знал?

— Нет. Я только сегодня понял. А в тот вечер видел всего лишь чью-то тень.

— Довольно убедительно, но... Кода — убийца?.. Нет, не верю! — Я закусил губу.

— Увы, это так. Мне нелегко называть друга преступником. Но в противном случае вся тяжесть вины падет на несчастного сумасшедшего. А кроме того, Кода совсем не так прост. Он не тот человек, за которого себя выдает. Посмотри, как он действует. Коварство его не знает границ! Обычному человеку такое не по зубам. Он — оборотень! Дьявол!

— У вас есть доказательства? — Инспектор был верен себе. Его интересовали не эмоции, а факты.

— Кроме него, некому было совершить злодеяние, а значит, преступник — Кода. Разве это не самое главное доказательство? Впрочем, если вам мало, у меня есть и другие. Мацумура-кун! Помнишь, как он ставит ноги?

У меня перехватило дыхание. Я и подумать не мог, что Кода — злодей, а потому совершенно упустил этот момент из виду. А ведь и в самом деле, тот здорово косолапит!

— Вот вам одно доказательство. Но есть и еще. Более веское.

Хироити вытащил из-под простыни алюминиевый футляр для очков и протянул его Хатано. Рассказав, как обстояло дело с футляром, Хироити добавил:

— Это футляр Цунэ. Если преступник — Цунэ, то зачем бы ему закапывать свою вещь на цветочной клумбе? Ведь никто не заметил, что футляр валялся на месте происшествия... То, что старик закопал его в землю, доказывает как раз обратное — его невиновность. Почему же тогда Цунэ спрятал его? На то есть причина. Не понимаю, как ты, Мацумура-кун, этого не заметил. Ведь мы каждый день вместе ходили на море...

По словам Хироити, выходило следующее. Кода был

близорук и носил очень сильные очки. Но когда он приехал в усадьбу Юки, то обнаружил, что забыл дома очешник. Вообще-то футляр нужен не так уж часто, но во время купанья очки приходится снимать, а потом, они вечно теряются. Старый Цунэ посочувствовал Коде и одолжил ему свой футляр. Все знали об этом — и Симако, и слуги, — только я по рассеянности ничего не заметил. И вот, увидев на полу кабинета свой футляр, Цунэ спрятал его, чтобы выгородить Коду.

А проявил он такую заботу из-за того, что был немало обязан его отцу. Собственно говоря, и в дом Юки его приняли по рекомендации отца Коды. Старик питал особую слабость к сыну своего покровителя. Это обстоятельство было известно и мне. Но инспектор сразу нащупал в рассуждениях Хироити уязвимое место:

— А почему старик так легко заподозрил именно Коду? Вам не кажется странной такая поспешность в суждениях?

Тень промелькнула по лицу Хироити.

— Не кажется. Если я расскажу вам, в чем дело, вы сразу поймете мотивы преступления Коды.

Коротко говоря, Хироити, Симако и Кода составляли пресловутый любовный треугольник. Оба они уже давно добивались этой красивой девушки, и между ними шла глухая, молчаливая борьба. Я уже говорил в самом начале, Хироити был гораздо ближе с Кодой, чем со мной. Тесная дружба связывала еще их отцов. А я практически не догадывался о соперничестве между Кодой и Хироити. Мне было известно, что Симако помолвлена с Хироити, но я смутно чувствовал, что и Кода девушке не совсем безразличен, хотя мне, конечно, и в кошмарном сне присниться не могло, что дело дойдет до такой крайности.

— Стыдно признаться, но мы с Кодой частенько ссорились из-за пустяков, когда бывали одни, а случалось, даже дрались. Катаемся по земле, молотим друг друга и орем:

«Симако — моя!» — «Нет — моя!» Хуже всего то, что мы так и не могли понять, кому она отдает предпочтение. Симако в равной мере была приветлива с нами обоими. Возможно, Кода совсем потерял голову и в конце концов решил убрать меня с дороги: ведь это я был помолвлен с Симако-сан. Цунэ знал о нашей вражде. В день, когда произошло преступление, мы поссорились всерьез. Это случилось в саду, и, должно быть, Цунэ подслушал наш разговор. Увидев футляр в кабинете, преданный старик почуял неладное. Ведь Кода нечасто бывал в кабинете моего отца, к тому же после он утверждал, что, услышав выстрел, сразу бросился в дом позвать на помощь, — но ведь футляр-то лежал не у двери, а у окна!

...Таким образом, все вроде бы прояснялось. Логика Хироити, похоже, убедила даже недоверчивого инспектора. Оставалось только одно — отыскать на дне пруда пропавшие вещи. По случайному стечению обстоятельств в тот же вечер инспектору Хатано позвонили из полицейского управления прямо в больницу и сообщили добрую весть: со дна пруда в усадьбе Юки извлечены пропавшие золотые вещи, а также пистолет, башмаки и даже стеклорез. Как вы уже, вероятно, догадались, выудил их все тот же Акаи. Когда я встретил его возле усадьбы Юки, перемазанного грязью, он занимался отнюдь не рыбной ловлей. А я-то еще подозревал его... Оказывается, он талант, сыщик-любитель!

В ответ на мое восторженное замечание Хироити сказал:

— Я давно это понял. Помнишь, как он выследил Цунэ, когда тот закапывал футляр? И у Мицуо Котоно он побывал. Он все время шел точно по следу и подталкивал меня к догадке.

Сам я не видел, но говорили, что башмаки были привязаны к тяжелой пепельнице носовым платком с инициалами S. K., выведенными тушью. Видно, Кода никак не предполагал такого поворота дел и допустил непростительное

легкомыслие, воспользовавшись меченым носовым платком.

Разумеется, на следующий же день Коду арестовали по подозрению в попытке совершить убийство. Однако он вел себя с непонятным спокойствием и проявил редкостное упрямство. Сколько его ни допрашивали, он ни за что не желал сознаваться. Однако, когда Коду просили объяснить, где он находился непосредственно перед выстрелом, он молчал, словно набрал в рот воды. А стало быть, алиби у него не было. Сначала он все твердил про то, что «решил проветриться», но по свидетельству секретаря генерала, пробывшего весь вечер в комнате рядом с прихожей, «Акаи действительно выходил за сигаретами, а Кода не появлялся». В общем, улик было более чем достаточно — и признание становилось необязательным. Алиби Коды теперь никто бы уже и не поверил. Его заключили в тюрьму, и он должен был предстать перед судом.

Тени в дюнах

Спустя неделю я нанес семейству Юки визит. Мне стало известно, что Хироити выписали из больницы.

Обстановка в усадьбе была по-прежнему напряженной, нетрудно понять почему. Единственный сын, Хироити хотя и выжил, но остался калекой. Генерал и госпожа Юки каждый по-своему изливали мне свое горе. Сложнее всего дело обстояло с Симако. Как рассказывала госпожа Юки, та из сострадания ухаживала за беспомощным Хироити, словно любящая жена.

И только Хироити оказался гораздо бодрее, чем я ожидал; он, словно забыв о кровавых событиях, вынашивал план собственной книги.

Вечером приехал вездесущий Акаи. Мне стало неловко оттого, что я подозревал его, и я разговаривал с ним более

приветливо, чем обычно. Хироити тоже был рад приезду доморощенного сыщика.

После ужина мы, пригласив Симако, отправились к морю прогуляться.

— На костылях ходить куда проще, чем я предполагал. Смотрите, я даже бегать могу! — и Хироити рванулся вперед. Полы его кимоно развевались, новенькие костыли ударяли о землю тоскливо и глухо.

— Осторожнее! Осторожнее! — Симако бросилась за ним вдогонку.

— А не отправиться ли нам в Юигахаму на представление? — предложил Хироити.

Акаи засомневался:

— Вы не устанете?

— Ничего, тут не так далеко. А до концертного зала и километра не будет.

Почему-то новоиспеченные калеки радуются прогулкам, как дети, едва научившиеся ходить. Перебрасываясь шуточками, мы побрели по залитой холодным лунным сияньем дороге. Потом разговор угас, и мы уже долго брели в полном молчании, когда Акаи вдруг рассмеялся — видно, вспомнил что-то очень забавное. Он все никак не мог остановиться — шел и смеялся.

— Акаи-сан! Что это вас так насмешило? — не выдержала Симако.

— Да так, ничего, пустое, — продолжая хихикать, проговорил Акаи. — Просто мне сейчас пришла в голову одна чрезвычайно забавная мысль. Все думают, что нога человека должна соответствовать его росту: у маленького человека маленькая нога. Оказывается, нет. У коротышек бывают несообразно большие ноги. Ну не потеха — большие ноги у коротышек, ха-ха-ха! — Акаи снова захохотал.

Симако из вежливости улыбнулась, хотя явно не поняла, что тут смешного.

Все-таки у Акаи много причуд. Станный он тип...

Ночная Юигахама бурлила и сверкала как в праздник. Начиналось представление в духе кагура *. Мы сидели в уютном кафе, потягивая прохладительные напитки, когда Акаи совершил очередную бестактность.

Исследуя дно злополучного пруда, он осколком стекла сильно порезал палец и ходил теперь забинтованный. В кафе бинт развязался, и Акаи безуспешно пытался затянуть узел зубами. Симако, заметив его мучения, предложила:

— Давайте я помогу!

Но Акаи невежливо промолчал и сунул свой палец под нос сидевшему совсем на другом конце стола Хироити: — Хироити-сан, не откажите в любезности!

Нелепый он все-таки человек. И к тому же упрямый.

В конце концов между Акаи и Хироити завязалась беседа на излюбленную тему. Оба они показали себя в недавнем деле настоящими детективами, перемудрили полицию — и естественно, разговор пошел весьма оживленный.

В итоге все кончилось тем, что они снова принялись перебирать прославленных сыщиков. И как всегда, объектом нападок Хироити стал его традиционный «соперник» — Когоро Акэти.

— Этот Акэти просто умных преступников не встречал! — кипел Хироити. — Ловит самых заурядных жуликов, но форсу-то, форсу... Тоже мне гениальный сыщик!

Разговор продолжался и после того, как мы вышли из кафе. Как-то само собой получилось, что компания разделилась надвое, и мы с Симако далеко оторвались от увлеченных беседой Акаи и Хироити. Симако шла по пустынному берегу и пела. Мелодия была мне знакома, я с удовольствием подпевал. Лунный свет серебрил гребни волн, свежий ветер раздувал полы и рукава кимоно и отнесил звуки нашей песни к далекому лесу.

— Давай напугаем их? — предложила Симако. Мы оглянулись: доморощенные детективы все еще были увле-

* Синтоистские пляски и пантомимы.

чены беседой. Они изрядно от нас отстали. Симако подбежала к высокой дюне и поманила меня рукой. Я тоже развеселился: мы были похожи на играющих в прятки детей.

— Ну куда они там подевались? — Симако нетерпеливо высунулась из-за дюны. Вскоре послышались звуки шагов и голос Хироити, окликавшего нас.

— Не могли же они потеряться! — произнес следом за ним голос Акаи. — Ладно, присядем здесь, отдохнем. Наверное, трудно идти по песку на костылях...

Они устроились совсем рядом с нами: теперь нас разделяла только невысокая дюна.

— Здесь нас никто не услышит. По правде сказать, я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз... — сказал Акаи.

Мы с Симако намеревались выскочить из убежища с громкими устрашающими воплями, но тут азарта у нас поубавилось. Подслушивать нехорошо, и, невольно оказавшись в таком положении, мы не знали теперь, как быть.

— Скажите, вы действительно верите в то, что Кода — преступник? — спросил Акаи как-то очень серьезно.

Что он опять задумал? Однако тон Акаи заставил нас с Симако насторожиться.

— И верю, и не верю, — признался Хироити. — Но если на месте преступления были только мы двое, причем потерпевший один из нас, то что еще остается? Да и улик слишком много — носовой платок с меткой, футляр для очков... Но все-таки я еще сомневаюсь.

— Кода представил алиби. У меня есть приятель в суде, и я знаю то, чего еще не знают другие. Кода солгал, сказав, что выстрел застиг его в коридоре. А солгал он единственно потому, что в тот момент занимался неподобающим делом... Украдкой читал дневник Симако-сан! Это многое объясняет. При звуке выстрела он бросился прочь, забыв раскрытый дневник на столе. Выстрел его

вспугнул, иначе бы он, конечно, уничтожил следы «преступления» — положил дневник на место. Значит, стрелял не он.

— А зачем он читал дневник?

— Вы не знаете? Он хотел выяснить, кому принадлежит сердце Симако. Бедный Кода-кун, представляю, что он пережил.

— И в суде поверили этому объяснению?

— Нет, не поверили. Ведь против Коды действительно слишком много улик.

— Да, оправдание слабое.

— И тем не менее я могу привести еще факты, доказывающие его невиновность. Первое: если он и в самом деле хотел убить вас, то почему звал на помощь, не убедившись, что вы мертвы? Зачем было так торопиться? Это уж совершенно не вяжется со скрупулезностью подготовки к убийству — я имею в виду ложный след и все прочее. Второе: если Кода приложил столько усилий, чтобы полиция не разгадала уловку со следом, то почему же он не изменил походку? Упущение непонятное. Это только на первый взгляд просто убить человека: выстрелил — и готово. Нет, все гораздо сложнее. А уж если преступник стремится свалить вину на другого... Тут и вовсе запутаешься.

Вы посчитайте, сколько неразрешенных загадок в одном этом деле: чужой футляр для очков, башмаки, ложный след, забытый дневник, найденные на дне пруда золотые вещи... Если бы сыщикам удавалось разгадать каждую мелочь, ни один самый хитроумный преступник не ускользнул бы от наказания. Увы, подобных высот мы еще не достигли, и порой остается уповать на счастливый случай, все же приводящий к раскрытию преступления. Главное — выудить в море фактов и фактиков то, что станет ключом к разгадке. Я с детства привык обращать внимание на мелочи: с какой ноги идет человек, в какую сто-

рону выкручивает полотенце, как надевает костюм. Подобные малозначащие детали порой оказываются бесценным свидетельством. В нашем деле такая «мелочь» — преловутый платок с меткой, которым были привязаны к пепельнице башмаки, а точнее — узел на этом платке. Я извлек вещи, не развязывая платка, и все вместе вручил инспектору Хатано, ибо это важное вещественное доказательство. Дело в том, что платок был завязан весьма необычным способом, так называемым продольным узлом. Обычно такие узлы делают только дети. Взрослые завязывают совсем иначе. Этот продольный узел нарочно не сделаешь... Я помчался к Коде домой и попросил его мать найти мне какую-нибудь веревку или что-нибудь в этом роде, где был бы узел, завязанный Кодой. К счастью, матери удалось найти кое-что. Узлы оказались самыми заурядными. Заподозрить Коду в изощренном коварстве я просто не мог: ведь он упустил из виду куда более вескую улику — метку! И этот факт тоже говорит в его пользу!

Акаи замолк. Хироити ничего не ответил. Наверное, был потрясен наблюдательностью своего собеседника.

Мы напряженно слушали, особенно Симак: дыхание ее участилось, хрупкое тело сотрясала мелкая дрожь. Видно, сердечко девушки уже почуяло неладное.

Ошибка

Акаи рассмеялся. Отсмеявшись, он наконец сообщил:

— Есть и еще один контрдовод. Очень смешной, ха-ха-ха! Знаете, с этими башмаками вышел просто курьез! Дело в том, что башмаки, извлеченные мною со

дна пруда, совершенно не соответствовали отпечаткам ног преступника. Все остальное безупречно, но тут... Подметки у башмаков резиновые, а резина, как известно, от пребывания в воде не деформируется, так что можно с точностью определить размер ноги. Оказалось, что башмаки соответствуют десятому номеру. Однако... — Акаи снова подавил смешок. — Башмаки эти Коде и на нос бы не полезли! Когда я заезжал к его матери насчет носового платка, то заодно спросил и про размер ноги, оказалось, что Кода уже давно перерос десятый номер. Таким образом, невиновность его установлена. Башмаки совсем не его размера! Но ни полиция, ни судья пока не знают. Глупейшая ошибка! Может быть, это еще выплывет в ходе следствия. А может, пройдет незамеченным — если только в полиции не догадаются примерить найденные башмаки на подследственного.

Мать Коды сказала, что у сына не по росту большая нога. Думаю, именно в этом и коренится ошибка. Настоящий преступник несколько выше Коды. Он исходил из своих пропорций и, видно, решил, что у Коды размер должен быть меньше...

— Ну хватит. Контрдоводы я уже выслушал, — раздраженно оборвал его Хироити. — Пора перейти к заключению. Кто же, по-вашему, настоящий преступник?

— В ы , — спокойно сказал Акаи.

— Ха-ха-ха-ха! Ну вы шутник! Где это видано, чтоб человек сам в себя стрелял да к тому же топил в пруду отцовские золотые вещи? Не смешите м е н я . — Голос у Хироити, однако, сорвался на визг.

— Преступник — в ы , — повторил Акаи тем же спокойным тоном.

— Вы серьезно? Ну и зачем бы мне это?

— Все предельно ясно. Пользуясь вашим же образным выражением, это вопрос простой арифметики. Из двух вычитаем единицу. Что получится, если мы исключим Ко-

ду как преступника? Останетесь вы, как это ни парадоксально. Преступник — вы. Посмотрите на ваш оби... Вы так и не научились завязывать правильные узлы. Но пояс завязывается на спине. Так что здесь могут быть и случайности. Я не зря попросил вас завязать мне бинтик на пальце. Взгляните, вот он, продольный узел. Еще одно доказательство, а?

Акаи говорил очень учтиво — но почему-то именно это производило гнетущее впечатление.

— Зачем мне стрелять в себя? Неужели я стал бы лечиться только затем, чтобы заманить Коду в ловушку? Я не настолько отважен.

В голосе Хироити зазвучала неуверенность. В самом деле, подумал я, сколь бы сильна ни была ненависть к Коде, но едва не лишит себя жизни... Нет, это уж чересчур. Потерпевший не может одновременно являться преступником. Акаи ошибся.

— О да. Именно это противоречие и помогло скрыть обман. Но вашей целью было не только стремление подставить под удар Коду, свалив на него вину в совершенном им преступлении. Мечь — линия побочная. — Акаи говорил очень медленно и раздельно. — Это виртуозное злодеяние. Только уж очень искусственное, как в детективном романе. Вы упивались возможностью сыграть разом три роли — потерпевшего, преступника, следователя. Это вы украли футляр у Коды и подбросили в кабинет. Вы утопили вещи в пруду, вы вырезали стекло, и следы в саду оставили тоже, разумеется, вы. Воспользовавшись тем, что Кода читал в соседней комнате дневник Симако (а подстроили это тоже вы), вы отвели пистолет подальше, чтобы не прожечь дыру и не оставить следов пороха, и выстрелили в себя. Вы знали, что первым на выстрел прибежит Кода, находившийся рядом. Тот скорей бы умер, чем признался, что тайком читал дневник своей возлюбленной, а потому и не мог сказать в свое

оправдание ничего вразумительного.

Превозмогая боль, вы уничтожили последнюю улику — пистолет, швырнули его в пруд через окно кабинета. Положение вашего тела на схеме инспектора Хатано подтверждает мою догадку: ваши ноги находятся на одной линии с окном и прудом. Когда все было кончено, вы потеряли сознание. А скорее всего притворились. Рана, правда, оказалась серьезной, однако опасности для жизни не представляла. Именно то, что нужно для ваших целей.

— Ха-ха-ха! Очень логично! — Голос Хироити снова сорвался. — Но маловероятно. Ни один человек не станет калечить себя ради столь ничтожных целей. Приводите сколько угодно доводов, в этом пункте вам меня победить не удастся.

— Да полно! Я ведь уже говорил, что вы затеяли это не для того, чтобы досадить Коде. Вы и сами признались, что храбрости вам не хватает. Здесь вы душой не покривили. И стреляли в себя потому, что вы — трус. Хотите, чтобы я сам назвал вам причину? Полагаете, что она мне неизвестна?.. Ну что ж, извольте. Вы панически боялись идти в армию. Я раскопал, что еще в университете вы носили очки, притворяясь, будто у вас скверно со зрением. Но подобный обман когда-нибудь все равно бы раскрылся. Ведь вы сын военного. Половинчатых мер было мало, вот вы и избрали столь оригинальный способ. А кроме того, одним этим выстрелом вы убивали двух зайцев!.. Эй, что такое? Ну-ну, не раскисайте! Я еще не закончил.

Не бойтесь, я не потащу вас в полицию. Самое страшное наказание вы уже получили: наш разговор слушает человек, которому вы меньше всего бы желали доверить подобную тайну. Ваша любимая девушка.

Я ухожу. Но перед тем как откланяться, мне бы хотелось назвать свое настоящее имя. Позвольте предста-

виться — Когоро Акэти. Тот самый Акэти, которого вы столь презираете. Однажды ваш отец пригласил меня для расследования одного секретного дела, так я впервые появился в вашем доме. Вы сказали, что я резонер. Верно, но я скорей реалист — причем даже больший, чем меня считают...

...Я был готов провалиться сквозь землю от ужаса и смущения. Но тут до меня донеслись удаляющиеся шаги Акаи.

Содержание

- 5 *Г. Дуткина.* Мистификация длиною в жизнь
- 17 Путешественник с картиной
- 36 Волшебные чары луны
- 55 Человек-кресло
- 70 Психологический тест
- 95 Плод граната
- 135 Простая арифметика

Эдогава Рампо

Р21 Психологический тест: Рассказы / Пер. с япон., предисл. и сост. Г. Дуткиной. — М.: Известия, 1989. — 192 с. (Библиотека журнала «Иностранная литература»)

Основоположник детективного жанра в японской литературе, Эдогава Рампо сыграл в Японии ту же роль, что и Эдгар Аллан По — на Западе. Его рассказы — блестящий образец так называемого «интуитивного» детектива, глубокого проникновения в психологию человека, совершившего преступление.

Р 4703000000-008 70-89
074(02)-89

ББК 84. 5 Яп
И (Яп)

ЭДОГАВА РАМПО
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕСТ

Художественный редактор *С. Мухин*
Технический редактор *И. Клыкова*
Корректор *Л. Шмелева*

ИБ № 1314

Сдано в набор 29.07.88. Подписано в печать 16.05.89. Формат 70x100/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,8. Уч.-изд. л. 8,30. Усл. кр.-отт. 8,1. Тираж 50 000 экз. Зак. № 840. Цена 85 к.

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР». 103791, Москва, Пушкинская пл., 5.

Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

**В Библиотеке журнала
«Иностранная литература» вышли в свет:**

1 Герман Кант (ГДР)
«Объяснимое чудо»	9 Рэй Брэдбери (США)
«В дни вечной весны»
2 Ясуси Иноуэ (Япония)
«Три новеллы»	10 Яшар Кемаль (Турция)
«Легенда Горы»
3 Леонардо Шаша
(Италия)
«Палермские убийцы»	11 Джон Чивер (США)
«Еще одна житейская
история»
4 Надин Гордимер (ЮАР)
«Дом Инкалему»	12 Сьюзен Хилл
(Великобритания)
«Самервилл»
5 Хоакин Сантана (Куба)
«Воспоминания
об улице Магнолии»	13 Тонино Гуэрра
(Италия)
«Стая птиц»
6 Вити Ихимаэра
(Новая Зеландия)
«В поисках Изумрудного
города»	14 Эржебет Галгоци
(Венгрия)
«Вдова села»
7 Арман Лану (Франция)
«Песочные замки»	15 Сид Чаплин
(Великобритания)
«Тонкий шов»
8 Иоахим Новотный (ГДР)
«Новость»	16 Джеймс Джойс
(Ирландия)
«Дублинцы»

- 17 Фарли Моуэт
(Канада)
«Вперед, мой брат,
вперед!»
- 18 Юхан Борген
(Норвегия)
«Декабрьское солнце»
- 19 Энгус Уилсон
(Великобритания)
«Что едят бегемоты»
- 20 Натали Саррот
(Франция)
«Вы слышите их?»
- 21 Радослав Михайлов
(Болгария)
«Властители земли»
- 22 Армандо Роблес Годой
(Перу)
«В сельве нет звезд»
- 23 Вильям Сассин
(Гвинея)
«Вирьяму»
- 24 Йозеф Пушкаш
(Чехословакия)
«Приятные
разочарования»
- 25 Яхья Яхлюф
(Палестина)
«Наджран в час
испытаний»
- 26 Костас Варналис
(Греция)
«Дневник Пенелопы»
- 27 Хуан Карлос Онетти
(Уругвай)
«Лицо несчастья»
- 28 Элио Витторини
(Италия)
«Сицилийские беседы»
- 29 Сётаро Ясуока
(Япония)
«Морской пейзаж»
- 30 Франсуа Мориак
(Франция)
«Агнец»
- 31 Меджа Мванги (Кения)
«Жертва
для гончих псов»
- 32 Ярослав Гашек
(Чехословакия)
«Талантливый человек»
- 33 Мария Луиза Кашниц
(ФРГ)
«Длинные тени»
- 34 «Валлийский рассказ»
- 35 Мигель Делибес
(Испания)
«Опальный принц»

- 36 Алан Маршалл
(Австралия)
«Пишу о тех,
кого люблю»
- 37 Михаил Садовяну
(Румыния)
«Чекан»
- 38 Вейо Мери
(Финляндия)
«Обед за один доллар»
- 39 Хулио Кортасар
(Аргентина)
«Непрерывность парков»
- 40 Гопинатх Моханти,
Кришна Собти
(Индия)
«Чертова Митро»
- 41 Юлиан Кавалец
(Польша)
«Свадебный марш»
- 42 Душан Калич
(Югославия)
«Вкус пепла»
- 43 Густаво Эгурен (Куба)
«Окно на лужайку»
- 44 Элизабет Боуэн
(Великобритания)
«Плющ оплел ступени»
- 45 «Современная
китайская проза»
- 46 Александр
Карасимеонов
(Болгария)
«Двойная игра»
- 47 Иштван Эркень
(Венгрия)
«Путь к гротеску»
- 48 Луи Арагон (Франция)
«Римские свидания»
- 49 Хорхе Луис Борхес
(Аргентина)
«Юг»
- 50 Джеймс Планкетт
(Ирландия)
«Паутина»
- 51 Видиа С. Найпол
(Тринидад)
«Улица Мигель»
- 52 «Ветер с моря»
(Чилийская литература
Сопротивления)
- 53 Эрве Базен (Франция)
«Во что я верю»
- 54 Джон Гарднер (США)
«Искусство жить»
- 55 Ясунари Кавабата
(Япония)
«Старая столица»

- 56 «Скальпель Оккама»
(Сборник зарубежной фантастики)
- 57 Юрий Брезан (ГДР)
«Черная мельница»
- 58 Дэвид Герберт Лоуренс
(Великобритания)
«Дочь лошаdnика»
- 59 Жан-Марк Робер (Франция)
«Чужие дела»
- 60 Винцент Шидула (Чехословакия)
«Солдат»
- 61 Питер Устинов (Великобритания)
«День состоит из 43 200 секунд»
- 62 Дино Буццати (Италия)
«Семь гонцов»
- 63 Жан Кокто (Франция)
«Портреты-воспоминания»
- 64 Фрэнсис Кинг (Великобритания)
«Дом»
- 65 Эдуардо Галеано (Уругвай)
«Дни и ночи любви и войны»
- 66 Кэтрин Энн Портер (США)
«Полуденное вино»
- 67 Али Окля Орсан (Сирия)
«Голанские высоты»
- 68 Зигфрид Ленц (ФРГ)
«Запах мирабели»
- 69 Кобо Абэ (Япония)
«Тайное свидание»
- 70 Доржийн Гарма (Монголия)
«Первые шаги»
- 71 Хорхе Ибаргуэнгойтия (Мексика)
«Убейте льва»
- 72 Ральф Эллисон (США)
«Король американского лото»
- 73 Мигель Анхель Астуриас (Гватемала)
«Зеркало Лиды Саль»
- 74 «Канадская новелла»

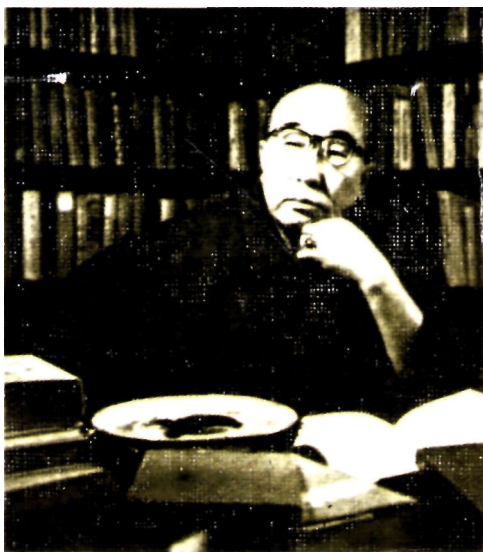
- 75 Герман Гессе
(Швейцария)
«Последнее лето
Клингзора»
- 76 Джузеппе Понтиджа
(Италия)
«Луч тени»
- 77 Эйвинд Юнсон
(Швеция)
«Зимняя игра»
- 78 Ежи Эдигей
(Польша)
«Идея в семь
миллионов»
- 79 Патрик Уайт
(Австралия)
«Женская рука»
- 80 Вирджиния Вулф
(Великобритания)
«Флаш»
- 81 Пх. Рену (Индия)
«Заведение»
- 82 Уильям Тревор
(Великобритания)
«За чертой»
- 83 Шон О'Фаолейн
(Ирландия)
«Безумие в летнюю ночь»
- 84 Элисео Диего (Куба)
«Дивертисменты»
- 85 Иштван Сабо
(Венгрия)
«То памятное утро»
- 86 Элис Уокер
(США)
«Красные петунии»
- 87 Уильям Сароян
(США)
«Случайные встречи»
- 88 «Бельгийская новелла»
- 89 Ник Хоакин
(Филиппины)
«Пещера и тени»
- 90 Лиция Ф. Теллес
(Бразилия)
«Рука на плече»
- 91 Дж. К. Оутс
(США)
«Венец славы»
- 92 Джон Кольер
(Великобритания)
«Карты правду говорят»
- 93 Анна Зегерс
(ГДР)
«Неизвестные страницы»
- 94 Эрвин Лазер
(Венгрия)
«Фокусник»

95 «Дорога к замку»
(Современная японская
новелла)	105 «Первый дождь»
(Стихи и рассказы
никарагуанских
писателей)
96 Патрик Модiano
(Франция)
«Улица Темных Лавок»	106 Томас Вулф
(США)
«Портрет Баскома Хока»
97 Ханс Кристиан
Браннер
(Дания)
«Корабль»	107 Антон Дончев
(Болгария)
«Юность хана Аспаруха»
98 Адольфо Бьой Касарес
(Аргентина)
«Теневая сторона»	108 Бапси Сидхва
(Пакистан)
«Огнепоклонники»
99 Жильбер Сесброн
(Франция)
«Елисейские поля»	109 Франц Кафка
(Австрия)
«Из дневников.
Письмо отцу»
100 Виктор С. Притчетт
(Великобритания)
«Фантазеры»	110 Райнер Мария
Рильке
(Австрия)
«Записки Мальте
Лауридса Бригге»
101 Томмазо Ландольфи
(Италия)
«Солнечный удар»	111 Веркор (Франция)
«Плот Медузы»
102 «Ганская новелла»	112 Эмиль Ажар
(Франция)
«Жизнь впереди»
103 Эдна О'Брайен
(Ирландия)
«Возвращение»	113 Луиш де Стау Монтейро
(Португалия)
«А на ужин — тоска»
104 Раймонд Карвер
(США)
«Собор»	

114 Ингмар Бергман
(Швеция)
«Осенняя соната»	122 Хорхе Семпрун
(Франция)
«Долгий путь»
115 «Дело рук компьютера»
(Сборник научно-
фантастических
рассказов)	123 Урсула Ле Гуин
(США)
«Порог»
116 Иржи Марек
(Чехословакия)
«Тристан, или
О любви»	124 Сэмюэль Беккет
(Ирландия)
«Изгнанник»
117 Збигнев Бжозовский
(Польша)
«Баллада о Чертике»	125 Кристоф Хайн (ГДР)
«Смерть Хорна»
118 Артуро Услар Пьетри
(Венесуэла)
«Дождь»	126 Станислав Игнацы
Виткевич (Польша)
«Сапожники»
119 «Встреча»
(Из румынской прозы)	127 Г. К. Честертон
(Великобритания)
«Человек, который был
Четвергом»
120 Стивен Винсент Бене
(США)
«За зубом
к Полю Ревиру»	128 Ангелика Мехтель
(ФРГ)
«Но в снах своих ты
размышлял»
121 Мануэль Пуиг
(Аргентина)
«Предательство
Риты Хейворт»	129 Бьёрг Вик (Норвегия)
«Недостоверные данные
о счастье»

Эдогава Рампо

(1894—1965) — литературное имя японского писателя Таро Хирои, выбравшего для псевдонима иероглифы, созвучные с именем родоначальника мировой детективной литературы Эдгара Аллана По. Творческое наследие писателя насчитывает 25 томов. Наиболее яркие произведения — "Медная монета" (1923), "Психологический тест" (1925), "Остров Панорама" (1926), "Чудовище во мраке" (1927), "Путешественник с картиной" (1929), "Человек-леопард" (1934), "Игры оборотней" (1954). Творчество Рампо глубоко национально. Сравнивая

его с Эдгаром По, критики отмечают сходство общих закономерностей при яркой индивидуальности конкретного содержания. Так, японский критик Корэскэ Исигами

считает: "Если По — писатель XIX века, то Эдогава Рампо — дитя XX столетия. Если первый — великий мистик, то второй — не менее великий мистификатор."